

Светлана Казакова

Лилия для герцога

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Меня зовут Лилиан. Я не помню моего прошлого до попадания в уединенную обитель. Здешним девушкам подыскивают мужей, и ко мне посватался молодой и красивый герцог. Жаль, никто не предупредил, что к нему прилагаются властная бабушка, коварная соперница и загадочный друг-северянин. А еще тайны, которые, кажется, связаны с тем, что я забыла.

- [Светлана Казакова](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Сноски](#)
 - [1](#)
-

Светлана Казакова
Лилия для герцога

Пролог

Над густым лесом раскинулось ночное небо. Полная луна сияла ярко, словно хотела поспорить с дневным светилом. Именно на нее, уткнувшись носом в холодное оконное стекло, смотрела пятилетняя девочка в длинной ночной рубашке.

– Правда ли, что в полнолуние действует любое колдовство? – спросила малышка у няни. Та в ответ пугливо огляделась по сторонам – точно боялась, что за неправильный ответ может лишиться работы. – Ну же, скажи! – затеребила подол няниной юбки Лили.

– Об этом вы должны спрашивать не у меня, маленькая госпожа, – отозвалась женщина, опуская глаза.

– Но мама и папа тоже не хотят ничего рассказывать! – обиженно выдохнула девчушка.

– Значит, вам еще рано такое знать.

В ответ Лилиан надула губы, но пообещала себе, что ночью непременно не заснет. Хотя бы посмотрит на полную луну. И сдержала обещание.

Когда на идеальную окружность лунного диска легла тень, Лили изумленно приоткрыла рот. Казалось, какое-то чудовище разинуло гигантскую пасть, чтобы проглотить луну. Ам – и нет!

Но луна не исчезла полностью. Она стала темно-красной, точно налилась кровью. Страшно...

Девочке хотелось зажмуриться, но она смотрела. Не сводила глаз с небесного тела и не заметила, как другие тени – живые, движущиеся – проскользнули к воротам ее дома. Не слышала Лили и того, как они поднимались по лестнице, ловко минуя скрипучие ступеньки.

А через некоторое время приоткрылась дверь в ее комнату. Лилиан обернулась. И почувствовала, как крик застрял в горле при виде шагнувшей к ней няни. С ее одежды капала кровь. Неловко взмахнув руками, женщина тяжело рухнула на пол, так и не успев переступить порог детской. Лишь тогда маленькая Лили закричала – так громко, как могла. Прежде ей никогда не приходилось вопить изо всех сил. Ее учили, что такое позволено только простолудинкам, а госпоже надлежит говорить тихо и медленно.

Лилиан замолчала, когда к ней подошел высокий мужчина в темной одежде, пропахшей пылью дорог и конским потом. Он положил руки на ее плечи и слегка сжал, поймав взгляд девочки. Его глаза походили на два

бездонных омута, и, нырнув в них, Лили ощутила, как ее ресницы смыкаются и она проваливается в глубокий сон.

– Сожгите дом, я скоро вернусь, – приказал кому-то, стоящему за его спиной, мужчина и взял заснувшую девочку на руки.

Он отнес Лилиан в лес, над которым вновь разливался мягкий серебряный свет луны. Словно ничего не произошло. Уложил на мягкий изумрудный мох и, наклонившись, коснулся ее волос. От крепких пальцев разлетелись похожие на светлячков искорки. Маленькая Лили вздохнула во сне.

– А теперь спи. Ты ничего не вспомнишь.

Глава 1

Урок истории, как обычно, тянулся долго. Девушки украдкой зевали, стараясь, чтобы этого не заметила наставница. Увы, таланта интересно рассказывать в числе ее достоинств не значилось.

Вид за окном тоже не радовал – синяя полоса неба да несколько чахлых вишневых деревьев, иссушенных солнцем. Время их цветения миновало, а дни, когда можно украдкой лакомиться спелыми ягодами, еще не настали. Если нам, воспитанницам, не удавалось съесть вишни, они доставались птицам.

В древних стенах обители, которые, умей они говорить, наверняка могли бы рассказать куда больше, чем учительница истории, я жила уже четырнадцатый год. С тех самых пор, как меня – помнящую только свое имя – доставили сюда. Все говорили, что мне несказанно повезло, ведь забывшего фамилию родителей ребенка могли отправить в такое место, названия которого нам даже знать не полагалось.

Поначалу мне внушали, что живу я в обители временно. Вот найдется моя семья, и станем мы жить вместе, словно ничего не случилось. Когда я была маленькой, этим словам верила. Ждала, отмечала дни на календаре, молилась, плакала и загадывала, что если, к примеру, продержусь целый день на одной воде, то завтра придут хорошие вести и все станет хорошо. А увидев близких, непременно их вспомню, как же иначе? Только все это не помогало. Ничего не помогало.

Нельзя сказать, что меня здесь обижали. Выделили отдельную комнату, кормили – не так чтобы очень уж сытно, дабы не поправлялась; давали уроки вышивания, учили прочим премудростям, которые могут пригодиться благородной девице моих лет. Говорили, что готовят к замужеству.

Кроме меня в обители жили другие девушки. Порой, когда за нами не особо строго следили, мы собирались в чьей-нибудь комнате и рассказывали жуткие истории, после которых страшно было возвращаться к себе по длинному темному коридору, где за каждым углом мерещились пугающие тени. Одна из этих историй мне особенно запомнилась. Говорилось в ней о богатом и знатном мужчине, который однажды приехал свататься к девушке, как и мы, воспитанной в обители. Не захотелось ему или денег не накопил, чтобы подыскать жену из родительского дома – надумал сироту взять. Только слабой здоровьем оказалась молодая жена и

померла спустя год. Явился вдовец за другой. Девушка не имела права отказать и уехала с мужем, а через полгода вернулась – поседевшая, руки дрожат, ни слова вымолвить не может. На несколько дней ее оставили в обители, а затем решили вернуть мужу. Только, когда приехали, на месте его имени обнаружили лишь старое кладбище.

От рассказа кровь леденела в жилах, а перед глазами проносились картины одна страшнее другой. Так и не заговорила та воспитанница, не рассказала, что произошло. Тайна осталась неразгаданной. Только с тех пор каждая из услышавших эту историю девушек стала побаиваться, как бы не оказаться следующей невестой того страшного жениха. Что, если не человек он вовсе? Значит, и сейчас может быть так же молод, как тогда, когда впервые приехал за девушкой, для которой свадебное платье стало погребальным саваном.

– Город Риент – последний, где сожгли колдунью, – журчал убаюкивающий голос наставницы.

Все это я уже слышала на других уроках. Рассказы о времени, когда любую молодую особу по чужому навету могли схватить прямо на улице, пытать и сжечь на костре. О времени, что успело стать историей, хотя события эти происходили совсем недавно. О времени, из-за которого в нашей стране стало мало девушек и женщин.

Потому мужчины и не гнушались брать в жены безродных сироток из обители.

Наконец, урок истории закончился, начался урок вышивания. Обычно мне нравилось заниматься рукоделием, но сегодня почему-то иголка выскальзывала из рук, а стежки ложились неровно. Еще и ветер за окном поднялся – не было бы грозы!

– Лилиан! – окликнули меня из открывшейся двери. От неожиданности я вздрогнула, игла глубоко впилась в палец, на белое полотно брызнула алая капля. – Тебя вызывают!

Когда шла мимо остальных воспитанниц, они провожали меня внимательными взглядами. Наверное, гадали, для чего позвали к настоятельнице? Какую весть собираются сообщить?

Минут через пять, выйдя из знакомого кабинета, куда обычно вызывали провинившихся, я села на низенькую лавочку в коридоре и, комкая в ладонях подол платья, начала мысленно повторять услышанное. Звучали слова гладко, и каждое било без промаха, точно метко брошенный камень: «Ты уже совершеннолетняя... должна понимать... поиски прекращены... больше не к чему здесь оставаться... есть желающий на тебе жениться».

Закрыв глаза, я перебирала возможные варианты. Остаться в обители и служить наставницей мне не позволили, ведь на эти должности отбирали избранных – самых лучших в учебе и... самых непривлекательных внешне девушек. Бежать? Куда? У меня не было ни денег, ни драгоценностей, ни других вещей, которые можно продать. Да и нашли бы меня быстро. Ведь кольца, которые заставляли носить здешних воспитанниц и которые невозможно было снять, являлись не только знаками принадлежности обители, но и «маячками», с помощью которых беглянок легко разыскать.

В день свадьбы кольцо снимали, а вместо него надевали другое – это значило, что девушка перестала быть собственностью обители и перешла в собственность мужа.

Мама! Папа! Ведь были же вы у меня! Почему же не почуяли сердцем, как мне тяжело? Почему не пришли на помощь?

Зажмурив глаза, я попыталась представить себе их лица, но, как и всегда, ничего не вышло. Память не желала возвращаться. Целительница говорила, что такое порой случается и только время может помочь мне и излечить, но сколько же его нужно, чтобы я вспомнила?..

– Что-то случилось?

Подняв глаза, я увидела Аньеллу – девушку, живущую в соседней комнате.

– А ты что здесь делаешь? – спросила, вытирая глаза. С детства не любила, когда меня видели слабой и плачущей. – Урок ведь еще не кончился!

– Сказала, что мне нездоровится. Ты говорила с настоятельницей? Тебя выгоняют?

– Как сказать... – Я вздохнула, и она все поняла по моему лицу.

– Неужто выдают замуж?

– Да...

– А ты не попросила, чтобы тебя оставили здесь? Хотя о чем я говорю... С твоим-то лицом...

Я опустила глаза. Никогда не думала, что однажды моя внешность станет моим наказанием. Правильные черты лица, пухлые губы, теплый цвет кожи – еще не смуглый, но и не бледный, густые темные волосы, серо-голубые глаза. Красота, которой я наверняка гордилась бы, не стань она залогом того, что меня можно выгодно сбыть с рук. Ведь обитель получала деньги за невест и жила за счет этого.

– Может быть, тебе рано огорчаться, – сказала Аньелла. – Ведь не факт, что твой будущий супруг – тот самый. Ну, тот, из страшной истории, – добавила она, заговорщицки понизив голос, хотя я и так поняла, кого

собеседница имеет в виду. – Возможно, тот рассказ – вообще выдумка. Чтобы нас, глупышек, запугать.

– Я не глупышка! – вспыхнула недовольно, и подруга тотчас рассмеялась.

– Вот чего я и хотела добиться. Чтобы у тебя глаза загорелись! Не сдавайся, Лили, помни, какое имя ты носишь!

Что верно, то верно. Мое имя похоже на лилию, а этого цветка обычно побаиваются. Считается, что он сам собой вырастает на могилах умерших страшной насильственной смертью и предвещает месть.

Однако на тех же уроках истории я слышала, что прежде лилии были в почете, их даже чеканили на старинных монетах. Но с приходом к власти борцов с колдовством, которым чем-то не угодил невинный цветок, многое изменилось. Когда началась охота на колдуний, едва ли какая-нибудь девушка осмелилась бы украсить себя венком из лилий.

На урок мы с Аньеллой не вернулись. Отправились на обед. В просторной столовой уже собрались воспитанницы. Они посматривали на меня с любопытством, но с вопросами не спешили.

Я произнесла вместе со всеми слова благодарения, которые положено говорить перед едой, поднесла к губам ложку с супом, но выронила ее, не успев проглотить ни капли. Тело резко скрутила боль. Я соскользнула на пол и только каким-то чудом не ударились головой о ножку стула.

Пришла в себя в помещении, где властвовала целительница. Сестра Николина – женщина без возраста. На ее лице не было морщин, но выглядела она такой мудрой, словно знала все тайны мира.

Склонившись, сестра Николина убрала с моего лица мокрую тряпицу, и я, поморщившись, села на узкой кровати.

– Что со мной случилось?

– Просто переволновалась. Я знаю о новости, которую тебе сообщила настоятельница. Неужели это так страшно?

– Вы ведь не находились на моем месте. Откуда вам знать? – пробурчала я и тут же устыдилась. – Простите.

– Ошибаешься, девочка, я находилась на твоём месте. Мне тоже нашли супруга, но он погиб незадолго до того дня, когда должен был приехать за мной. Так судьба указала мое настоящее место.

– Вот как... – удивилась я. А ведь правда – сестра Николина гораздо красивее других женщин, которые жили в обители. – Но вас ведь не угрожали сжечь за то, что вы лечите людей, не окончив медицинскую академию?

– Что ты... Я ведь травница, а не колдунья. А колдуний больше не

осталось, – отводя взгляд, грустно сказала сестра Николина.

– И колдовства тоже, – как эхо, вздохнула я. – А так хочется хотя бы одним глазком посмотреть на чудо! Вы когда-нибудь встречали...

– Мне некогда, – оборвала она меня. – Если тебе лучше, ступай. На уроки не ходи, возвращайся к себе.

Я обиделась, но послушалась. Небольшая, скромно обставленная комната встретила меня пением птиц за окном. Ветер стих, точно его и не было. Обняв тряпичную куклу, которую мне подарили еще в детстве, чтобы не плакала, забралась на кровать. В дневное время это запрещалось, но, учитывая, что скоро мне предстоит покинуть обитель, я решила, что можно нарушить правило.

Давным-давно, когда я попала сюда, моя жизнь изменилась. Сейчас предстояла новая перемена. Интересно все же, кто он, мой будущий муж? Почему не выбрал жену с известной родословной? Разве его не страшит, что я не помню, как и где жила до обители? Ведь не могла же настоятельница, рекомендуя меня, умолчать об этом! Или могла?..

Сейчас я уже ни в чем не была уверена. Прежде старалась просто жить и не думать, что в скором будущем такое со мной может случиться, а сейчас казалось, что меня предали. Предали и продали.

Глава 2

Новый день начался с появления в комнате сестры Николины, которая пришла справиться о моем самочувствии. Остаток вчерашнего дня я провела у себя, даже ужинала тут, хотя обычно подобное воспитанницам запрещалось. Видимо, правила обители на меня больше не распространялись. Ведь одной ногой я уже была не здесь.

– Все хорошо, – ответила на вопрос целительницы, прислушавшись к себе. Ничего не болело, лишь глухая тоска ледяной рукой сжимала сердце. Но лекарства от такого недуга еще не придумали.

– Не нравится мне твой настрой, – вздохнула сестра Николина. – Ты ведь не первая и не последняя, с кем такое случилось. Почти все девушки рано или поздно становятся женами и матерями.

Матерями? Я поежилась, смущенно отвела взгляд. О том, что происходит между мужчинами и женщинами, когда они остаются наедине, нам говорили только намеками, оставляя немалый простор для воображения. Однако все знали, что после этого на свет появляются дети.

– Но почему настоятельница не разрешила мне остаться в обители? – поинтересовалась я.

– Ты прекрасно знаешь почему. И потом, всякое может случиться. Оставшись здесь, однажды ты могла бы пожалеть о своем решении.

– Но вы ведь не жалеете...

– Откуда тебе знать?

Я прикусила язык. В самом деле, откуда? Как говорится, чужая душа – потемки. Я ведь и не догадывалась о том, что у сестры Николины когда-то был жених, и не узнала бы, если бы она сама не поведала. Может быть, живя много лет в обители, целительница втайне тосковала о другой жизни?..

Мечтала о собственном доме, а не о комнате с дверью, выходящей в длинный общий коридор. Думала о том, как хорошо самостоятельно распоряжаться большим хозяйством. О звонком смехе и обнимающих ее детских ручках.

Обо всем, чему не суждено было случиться.

– Наверное, вы правы, – отозвалась тихо. – Но ведь я совсем не знаю человека, с которым... который... Даже представить его себе не могу!

– Уверена, настоятельница со всей серьезностью подошла к выбору супруга... – Сестра Николина погладила меня по голове ласково, почти по-

матерински, и я благодарно зажмурилась, ощутив, как мне не хватало ласки. – Она бы не отдала тебя в руки какому-нибудь негодяю.

– Но настоятельница не всегда была мною довольна.

– Нет, она не стала бы наказывать тебя таким образом. Знаешь что, не ходи сегодня на занятия. Я попрошу Аньеллу посидеть с тобой.

Я с готовностью согласилась. Сейчас никакие науки не полезли бы в голову, да и рукодельничать не смогла бы – руки все время неприятно дрожали. Хотелось покрепче вцепиться во что-нибудь, чтобы унять дрожь, но все вокруг казалось эфемерным, ненастоящим. Будто вся моя прежняя жизнь ускользала из-под пальцев, превращаясь в клочья тумана, которые у меня при всем желании не получалось удержать. Тот же туман клубился и где-то впереди, в уже недалеком будущем.

Аньелла появилась через несколько минут. Видимо, ее отпустили с занятий, чтобы она могла побыть со мной. Мы были, скорее, приятельницами, чем близкими подругами, но сейчас я обрадовалась бы любой компании.

– Вижу, тебе уже лучше, – произнесла девушка. – Ох, и напугала же ты всех вчера! Упала на пол прямо в столовой – вся белая и не двигаешься!

– Сестра Николина прислала вечером немного еды, – сказала я. – Но мне ничего в горло не лезло. Что там происходит, все говорят обо мне, да?

– Само собой! – хмыкнула собеседница. – Здесь не так много новостей, о которых можно поболтать. Все гадают, каким окажется твой муж. Спорят вовсю. Я, например, не сомневаюсь, что он будет хорош собой, и уже сказала об этом.

– А если ошибешься?

– Тогда придется отдать Ирме свои новенькие синие нитки.

В ответ я вздохнула и обняла себя за плечи. Кому-то моя судьба – повод для азартной игры. Будь на моем месте другая девушка, я бы, наверное, тоже с удовольствием обсуждала новость, горячо спорила и смеялась вместе с остальными – какими же безмятежными и счастливыми казались мне в эти минуты воспитанницы!

– Ты, кажется, вчера поранилась, когда вышивала, – напомнила Аньелла.

Я глянула на свою руку и с удивлением обнаружила, что след от укола полностью затянулся. Так, словно с момента, когда игла вонзилась в кожу, прошел не один день, а куда больше времени. Я и прежде замечала, что порезы и ушибы на мне заживают довольно быстро, но не настолько же...

Впрочем, сейчас было не до того, чтобы размышлять о странностях собственного тела. Куда больше тревожили другие мысли. Например,

о том, когда «покупатель» соизволит прибыть за «товаром», то есть жених за мной...

С Аньеллой мы проговорили до обеда. Она помогла собрать мои немногочисленные пожитки. Все вещи приобретались на деньги обители, но возвращать их не требовалось – они переходили в мою собственность. Кое-что я отложила, решив на прощанье сделать подарки другим девушкам. Просто так, на память. Ведь с тех пор, как я оказалась здесь, воспитанницы стали для меня новой семьей. И пусть я надеялась, что однажды родители найдутся, все равно постепенно привыкла и к здешним обитательницам, и к мерному распорядку жизни.

В столовой все смотрели на меня. Я заставила себя выпрямиться и высоко поднять голову. Стыдиться мне нечего. Любая на моем месте переволновалась бы. Слишком уж внезапно все случилось. Еще вчера утром была скромной воспитанницей обители, а сегодня уже чья-то невеста. Еще бы знать чья...

Не выдержав мучительной неопределенности и неизвестности, после обеда отправилась к настоятельнице.

– Я тебя не вызывала, – едва переступив порог кабинета, услышала спокойный голос. Кабинет всегда казался мрачноватым местом. То ли из-за того, что в узкие окна почти не проникало солнце, то ли по той причине, что все здесь соответствовало строгому и суровому облику настоятельницы.

– Простите, – выдохнула я. – Но мне так хочется узнать побольше – что за человек мой будущий муж, когда приедет за мной? Вы ведь вчера ничего не сказали!

– Что, не терпится уехать от нас? – усмехнулась настоятельница, и от этого ее худое бледное лицо исказилось и пошло морщинами, как смятая бумага. – Ладно, входи. Так и быть.

Я прикрыла дверь и села на неудобный жесткий стул для посетителей.

– Твой будущий муж – герцог, – произнесла женщина. – Вас ведь учили всему, что касается титулов? Так что можешь представить, как тебе повезло, и поблагодарить меня.

– Я благодарна, – пробормотала, пытаясь скрыть изумление. Герцог? Но почему он решил жениться на мне? Неужели у него не хватило денег, чтобы выбрать невесту из семьи, которая соответствует его высокому положению? Или герцог происходит из захудалого обедневшего рода?

Настоятельница сквозь полуопущенные веки наблюдала за мной. Мне вдруг на какое-то мгновение показалось, что в ее взгляде промелькнула зависть. Словно она и правда могла завидовать моей красоте и молодости...

Но я тут же отогнала порочащие наставницу подозрения. Да, привлекательной ее не назовешь, однако ей удалось занять такое место, к которому наверняка стремились все сестры в обители. Это ли не удача? Ведь не зря же говорят, что, когда у человека отбирают что-то одно, взамен даруют нечто другое, не менее ценное и важное.

Увы, имени жениха настоятельница так и не назвала. Только сказала, что он уже в пути. То есть не он сам, а его поверенный, которому предстоит вступить со мной в брак от имени герцога и доставить молодую жену к супругу в целости и сохранности.

Такое нередко практиковалось, и все же новость меня огорчила. В глубине души мне хотелось настоящей свадьбы – с красивым платьем, длинный шлейф которого тянулся бы по гладкому полу, с лучами света, льющимися в украшенный цветами храмовый зал, с дивной лютневой музыкой... А вместо нарисованной моей фантазией церемонии меня ожидала всего лишь унылая формальность, во время которой одно кольцо сменят на другое, и не будет никакого праздника.

– Жизнь не всегда похожа на наши мечты, – угадала, о чем я думала, настоятельница. – Ступай. Можешь заранее со всеми попрощаться.

Покинув ее кабинет, я открыла дверь, ведущую в сад. Меня душили рыдания, которые никак не могли прорваться наружу и стояли комом в горле. Давно не смазанные дверные петли заело, и я, разозлившись, что не могу выйти на воздух, с силой ударила по двери.

Руку тотчас пронзило резкой болью, но совсем не по этой причине я пораженно замерла на месте. На шероховатом дереве появился четкий выжженный отпечаток. И формой, и размером он напоминал очертания моей ладони.

Я испугалась и убежала прочь – не оглядываясь, не отзываясь, когда меня окликали другие девушки. Лишь в своей комнате, прижавшись спиной к двери, тщательно осмотрела ушибленную руку и не обнаружила на гладкой коже ничего, даже отдаленно похожего на ожог.

Может быть, мне просто почудилось? Или странный след был на дереве раньше, до того, как я в сердцах саданула по двери? Просто он не бросился в глаза сразу, вот и все...

За спиной послышался громкий стук.

– Лили! Впусти! Скорее!

Я открыла. Взмолвленная Аньелла ворвалась в комнату.

– Что с тобой случилось?

– Ничего... – Мне почему-то захотелось спрятать руку за спину. – Просто настоятельница сказала, что моя свадьба пройдет с поверенным,

а не с женихом.

– И когда ты увидишь мужа?

– Только после того, как меня к нему отвезут.

– Вот ведь жук! – возмутилась Аньелла. – Даже приехать за невестой не мог! Да кто он такой?!

– Герцог.

– Что, правда?! – прижала ладони к щекам изумленная собеседница. – Настоящий? Значит, ты станешь герцогиней?

Я пожала плечами и высказала свои подозрения насчет обедневшего рода.

– Наверняка вместо родового замка у него руины. Так что все достойные невесты ему отказали. А может, он древний старик? – с внезапным испугом предположила я, осознав, что возрастом жениха запямятовала поинтересоваться. – Потому и не может приехать самолично? Слишком дряхлый?

– А зачем тогда ему вообще жениться?

Во взгляде Аньеллы появилось сочувствие. Она положила руки мне на плечи, и я со вздохом обняла ее. Так, как обнимала бы настоящую сестру, если бы она у меня была.

– Попроси у него разрешения писать мне письма, – сказала Аньелла и вдруг всхлипнула. – Хочу знать, как ты там... Хорошо?

– Как скажешь...

– Обещаешь?

– Обещаю.

Глава 3

Мне снился костер. Треск горящего хвороста, возбужденные крики толпы, лица, искаженные алчным любопытством. В горле першило от дыма, а яркие языки огня подбирались все ближе к моим ногам...

Я проснулась с громким криком и, бросив взгляд на дверь, удивилась, как не перебудила всю обитель. Кажется, крича, я сорвала голос. Ночная рубашка была мокрой от пота, скомканное одеяло валялось на полу.

Во сне мои руки крепко стянули жесткой веревкой и привязали к столбу. Там я осталась совсем одна – без поддержки и близких, окруженная чужими людьми, которые желали моей смерти. Там меня хотели сжечь за колдовство.

Кое-как поднявшись с узкой кровати, я положила одеяло на место и подошла к окну. Уже светало, легкий ветерок резвился на просторе, и я вдруг позавидовала его свободе. Как бы мне хотелось самостоятельно распоряжаться своей жизнью! Но это право я давно потеряла. Настоятельница не раз подчеркивала, что не занимается благотворительностью, так что наверняка подсчитала, сколько я задолжала обители за годы, которые здесь провела.

Разумеется, приобретать невест в обители все равно выгоднее, чем в благородных семьях. О происхождении многих воспитанниц, как, например, о моем собственном, настоятельница рассказать не могла, но зато здесь девушки получали достойное образование и воспитание. За нами строго следили, не позволяли покидать небольшое пространство, в котором мы жили, к тому же ни один мужчина не приближался к воспитанницам, что гарантировало непорочность тех, кто останется в обители и станет новыми воспитательницами, и тех, кто уедет и сделается чьими-то женами.

Впрочем, не интересовалась, как это было у других, а меня никогда не тянуло знакомиться с представителями противоположного пола. Хватало историй, которыми нас запугивали, – о том, что из-за нехватки женщин некоторые недостойные мужчины становились настоящими дикарями и похищали девушек прямо на улице. Поэтому знатные дамы не покидали своих домов без отцов, мужей и слуг, а девицы и женщины попросту старались посещать рынки и ходить за водой вместе и никогда не выходили на улицу в одиночку. В обители тоже имелась вооруженная охрана, однако воспитанницы никогда не пересекались со стражами.

Может быть, к лучшему, что за мной приедет поверенный? Хотя бы

небольшая передышка на пути к новому отрезку судьбы, возможность успокоиться перед тем, как увижу лицо будущего супруга. А свадьба... что ж, наверное, таким, как я, пышные празднества не положены.

Больше я так и не смогла заснуть. Сидела у окна и размышляла, старательно отгоняя воспоминания об отпечатке своей ладони на деревянной двери. Мне почти удалось убедить себя, что случившееся померещилось растревоженному воображению. Почти, но не совсем. Я решила, что должна вернуться и еще раз взглянуть на след, который могло бы оставить раскаленное железо, если бы кому-то вздумалось сделать клеймо в виде девичьей ладони.

Решив не откладывать задуманное и стараясь сильно не шуметь, поспешила к двери, ведущей в сад. В столовой уже готовили завтрак, но дверь находилась в другом крыле здания, так что я благополучно миновала прямые, как стрела, сейчас еще пустые коридоры. Добравшись до нужной двери, на мгновение зажмурилась, точно боялась увидеть то же, что увидела вчера.

Отпечаток оказался на месте. Я приблизилась, чуть растопырив пальцы, приложила к нему ладонь. Совпадение получилось полным. Сомнений быть не могло. Моя рука оставила след, который теперь уже не стереть.

Но как такое могло случиться?..

Услышав за спиной шаги, отдернула ладонь и обернулась. Ко мне приближалась сестра Николина. Выглядела она огорченной.

– Вы... тоже... заметили? – спросила, поймав ее устремленный на выжженный след взгляд.

– Никому об этом не говори, девочка, – ответила целительница. – И постарайся в следующий раз сдерживать гнев. И не обрушивать его на ни в чем не повинные предметы.

Устыдившись, я опустила глаза. Сестра Николина была права. В ту минуту, когда ударила по двери, я действительно чувствовала, как меня переполняют ярость и боль. Но разве могла предположить, к чему приведет мой порыв? Будь я не обычной девушкой, а...

Будь я...

Додумывать эту мысль было страшно, я сжала кулаки, впилась ногтями в кожу. Боль отрезвила меня, и я подняла глаза. Даже попыталась улыбнуться, хотя больше всего сейчас хотелось закричать от ужаса и неверия.

– Спасибо за совет, сестра Николина. Вы верно говорите. Я никому не скажу.

– Вот и умница, – похвалила она меня и снова, как вчера, погладила по голове. – Ты ведь смелая девочка и справишься со всеми ударами судьбы. И с будущими, и с прошлыми...

– С прошлыми? – переспросила непонимающе. Но целительница уже развернулась и неспешным шагом направилась к кабинету настоятельницы. Так для меня и осталось загадкой, что же она имела в виду, произнося эти слова.

Виенна, баронесса де Кастеллано, больше всего ненавидела, когда что-то шло не по ее планам. До сего времени ей, даже будучи слабой женщиной, вполне успешно удавалось воплощать свои планы в жизнь. Рано оставшись без родителей, но с немалым унаследованным от них состоянием, она сделала очевидный вывод, что миром правит тот, у кого есть богатство, но, если мужчина может позволить себе действовать уверенно и порой грубо, то у женщины существует другое оружие. Внешняя привлекательность, мягкие движения, улыбки, скрывающие острые зубки, умение расплакаться в нужный момент и конечно же все последние достижения моды, призванные подчеркивать природные достоинства и прятать недостатки. У Виенны было довольно времени, чтобы всему этому научиться – и в девичестве, и когда она стала вдовой, после того как ее пьяный муж-барон свалился с лошади на охоте.

Но сегодня утром ей принесли письмо от Иларии, фаворитки короля Арнальдо, которая считала Виенну подругой. В письме было известие, которое заставило баронессу не на шутку рассердиться.

– Он женится! – прочла вслух Виенна и, заметавшись по гостиной, гневно отшвырнула в сторону попавшуюся под ноги комнатную собачку. Та, заскулив, убежала, а баронесса скомкала письмо. Непременно решила бы, что новость – всего лишь шутка, не знай она как следует Иларию, которой было совершенно не свойственно чувство юмора.

Но как герцог де Россо может жениться на ком-то, кроме нее, Виенны? Разве мало сил и изобретательности она вложила в их отношения? С того самого вечера, когда их представили друг другу на королевском балу, баронесса делала все возможное, чтобы завоевать герцога, и почти не сомневалась в успехе задуманного.

Она снова развернула письмо и перечитала его, нахмутив брови.

– Что за бред? Девушка из обители? Безродная особа, воспитанная старыми ханжами? Уж не сошел ли герцог с ума в своем уединенном замке? – Виенна разговаривала сама с собой, ведь лучшего собеседника она не могла себе вообразить.

Сняв огорчившее ее послание, баронесса отбросила его в сторону, поспешила в будуар и потребовала у камеристки, чтобы та немедленно привела ее в порядок. Баронесса собиралась повидаться с Иларией и узнать подробности происходящего лично, даже если понадобится отвлечь королевскую фаворитку от важных дел. Виенна не могла сказать точно, что разозлило ее больше – сам факт того, что Себастьян решил жениться, или то, что он не удосужился сообщить ей об этом лично.

Через некоторое время из зеркала на Виенну взглянула молодая оскорбленная женщина, всеми силами старающаяся сохранить достоинство аристократки. Легкая, но отнюдь не болезненная бледность, аккуратно зачесанные вверх, собранные и скототые шпильками с жемчужинами светлые волосы. Несколько прядок выбивались из прически, что выглядело трогательно и нежно. Сейчас никто не дал бы баронессе ее реального возраста. Платье она выбрала довольно простое, но с большим декольте, что соответствовало моде и выгодно подчеркивало пышную грудь с соблазнительной ложбинкой.

«Может быть, не надо было делать ставку на герцога? – подумала вдруг Виенна. – Стоило выбрать короля? Но с ним мне светило лишь то положение, которое сейчас занимает Илария, а я не отказалась бы от перспективы стать законной женой, к тому же король не так хорош собой, как Себастьян де Россо».

Виенна решила отложить размышления на потом, покинула особняк и села в карету. Задержав занавески, за которыми мелькали столичные улицы, прикрыла глаза. Перед ними тут же появилось красивое лицо герцога де Россо. Падающие на лоб густые черные волосы, глубокие синие глаза, чувственные губы... Этим мужчиной хотелось любоваться, как произведением искусства. Не только пожирать глазами, но – прикасаться, чувствовать поцелуй, тепло его смуглой кожи.

Любой посчитал бы счастьем стать мужем Виенны. Невероятной казалась сама мысль, что можно променять благосклонность баронессы де Кастеллано на союз с какой-то девкой из безвестной, затерявшейся в невероятной глуши обители.

Карета остановилась так резко, что Виенна едва не прикусила язык. Оказалось, какой-то нищий перебежал дорогу прямо перед экипажем. Сколько же их развелось за последнее время! Не проще ли отловить сразу всех и скопом отправить на галеры? Будь Илария поумнее, давно бы дала королю совет очистить столицу от бедноты. Но фаворитку интересовали только наряды да танцы. Ума у нее не больше, чем у пустоголовой фарфоровой куклы.

Наконец-то городские районы остались позади. Она ехала по парку, окружающему королевскую резиденцию. Здесь даже пахло иначе. Цветами, деревьями, травой, влажной прохладой и негой. Громко журчали фонтаны. Охрана баронессу не остановила – герб на карете говорил сам за себя.

Поудобнее устроившись на мягком бархате сиденья, Виенна неохотно потерла глаза – сначала руками, затем платком, чтобы покраснели и казались чуточку припухшими. Следовало выглядеть заплаканной. Так Илария встанет на ее сторону, а заодно и подумает, что, упустив герцога, баронесса вполне может сменить цель и переключиться на короля, которому давно наскучили прелести нынешней фаворитки. Мужчины не выносят однообразия. Этот урок был усвоен Виенной давно, и исключений из правила пока не встречалось.

Глава 4

Я послушалась сестру Николину и никому не рассказала об отпечатке ладони на двери. Хорошо, что этим ходом пользовались редко, так что оставалось надеяться, что никто ничего не заметил. Зато о том, что вместо жениха придет его поверенный, стало известно всем. Поначалу девушки наперебой возмущались тем, что не увидят моего будущего мужа и не смогут подтвердить или опровергнуть догадки о его внешности. Но затем сообразительная Аньелла заявила, что не выпустит из обители ни меня, ни моего спутника, пока не выведает у него все подробности о герцоге.

Неизвестно, как она собиралась это проверить, но меня ее слова развеселили и на какое-то время разогнали смятение, поднявшееся в душе из-за происходящего. Как бы я хотела, чтобы моя очередь покинуть обитель еще не настала! Хотя бы на недолгое время продлить дни, наполненные уроками, рукоделием, разговорами с воспитанницами. Сейчас даже то, что прежде раздражало, вызывало ностальгическое желание никогда с этим не расставаться. А тут еще история с дверью...

Прошло два дня, вещи были собраны. Меня освободили от занятий, и я тенью бродила по обители, с тоской заглядывая в знакомые с детства помещения – просторные светлые классные комнаты, маленькие кладовые, библиотеку, где требовательная сестра Корнелия неусыпно следила, чтобы девушки читали только то, что рекомендовано настоятельницей. Впрочем, как мне казалось, непотребные книги сюда не попадали. Наверняка новые произведения тщательно проверяли, а те, что не подходили для чтения, немедленно сжигали.

Сжалившись надо мной, сестра Николина попросила помочь ей в лазарете. Две девушки отравились дикими ягодами – кусты проросли через ограду. Так что требовалось приглядывать за обеими – как бы не стало хуже. Занявшись делом, я немного отвлекалась от собственных тревог. К тому же на меня успокаивающе действовала компания целительницы. Ее спокойный голос и почти материнская нежность дарили надежду, что не все в мире так плохо, как кажется.

Беседу о супружеских обязанностях тоже провела сестра Николина. Несмотря на то что сама она так и не вышла замуж, эта мудрая женщина владела знаниями, полученными из книг по медицине. Правда, касались они в основном не того, что происходило между мужем и женой в спальне, а последствий брачной ночи, то есть появления на свет младенцев.

Единственное, что особо подчеркивалось сестрой Николиной в беседе – женщина должна быть покорна воле мужчины. Отчего-то данное утверждение вызывало внутренний протест, но я промолчала, безропотно дослушала лекцию до конца, только все сильнее и сильнее комкала руками грубую ткань платья на коленях.

Поверенный приехал внезапно – вечером, когда все поужинали и разошлись по своим комнатам. За мной опять явилась отправленная настоятельницей сестра Николина. Сказала, чтобы я захватила все свои вещи и поторапливалась. Девушки, несмотря на то что им никто ничего не сказал, высыпали из комнат. Не так уж часто за нами приезжали издалека, да и знатных людей среди женихов воспитанниц почти не встречалось, так что мой случай казался из ряда вон выходящим, потому и провожали меня всей обителью.

Я держалась, старалась сохранить спокойствие, что-то говорила, даже улыбалась. Раздала приготовленные подарки. Крепко обняла сестру Николину, Аньеллу, еще нескольких девушек. Некоторые воспитанницы, не сдерживаясь, всхлипывали.

– Что вы плачете? – попыталась их успокоить. – Я ведь не умираю! Просто выхожу замуж!

– Девушки, поспешите, – напомнила о позднем времени настоятельница.

Поверенный герцога оказался ничем не примечательным человеком. Среднего роста, лысоватый, одет в дорожную одежду практичных черно-коричневых тонов. Однако его бесцветные глаза за металлической оправой очков смотрели так строго, что даже бойкая Аньелла не решилась расспрашивать о моем будущем муже.

Через некоторое время мы с поверенным подписали бумаги, и настоятельница с бесстрастным видом зачитала церемониальные слова. Часть из них я послушно повторила, дала необходимые клятвы, поставила на бумаге отпечаток пальца, чем закрепила свое согласие на брак. С моей руки сняли принадлежащее обители кольцо, а вместо него надели другое – совсем простенький золотой ободок с выгравированным на нем узором, рассмотреть который при свете свечей у меня не вышло.

Пути назад не было.

Карета поверенного ждала за воротами обители. Я так давно не покидала стены, в которых провела большую часть жизни, что казалось – мне снится сон. Все вокруг размывалось и сливалось, и я не сразу поняла, что по моим щекам текут слезы. Их можно было принять за капли дождя, если бы не горьковато-соленый вкус на губах. Я вытащила из кармана

платок и терла глаза до тех пор, пока не начало щипать.

А после того как слезы высохли, села в карету, забралась в самый дальний угол и отвернулась к окну, за которым сгущались летние сумерки.

Королевская резиденция выглядела как образец кичливой роскоши. Повсюду блеск, вычурная мебель, парчовые занавески. Но приближенные к королю придворные знали, что казна его не так богата, как правитель силился показать, время от времени пуская пыль в глаза иностранным гостям. Однако пока рано было говорить и о том, что королевский двор обнищал.

Илария сидела на балконе собственной спальни, куда подали то ли поздний завтрак, то ли ранний обед. Молодая женщина с волосами морковного цвета, небрежно рассыпанными по плечам, лениво двигала по серебряному подносу блюдца с закусками. Баронесса поморщилась – если фаворитка короля и дальше станет так поглощать сладкое и острое, едва ли это пойдет на пользу ее коже.

– Я приехала поговорить о письме, – без долгих предисловий заявила Виенна. – В нем написана правда? Герцог де Россо в самом деле...

– Да-да, – томно отозвалась Илария. – Мы все не меньше поражены, милочка. Вчера за ужином только и говорили, что о скорой свадьбе герцога.

– Но как ему такое могло прийти в голову?!

– Понятия не имею. Ты ведь знаешь, каковы мужчины. Не нам пытаться постичь их мысли.

Баронесса вздернула брови. Собеседница раздражала ее все больше. А это фамильярное обращение «милочка»! Его так и хотелось запихать фаворитке в глотку. Чтобы подавилась – если не своими словами, так тем, что сейчас жевала.

Но приходилось играть роль подруги, расточать медовые улыбки и делать вид, что всю жизнь мечтала выслушивать все эти глупости из уст Иларии.

– Да, так несправедливо по отношению к тебе... Мы-то думали, герцог сделает предложение... Но что поделаешь!

– Что поделаешь? – переспросила Виенна. – Что поделаешь?! А как бы ты поступила на моем месте?

– Я уже на нем. Королю поступило выгодное брачное предложение из Хальфдана. Он готов ответить согласием. Его будущая невеста – северянка, наверняка невежественная дикарка.

– Да уж... – отозвалась баронесса. Быть фавориткой неплохо, но законная жена – совсем другое дело. Однако Иларии королевой не стать ни

при каком раскладе.

– Так что лучше меня никто тебя не поймет, – продолжила та. – Вот, угощайся! Только что приготовили, пальчики оближешь!

– Нет, спасибо, – буркнула Виенна и тут же отвернулась, сделав вид, что вытирает несуществующие слезинки. – Совсем нет аппетита. Твое письмо разбило мне сердце.

– Как жаль, что я так тебя огорчила! – вздохнула собеседница. Баронессе вспомнилось, что в былые времена гонцам, которые приносили дурные вести, отрубали голову. Вернуть бы этот славный обычай!

Потребовалось еще несколько долгих минут разговора, чтобы сделать вывод, что больше фаворитке ничего не известно. Ни имя невесты Себастьяна, ни причина его странного решения о вступлении в брак. Если король что-то знал, то с Иларией не поделился.

Следовало поговорить с другими придворными. Не все так глупы и не любопытны. Наверняка хоть кто-то что-то да выяснил.

Но так вышло, что первым, кого встретила Виенна, выйдя из опочивальни фаворитки, оказался сам Арнальдо – редкий момент, когда король Ирстании шел по дворцовым коридорам без сопровождения. Увидев баронессу, он остановился, и она тут же склонилась перед ним в хорошо отрепетированном поклоне, прекрасно зная, какой заманчивый вид открылся мужчине, когда вырез платья чуть опустился, еще больше обнажая грудь.

– Ваше величество!

– Баронесса де Кастеллано! Чем обязаны столь раннему визиту? – Арнальдо провел кончиками пальцев по щегольским усам, которыми очень гордился.

– Приезжала повидаться с Иларией. После того как получила от нее письмо. Оно касается...

– Дайте угадаю. Герцога де Россо, так? Вы равнодушны к нему?

– Вы так наблюдательны!

– Не могу не посочувствовать. Вы так хороши, что солнце, устыдившись за себя перед лицом вашей прелести, прячется за тучи. Вам ли страдать из-за расставания с мужчиной, баронесса?

– Виенна. Зовите меня просто Виенна. Ведь мы с Иларией лучшие подруги.

– Согласен. Надеюсь, случившееся не делается причиной дурного настроения и вы не станете навещать нас реже. Мы всегда рады вашим визитам.

– Конечно же, ваше величество! Однако... Никак не могу понять,

почему герцог де Россо принял столь опрометчивое решение.

– Об этом вам лучше спросить не у меня, а у него самого.

– Вы правы! Но ведь герцога сейчас наверняка нет в столице. Он в своем замке, куда ни разу меня не приглашал, – печально опустив глаза, пожаловалась баронесса.

– Так поезжайте без приглашения! Сделайте герцогу сюрприз. Хорошая идея, а?

– Великолепная! Но я не знаю точно, где находится замок... Боюсь заблудиться в дороге.

– Я дам вам провожатого.

– О, ваше величество! – Виенна сделала еще один реверанс – куда более низкий. Король обхватил пальцами ее ладонь и задержал руку баронессы в своей чуть дольше, чем позволялось правилами этикета.

К себе Виенна возвращалась в приподнятом настроении. Первая хорошая новость состояла в том, что баронесса узнала – она нравится Арнальдо, значит, вполне может рассчитывать на его покровительство. А вторая – предложение отправиться в замок Себастьяна де Россо прозвучало как нельзя кстати. Ах, до чего же не умны те женщины, которые не научились пользоваться своей принадлежностью к слабому полу! Они и не догадываются, что порой правильно подобранный наряд и трепетание ресниц действуют ничуть не хуже прочной кольчуги и острых стрел.

Глава 5

Свое первое путешествие в обитель из места, где меня нашли, я почти не запомнила, поэтому сейчас все было в новинку. И долгий путь в карете по тряской дороге, и неудобная поза, из-за которой занемело тело, и необходимость находиться в замкнутом пространстве наедине с едва знакомым человеком. Тот факт, что человек этот являлся мужчиной, а не женщиной, к обществу которых я за свою жизнь привыкла, добавлял нервозности. Я старалась не смотреть на поверенного и решила не заговаривать с ним первой. Отчего-то казалось, что и ему поручение привезти меня к супругу не доставляло радости. Он просто выполнял свою работу. Сначала по доверенности вступил со мной в брак от имени другого человека, а затем вынужден был сопровождать туда, где мне предстояло начать новую жизнь.

Какой она окажется?..

Я думала, что ехать придется всю ночь, однако карета остановилась. Мой молчаливый спутник сообщил, что мы прибыли на постоялый двор, где останемся ночевать. Прежде мне никогда не приходилось бывать в таких местах, так что я с любопытством рассматривала неказистое строение в два этажа с короткой трубой, из которой поднимался дым. Коней отправили на конюшню, а меня по узкой темной лестнице провели в тесную комнатку под самой крышей. Поверенный спросил, не голодна ли я, на что я ответила, что поужинала в обители. Удовлетворившись ответом, он ушел, посоветовав беречь свечи и наутро быть готовой к продолжению пути. Закрыв дверь на ненадежный по виду крючок, я переоделась в ночную рубашку и, погасив свет, юркнула под одеяло, надеясь, что в помещении нет мышей, крыс или насекомых.

Заснуть получилось не сразу. За стеной в коридоре слышались шаги, по соседству, в комнате, где расположились другие постояльцы, звенели голоса. Я вертелась с боку на бок, то натягивала тонкое одеяло на плечи и пыталась спрятаться в нем, как делала в детстве, то порывалась сбросить его на пол. Темнота казалась почти живой. Крохотное оконце заросло паутиной и практически не пропускало лунного света. Я знала, что нужно поспать хоть немного, чтобы на следующий день чувствовать себя отдохнувшей, но провалилась в сон гораздо позже, чем легла – тогда, когда стихли все шумы. Хорошо хоть, что мои недавние опасения не оправдались, и никто «бегающий» или «ползающий» не потревожил во сне.

В обители обычно вставали рано, так что утренний подъем не застал меня врасплох. К моменту появления в моей комнате поверенного (имя его, к своему стыду, успела забыть) я оделась и умылась холодной водой из стоящего на прикроватном столике кувшина над стоящим тут же небольшим тазом. Уборная, как и следовало ожидать, находилась во дворе, а завтракали мы в общем зале. Нам подали зажаренную до хруста яичницу, щедрые ломти непропеченного хлеба и остывший чай.

А дальше продолжилась дорога. Отодвинув занавеску, я наблюдала, как менялся пейзаж, становясь из привычно-знакомого неуловимо-другим. Мимо проплывали возделанные поля и виноградники, на которых работали просто и бедно одетые люди. Затем их сменили казавшиеся бесконечными зеленые луга и шумные речушки, а вдалеке уже виднелась полоса высоких гор. Иногда мне хотелось, чтобы карета остановилась и можно было поближе рассмотреть то или иное место, размять ноги, освежиться прохладной водой. Но я не осмеливалась просить своего хмурого спутника оказать мне такую милость.

Удивительно, но через некоторое время он заговорил со мной сам.

– Почему вы не спрашиваете, далеко ли еще ехать? – поинтересовался поверенный хриплым после долгого молчания голосом.

– Сколько бы ни было, нам все равно нужно проделать этот путь, – отозвалась я.

– Терпеливая девушка... Я-то ожидал от вас неизбежных капризов. Хотя, если вспомнить, где вы росли...

– Я не привыкла капризничать, господин.

– Оно и видно. Но, думаю, у вас накопилось много вопросов, верно? Спрашивайте же!

Я недоверчиво взглянула на спутника. Можно спрашивать обо всем? В самом деле?

– Куда мы едем?

– В родовой замок герцога де Россо. – Он назвал фамилию, которую я уже видела на бумагах, когда их подписывала.

– Та церемония, что прошла в обители, действительно считается заключением брака? – решила уточнить у мужчины. – Значит, меня уже можно считать замужней женщиной? Или...

– Пока не совсем, – хмыкнул собеседник. – Видите ли, бумаг и брачных клятв недостаточно. Требуется кое-что еще.

– Что же?

– Только обещайте, что не станете рыдать, охать и ахать, – с некоторой опаской произнес он, посмотрев в мою сторону.

- Обещаю, – не без тревожного чувства согласилась с его условием.
- Надобна консуммация брака. Окончательное его завершение. Но тут уж вам придется дожидаться встречи с герцогом. Проведете с ним первую ночь с соблюдением всех надлежащих обрядов и по-настоящему сможете именоваться замужней. Ведь известно же – если у супругов нет близких отношений, это повод для развода.
- Для развода? – переспросила я, догадавшись, что поверенный говорил о том же, о чем и сестра Николина, только не с медицинской, а с законодательной точки зрения. Непонятным оставалось только, какие обряды он имел в виду. – И что же происходит с разведенными женщинами? Ведь жить с мужьями они не могут.
- Слышал, что раньше подобные происшествия считали позором. Но сейчас, когда представительниц вашего пола не хватает, разведенные женщины снова могут считаться невестами. И питать надежду, что с другим благоверным им повезет больше. А те, которые больше не желают выходить замуж, могут уйти в обитель вроде той, откуда я вас забрал. Однако, думаю, не всех туда принимают.
- Развод может быть дан только по этой причине?
- Есть и другие, но там все сложнее. Уж слишком вы загорелись этим вопросом! Неужели, не став женой, задумались о разводе?
- Просто любопытно, – смешалась я, придя к выводу, что лучше пока столь щекотливую тему не затрагивать. – Скажите, а герцог живет один? Или с родителями?
- Родителей давно нет в живых. Но у него есть бабушка. Мой вам совет – пока у вас есть время, молитесь, чтобы ей понравиться.
- Что? – заморгала я. – Она так сурова? И что будет, если я не придусь ей по вкусу?
- Лучше не спрашивайте.
- Спутник задремал или сделал вид, что задремал, а я отвернулась и уставилась в окно, обдумывая все, что услышала.

Не откладывать задуманное надолго – этим правилом Виенна руководствовалась неизменно. Никаких срочных дел, которые нельзя было бы отложить, в ближайшее время у нее не имелось, так что следовало поспешить собраться и поскорее отправиться в дорогу. Как любопытно посмотреть на выражение лица Себастьяна, когда она сделает ему сюрприз и появится на его пороге!

Баронесса, довольная беседой с королем Арнальдо, наблюдала, как камеристка собирает ее багаж, то и дело потирая ленивую неумеху.

И где в наше время найти хорошую прислугу – послушную, вышколенную и расторопную? Слуги! Вот кого стоило бы сжигать на кострах! Но с такой внешностью девицу вряд ли примут за колдунью. Всем известно, что те были на диво хороши собой, ведь дурнушками их любовники-демоны не прельстились бы.

Как и самые обычные мужчины. Но у некоторых просто не оставалось выбора. Вот они и брали что попало, даже девок из обителей.

Вздвогнув, Виенна заскрипела зубами. Интересно все-таки, где сейчас эта невеста? Или... уже жена? Нет, едва ли. Нельзя допустить, чтобы она стала женой!

– Шевелись! – прикрикнув в очередной раз на дуру-камеристку, баронесса направилась отдавать распоряжения управляющему. На лице ее управляющего каждый раз можно было прочесть, как мужчине неприятно подчиняться женщине, и Виенна, замечая такую реакцию, старалась уязвить и унижить его посильнее. Поделом! Ему следовало получше следить за любимым хозяином и почаще оттаскивать того от бутылки, глядишь, и дожил бы до сегодняшнего дня.

Покойного супруга баронесса не любила. Он был ровесником ее отца и увлекался тем же самым, что и родитель, – охотой, выпивкой, женщинами. В его кровати перебивали все служанки, да и чужими женами Ренцо не брезговал.

Когда его похоронили, Виенна думала, что больше не позволит ни одному мужчине назвать ее своей, но случайная встреча с герцогом де Россо изменила все. Он, сам того не подозревая, стал лекарством, которого так жаждала ее душа. «Герцог будет моим!» – решила вдова барона де Кастеллано, когда их с молодым человеком взгляды впервые встретились, и сделала все возможное, чтобы привлечь его внимание.

Себастьян де Россо не скрывал, что пока не стремится связывать себя узами брака, и баронесса притворялась, что полностью разделяет эту точку зрения. Стараясь усыпить бдительность, она уверила Себастьяна в том, что новое замужество ей не нужно. Что им хорошо и так – главное, быть вместе. Когда они под руку шли по залам королевского дворца, сердце Виенны переполнялось гордостью. Ей хотелось, чтобы окружающие провожали их завистливыми взглядами, чтобы все видели, насколько они с герцогом красивая пара – светловолосая молодая женщина с обольстительной фигурой и высокий мужчина с волосами цвета воронова крыла.

Воспользовавшись обширной библиотекой мужа, который тайно собирал коллекцию непристойных изданий, она позаботилась о том, чтобы

Себастьяну никогда не приходилось скучать с ней в постели, и казалось, его все полностью устраивало.

А что теперь? Столько усилий пошло прахом? Отдать своего мужчину в руки какой-то выскочке? Да откуда она вообще взялась? Кто в здравом уме захотел бы взять в жены особу, предки которой могут оказаться кем угодно?

«Тут что-то нечисто, – сказала себе баронесса, шурша юбками по ступенькам лестницы. – Надо выяснить». Представив себе встречу с возлюбленным, она изогнула губы в торжествующей улыбке и пожалела о том, что не успела заказать портнихе новое платье, в котором могла бы спуститься к ужину в герцогском замке. Хотя почему бы и нет? Пусть портниха работает всю ночь, ей за это платят.

Управляющий привычно хмурился, пока Виенна диктовала, что ему делать в ее отсутствие. Закончив разговор, она отпустила слугу небрежным взмахом руки и отправилась в столовую, где ее ждал легкий ужин. Встреченную по пути горничную баронесса отправила за портнихой и тут же с удовольствием бросила взгляд в висящее в коридоре зеркало. Ей уже за двадцать пять, а талия все такая же тонкая, как в шестнадцать, и кожа нежная, как у ребенка! А вот Илария уже располнела, так что будущая королева-северянка наверняка окажется достойной противницей.

Глава 6

Мы сделали остановку на еще одном постоялом дворе, перекусили и сменили лошадей. Здесь оказалось уютнее – светлый общий зал, лоток с товарами, которые могут пригодиться в пути. Да и еда получше. Разомлев после сытного обеда, я задремала в карете. И не сразу услышала стук копыт и громкие крики, приказывающие остановиться.

Открыв глаза, поймала на себе растерянный взгляд поверенного. Но уже через несколько мгновений взгляд стал решительным и твердым. Мужчина толкнул дверцу.

– Что бы ни случилось, оставайтесь в карете! – приказал он, выходя.

Самую чуточку отодвинув краешек занавески, которую недавно задержала, чтобы яркий свет не мешал дневному сну, увидела окруживших карету людей. Грубые лица, потрепанная одежда – едва ли кто-то назвал бы ее приличной! – алчные глаза, которые явно заранее подсчитывали каждую монету, которую можно выручить, продав все, что они видели. С губ незнакомцев срывались ругательства, и я с ужасом поняла, что мы стали добычей разбойников, которые промышляют на дорогах.

Сначала мой спутник пытался договориться мирно и объяснял, что мы не везем с собой ни золота, ни серебра, ни драгоценностей. Но ему не поверили и захотели обыскать карету. Дверца открылась, и на меня уставился один из мужчин.

– Вот здесь кто! Посмотрим-ка поближе... – ухмыльнулся он, демонстрируя дырку вместо двух передних зубов. «Наверное, выбили в драке!» – подумала я, почувствовала странное оцепенение от происходящего и вскрикнула, ощутив, как шершавые пальцы обхватили мое запястье. Взгляд чужака стал сальным, на губах появилось подобие улыбки.

Все страшные истории о нападениях на девушек и женщин, которые нам рассказывали в обители, стремительно становились реальностью, а я из слушательницы превращалась в главную героиню. В глазах потемнело, от мерзкого запаха, который исходил от разбойника, к горлу подступила тошнота. Отчаянно надеясь, что не упаду в обморок, я замотала головой.

– Господин, пожалуйста!

– О, ты называешь меня господином? Мне это по нраву. Но о чем ты хочешь меня попросить, крошка? Пожалуйста – что? Пожалуйста, заберите меня отсюда? Пожалуйста, подарите мне поцелуй? А?

– Пожалуйста, оставьте меня!

– Не могу, ты мне нравишься.

Мужчина рванул меня к себе, и в тот же миг я услышала голос поверенного, произнесшего несколько слов на незнакомом певучем языке. Он больше не увещевал нападающих, но и не угрожал им. Мой спутник сразу перешел к нападению.

Я не видела, что именно произошло, но уже через пару минут негодяи обратились в бегство. Их явно преследовал страх, внезапно возникший перед чем-то, что могли видеть только они. Разбойники кричали, удирая, падали с лошадей, их голоса звенели у меня в ушах.

Эта участь не миновала и негодяя, который проник в карету. Он отпустил меня и скрылся вслед за остальными. А я упала на сиденье. Поверенный приблизился и почти ласково осведомился:

– С вами все в порядке? Вы не пострадали? Должно быть, вы даже не слышали о том, что такое порой случается.

– Слышала, – отплевываясь от выбившихся из прически волос, отозвалась я. – Но как вам удалось от них отбиться? У вас при себе какое-то опасное оружие?

– Артефакт, – на удивление спокойно после только что пережитого потрясения ответил спутник. – Подарок сильного колдуна из Хальфдана. Он хороший друг герцога де Россо.

– Но разве использование подобных предметов не карается законом? – удивилась я.

– Северное колдовство совсем не такое, как то, за которое преследовали в наших краях. Этот дар дает сама природа. Он – порождение стихии, которую никому, кроме северян, не дано постичь.

Поверенный ненадолго отошел, чтобы обменяться несколькими словами с кучером, а я воспользовалась передышкой и постаралась привести в порядок прическу и одежду. Слова собеседника глубоко запали мне в душу. Герцог дружит с настоящим колдуном?

В обители нам немного рассказывали о Хальфдане. О бескрайних ледяных пустошах, занесенных снегом горах, холодных фьордах. О суровых людях, которые носят одежду из шкур и, как поговаривали, сами способны превращаться в животных.

Эта страна казалась такой далекой, что представлялась почти сказочной. Живя в обители, мы никогда не видели снега. Да и теплые шубы были ни к чему – для прохладных осенних и зимних дней вполне хватало плотных шерстяных накидок, которые мы вязали сами.

Неужели колдун запросто навещает герцога де Россо в его замке?

И дарит могущественные артефакты, один из которых мой будущий супруг не пожалел дать поверенному для того, чтобы тот сумел защитить меня в дороге? Значит, он заботился обо мне, несмотря на то, что мы никогда прежде не встречались?

Спутник вернулся в карету, и мы продолжили путь. Путешествие прошло без приключений. Но уснуть я больше не смогла.

– Нынешней ночью мы снова остановимся на постоялом дворе? – поинтересовалась я.

– Нет, должны успеть добраться дотемна.

Услышав это, я одновременно и обрадовалась, и испугалась. Что там мне говорили о первой брачной ночи? Неужели она совсем близко – на исходе этого дня? Я чувствовала себя измотанной долгой дорогой, и при мысли о том, что предстоит, становилось не по себе. Руки снова начали дрожать, и я спрятала их под тонкой шалью, чтобы сидящий напротив мужчина ничего не заметил.

Однако о моих тревогах он все равно каким-то образом догадался.

– Вы не должны беспокоиться. Герцог де Россо – не какое-то чудовище. Уверен, он будет добр к вам.

– Как был бы добр к приبلудной собачонке?

– Не драматизируйте, – поморщился собеседник. – Возможно, вы считаете себя жертвой обстоятельств, но, поверьте, вам повезло. Не думаю, что к девушкам, воспитанным в обители, часто сватаются аристократы.

– Вы правы, – согласилась с его словами. – Оттого и не могу понять... Почему именно я? Мою семью не нашли, следовательно, никто не знает правды о моем происхождении. Я могу быть как знатной особой, так и дочерью крестьян. Неужели герцог настолько разорен, что все девушки его круга ему отказали? Или... он... уродлив?

Предположение казалось вполне вероятным.

– У него какой-то физический недостаток, верно? Сильная хромота? Жуткие шрамы? Нет одного глаза? Может быть, он карлик?

– Ваша фантазия воистину неистощима! – отозвался спутник, издав звук, который очень напоминал сдавленный смешок. – Но вы ошибаетесь. У герцога нет никаких видимых недостатков, да и бедным его не назовешь. Его принимают при дворе короля. Род де Россо на протяжении многих веков пользуется заслуженным уважением. Предки Себастьяна де Россо воевали близ Этры. Слышали об этом славном сражении?

Я кивнула. Да, уроки истории, несмотря на всю их скуку, не прошли даром. Река Этра находится на западной границе... Именно с той стороны однажды явились чужеземные захватчики. В летописях говорилось, что

воды реки стали красными от крови, так много ее пролили наши воины и их противники.

– Вот видите! – Поверенный с внушительным видом поднял указательный палец. – Вы должны гордиться, что станете носить фамилию де Россо. Ведь не каждой так везет в жизни.

– Не каждой, – вынуждена была согласиться с ним. – Но теперь я еще больше не понимаю желания герцога жениться на мне. Иногда... бывает так, что женихи приезжают и смотрят всех девушек подходящего возраста, чтобы сделать выбор. Но ваш хозяин ни разу меня не видел, а ведь я могла бы оказаться некрасивой, косой или кривой...

Припомнив всегда казавшиеся мне унижительными смотрины, напоминавшие продажу домашней скотины в базарный день, я вдруг поняла, что никогда не участвовала в них как потенциальная невеста. Всегда, прячась в удобных «наблюдательных пунктах», смотрела на происходящее со стороны вместе с воспитанницами, еще не достигшими брачного возраста. Но меня почему-то не смущало, что приезжающим в обитель мужчинам показывали моих ровесниц, а меня – никогда.

Сейчас это казалось довольно-таки странным.

– Насколько мне известно, он переписывался с настоятельницей обители.

– Вот как? – отозвалась я, вернувшись мыслями в настоящее. Ничего удивительного. Ведь откуда-то герцог должен был обо мне узнать!

– На вашем месте я бы не задумывался о причинах, а просто наслаждался свалившейся на голову удачей.

– Хороший совет. Но вы не на моем месте. И едва ли сможете себя на нем представить.

Мои слова прозвучали сухо, но, кажется, собеседник не обиделся.

– А вы женаты? – любопытствовала я.

– Нет. Собственных детей мне заменили племянники. Меня радует, что все, что я нажил, достанется им.

– И ответственности, должно быть, меньше?

– Само собой. У них ведь есть родители, они их должны воспитывать. А я просто от души балую маленьких паршивцев, когда выпадает возможность провести с ними время.

Я попыталась представить себя окруженной детьми. Чумазы мордашки, бесхитростные улыбки, звонкий смех... Но отчего-то сама мысль, что я могу стать матерью, пугала. Интересно, у герцога есть братья или сестры? Тогда я их деткам буду приходиться тетей, что само по себе – куда более воодушевляющая идея.

Но на мой вопрос поверенный отрицательно покачал головой:

– Увы, никого. То есть... Они были, но умерли еще в младенчестве. Мать герцога не отличалась крепким здоровьем. Да и хорошую кормилицу найти не так-то просто.

Я вздохнула. Вот так и бывает. Не успеешь о чем-то помечтать, как тут же подрезают крылья.

– Но вы ведь не жалуетесь на здоровье, да? Значит, сможете подарить герцогскому роду наследников. Их появление на свет упрочит и ваше собственное положение.

– Отсутствие детей тоже считается поводом для развода? – решила я уточнить.

– Тоже. Но на вашем месте я бы и слово это из памяти выбросил. Кому вы будете нужны, если герцог разорвет брак? Уверены, что обитель примет вас обратно? Может, учились лучше всех?

Я опустила глаза. Нет, не лучше. И едва ли настоятельница будет рада, увидев меня на пороге.

– Не забивайте голову всякими глупостями. Лучшего мужа, чем герцог, вам не сыскать. А то, что у нас в Ирстании не хватает женщин, не означает, что все мужчины разом стали достойными. Вы ведь сами видели, что случается на наших дорогах. Если бы не подарок северного колдуна, едва ли мы с кучером смогли бы отбить вас у этих...

Последнее слово он проглотил, очевидно, посчитав, что оно не для моих ушей. Я кивнула. Все так. Путешествие в одиночестве я бы не осилила. У меня ведь нет колдовских артефактов.

Глава 7

Вечерело. Повернувшись к окну кареты, я смотрела на вытянутые тени кипарисов. И думала, думала...

Не слишком часто, но в библиотеку обители все же попадали приключенческие романы. Воспитанницы зачитывались ими, пытаясь представить мир, лежащий за надежными стенами, в которых мы росли и постигали необходимые науки. Среди тех, кто любил читать, была и я. Однако понимала, что только в выдуманных историях все гладко и удача никогда не оставляет героев. А теперь, не успела оглянуться, и сама стала героиней подобной истории.

Дальняя дорога... Нападение разбойников... Загадочный колдовской артефакт...

Поверенный не без тревоги поглядывал на меня, очевидно, ожидал, что я не совладаю с собственными чувствами и расплачусь. Но я держалась. Слезы не спасают от неприятностей – гораздо важнее осторожность и наблюдательность.

Начало темнеть. Стало прохладно. Мой спутник подал мне теплое покрывало, укутавшись в которое, я почувствовала себя маленькой. Но спать не хотелось.

– Расскажите мне про того колдуна из Хальфдана, с которым дружит ваш хозяин! – попросила я. – Вы с ним встречались? Наверное, он производит на людей пугающее впечатление?

– Не сказал бы. Разумеется, он мужчина довольно сильный и тренированный. Однако подобных и у нас хватает. Если заниматься с раннего детства...

– Ох, да я вовсе не об этом! Он должен пугать тем, что владеет колдовством. Разве не так?

– Не думаю, что ему разрешено колдовать когда вздумается. Только в крайних случаях. Это же касается и артефактов. Если бы нападающие не пожелали забрать вас, я не стал бы применять артефакт. Так что не думаю, что вам нужно бояться нашего северного гостя.

– Он что, и сейчас в замке? – насторожилась я.

– Да, у вас будет возможность встретиться с ним и задать интересные вопросы... – Поверенный герцога откашлялся. – Если осмелитесь, конечно.

Я снова задумалась. Осмелюсь? Колдовство меня интересовало давно,

но вот так запросто разговаривать с тем, для кого оно не то, чем пугают детей, а повседневная реальность?

Страшно.

Вспомнился выжженный на двери след. Каким образом я смогла сотворить такое? И предупреждение сестры Николины...

Неужели я не просто человек, а одна из тех женщин, которых еще недавно преследовали, загоняли, как зверей на охоте, а потом волокли в темницы и на костры?

Интересно, сможет ли северный колдун это понять? Заметить по моему взгляду, почувствовать, оказавшись рядом со мной, услышать в не сказанных словах? Или мне следует все ему рассказать и попросить совета?

Но как отреагирует герцог, если узнает, что женился на колдунье? Нет, нужно молчать. Сестра Николина была права, предостерегая меня. Дело это нешуточное. Если я расскажу правду о случившемся, поставлю под угрозу собственную жизнь, а она мне еще дорога.

...Несмотря на то что у меня отобрали право распоряжаться ею самостоятельно...

– Почти приехали, – сообщил спутник, и я завертела головой, хотя в сгустившихся сумерках сложно было что-то рассмотреть. Только небо, низко нависшее над окрестностями. Должно быть, собиралась гроза. – Не бойтесь. Я уже говорил, что герцог – достойный мужчина, а не чудовище из кошмаров.

– Это вам он кажется таким, – пробурчала я и едва не прикусила язык, когда карету сильно тряхнуло. – Вас ведь не продавали ему, не спросив вашей воли. Вы сами сделали выбор, когда решили на него работать.

– Не слишком ли сильное стремление к независимости для сироты, которая выжила милостью настоятельницы, став ее подопечной?

– Уверена, настоятельница с лихвой возместила все, что обитель на меня потратила. Разве не вы занимались денежными вопросами? Поведаете, сколько я стою?

– Думаю, если бы настоятельница считала нужным держать вас в курсе дел, она бы все рассказала сама.

Больше от собеседника я ничего не добилась, лишь угрюмо насупилась, уставившись в темное окошко. Наверное, он прав. Я не первая и не последняя, кого сделали чьей-то женой по предварительному сговору. Такова судьба всех женщин в нашей стране. Или замужество, или обитель, где пришлось бы коротать свой век, обучая и наставляя молодых девиц.

Но отчего так больно? Почему так тяжело на сердце? Как будто однажды мне пообещали нечто большее, но затем безжалостно отобрали,

и все, что осталось – необходимость покорно следовать чужой воле. Ублажать супруга. Не перечить ему ни в чем. Ставить его желания превыше собственных. Вести хозяйство. Производить на свет наследников герцогского рода.

Мне могло повезти гораздо меньше. Ведь титулованные женихи и в самом деле крайне редко заглядывали в обитель. Чаще приезжали люди попроще. Торговцы, фермеры. Те, кто сумел накопить деньги, чтобы купить жену.

Но почему меня ни разу не показывали другим кандидатам в мужья? Не выводили на смотрины? Просто однажды поставили перед фактом, объявив, что отныне моя судьба решена. Может быть, это как-то связано с тем, что в обители долго искали мою настоящую семью, а затем поняли, что все бессмысленно, и прекратили?

– Мы подъезжаем к замку, – услышала я, отвлеклась от размышлений и встrepенулась. Казалось, что невидимые часы с громким тиканьем отсчитывают время. Совсем скоро я увижу лицо человека, который, ни разу не встретившись со мной, выбрал меня в жены.

Экипаж баронессы позволял путешествовать с комфортом. Спутник, которого выделил ей король, предпочел ехать верхом, сопровождая карету. С ним следовала охрана – Виенна лично отобрала дюжих молодцов, один вид которых мог обратить в бегство целую банду разбойников. О том, что разбойные люди промышляют на дорогах, знали все. Грабежи и насилия случались куда чаще, чем о том докладывали его величеству королю Арнальдо.

Мягкие сиденья, удобная дорожная одежда, предусмотрительно взятые с собой запасы воды и пищи... И все же дорога утомляла. Недолгое время прошло с того часа, как они покинули столицу, а баронесса уже проклинала все на свете, а больше всего того, кто воздвиг родовой герцогский замок так далеко от городов. Наверняка тем человеком являлся дальний предок Себастьяна. Такой же упрямец!

Притомившись, Виенна задремала, обняла бархатную подушечку и краем уха продолжала слушать, как шелестят страницы книги под рукой сопровождающей ее камеристки. Промелькнула мысль: не приказать ли почитать вслух? Интересно, что у нее с собой – стихи или сентиментальный роман? Должно быть, восторженные мечтания о прекрасном принце, который однажды прискачет на белом коне и, прельстившись сомнительными красотами, заберет дуреху с собой, избавив от работы на баронессу. Вот только сказочки это все – побывавшей

замужем Виенне было прекрасно известно, кто появляется на пороге наивных девственниц вместо очаровательных принцев.

Если рассудить здраво, большинство мужчин одинаковы. Каждый из них, от короля до конюха, нуждается в том, чтобы ему пели дифирамбы. Все они, несмотря на наличие или отсутствие крепких мускулов, уверены в собственной неотразимости и в том, что удовлетворить женщину – да хоть тысячу женщин! – для них проще простого.

Как же утомительно поддерживать эту иллюзию!

Если кто-то и близок к сказочному образу, навеянному богатым воображением авторов романов, то, пожалуй, Себастьян де Россо. Но и его сложно назвать идеалом. Будь он таковым, баронессе не пришлось бы сейчас трястись по проселочной дороге, да еще и на солнцепеке!

Когда Виенна открыла глаза, услышала голоса. Похоже, мужчины, которые ехали с ней, заскучали и решили развлечься беседой. Жаль, что слов не разобрать.

Баронесса потянулась, почувствовала, как неприятно одеревенело тело. Сейчас бы понежиться в теплой воде с добавленными в нее ароматическими эссенциями... А затем позволить чьим-нибудь умелым рукам хорошенько размять каждую мышцу, чтобы исчезло мерзкое ощущение скованности.

И желательно, чтобы руки были мужские...

– Читай вслух! – буркнула Виенна. Камеристка вздрогнула и едва не уронила книгу. – Поживей!

– «Я видел берег, где твои следы остались на песке. Я видел город – голос твой звучал там где-то вдалеке. Я видел розы, лепестки которых целовала ты...»

Баронесса заскрежетала зубами. Все-таки стихи! Наверняка дальше будет рифма «мечты», и все сведется к страданиям неудачника, возлюбленная которого выскочила замуж за кого-то побогаче.

– Хватит! – велела она. Поскорее бы добраться до замка! И пусть только герцог осмелится не проявить гостеприимство!

Человек короля высказал предложение остановиться для отдыха на постоялом дворе, и Виенна была вынуждена с этим согласиться. Одежда липла к телу, хотелось сменить ее на чистую. Хорошо, что взяла большой запас, а новое платье лежит в дорожном сундуке, ожидая часа, когда баронесса появится в нем перед Себастьяном.

Разумеется, ванну в убогой халупе, по недоразумению называемой постоялым двором, предложить не могли. Пришлось довольствоваться обтиранием губкой. Тщательно уложенные в прическу волосы после сна в

кажете походили на воронье гнездо.

– Ты мне ответишь за все неудобства! – проворчала Виенна, адресуя слова герцогу де Россо, который, к сожалению, пока не мог ее услышать.

Утром путешествие продолжилось. Баронесса снова прикорнула, и ей приснилось, что Себастьян успел жениться на девице из обители. Пышная свадьба, громкая музыка, восторженные крики гостей... Герцог одаривает молодую жену страстным поцелуем, и та, ничуть не стесняясь других людей, отвечает ему со всем пылом юного бесстыдства. А затем их радостно провожают в опочивальню, где уже приготовлена постель для первой брачной ночи.

В этот момент Виенна проснулась. Во рту было горько, нижнее белье промокло от пота, а хуже всего, что пробудилось почти забытое желание, чтобы ее кто-нибудь пожалел. Привлек к себе, обнял, погладил по волосам, как нуждающегося в утешении ребенка, сказал бы какую-нибудь глупость. Например, «все будет хорошо». А она бы кивнула, соглашаясь с этими словами, и впервые за много лет заплакала по-настоящему.

И откуда только взялись подобные мысли?!

– Кажется, мы скоро будем на месте, – подала голос камеристка. – Но... правильно ли являться вот так... без предупреждения? Разве...

– Не твое дело! – оборвала ее баронесса. – Поговори мне еще! Скажешь хоть слово – высажу из кареты!

Та примолкла, как испуганная котом мышь, а Виенна с раздражением вытерла надушенным платочком пот со лба, всей душой надеясь, что ее недавний сон не окажется вещим.

Глава 8

Поверенный обещал, что мы доберемся дотемна, но, когда я впервые увидела замок, его окутывали вечерние сумерки. Густые, темно-синие, дарующие долгожданный отдых от дневного зноя. Дождь, который предвещал ухудшение погоды, пока не начался, однако небо выглядело угрюмым и висело так низко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой. Я смотрела на представший передо мной громадный причудливый силуэт герцогского замка и пыталась, но не могла свыкнуться с мыслью, что теперь это место станет моим новым домом. Что обратно дороги нет и отныне здесь продолжится моя жизнь.

Мы вошли в ворота, которые открыл молчаливый прислужник, и оказались во внутреннем дворе, вымощенном каменными плитами. Таком просторном, что тут можно было давать балы. Мне представлялись яркие огни факелов, поражающие воображение наряды дам и нежные улыбки кавалеров.

Боясь потеряться, я цеплялась за локоть моего спутника, точно ребенок за взрослого. Впрочем, учитывая, что по возрасту поверенный годился мне в отцы, я почти не испытывала смущения. Каблуки туфель звонко стучали по камню, а руки снова начали дрожать от волнения и страха, которые нахлынули удушливой волной.

Почти все окна замка оставались темными, лишь в нескольких я разглядела мелькающие огоньки свечей. Может быть, обитатели уже давно легли спать? Или нас здесь вообще не ждали?..

– Ваша светлость! – вдруг заговорил со мной поверенный и остановился. – Мне нужно кое-что вам сказать. Выслушайте меня внимательно. Пообещайте мне здесь и сейчас, что, поселившись в замке, вы будете вести себя разумно. Так, как положено супруге герцога де Россо и... женщине, чья обязанность – во всем и всегда поддерживать мужа.

– Вы считаете, что у меня плохие манеры? – заволновалась я.

– В том, что вы умеете вести себя за столом, хорошо воспитанны и неплохо образованны, я уже убедился. Дело не в этом. Возможно, кое-что... некоторые вещи, с которыми вы столкнетесь в замке, могут показаться вам странными. Я бы не хотел, чтобы вы судили обо всем сгоряча. Человек не выбирает свою участь, и потому...

– Странными? – насторожилась я. Страх нахлынул волной. Он окружил меня липкой паутиной, оскалился тысячей ртов. – Какие именно

вещи? Пожалуйста, скажите!

Увы, собеседник, посчитавший нужным предупредить меня, не захотел продолжать разговор. Казалось, поверенный даже пожалел, что вообще его начал. Мы продолжили путь в тишине, и я – надо признаться, не без усилий – заставила себя держаться прямо и гордо. Может быть, не как королева в изгнании, но и не как глупая девчонка, обескураженная происходящим. Даже если в глубине души я и чувствовала себя именно так.

Когда, заскрипев, дверь замка открылась, первой встретила нас пожилая экономка. Она мне сразу понравилась. Невысокого роста, с забранными в тугой пучок седыми волосами, с добрыми серыми глазами, окруженными сетью морщинок. Эта женщина походила на бабушку, о какой я всегда мечтала. От души надеясь, что мы подружимся, я улыбнулась.

– Комната приготовлена, ваша светлость, – произнесла она, поклонившись. – Я сама отведу вас. Прошу!

– А мои вещи? – Я вспомнила, что багаж остался в карете.

– Их доставят, не беспокойтесь.

– Кажется, мы можем попрощаться, – сказал сопровождавший меня спутник.

– Разве мы не встретимся завтра?

– Я больше времени провожу в столице, чем здесь, но встречаться нам, разумеется, придется. Доброй ночи! И еще раз прошу – ничего не бойтесь!

Поверенный ушел, а я растерянно смотрела ему в спину, гадая, что же он имел в виду. Может быть, здесь водятся привидения? Учитывая возраст замка, такое вполне вероятно.

Экономка повела меня за собой, освещая дорогу несколькими свечами в подсвечнике, который осторожно несла в руке. Вслед за ней я поднялась по узкой каменной лестнице с холодными гладкими перилами, свернула в коридор, затем в следующий. Скрипнула дверь.

– Ваша спальня.

«Какая большая!» – подумала, переступив порог. Наверное, раза в три больше моей комнатки в обители, если не в пять. Устланый мягкими коврами пол, два узких стрельчатых окна, необходимая мебель, украшенная деревянными завитушками. Кровать под балдахином с покрывалом из алого бархата... Она слишком широкая для того, чтобы спать на ней в одиночестве.

– Располагайтесь! Ванная за той дверью. Мне приказать нагреть воду?

Предложение вымыться с дороги показалось привлекательным, и я кивнула.

– Прошу немного подождать.

Экономка покинула комнату, оставив мне подсвечник. Должно быть, она так давно жила в замке, что не боялась ходить по лабиринтам коридоров в полной темноте. Я присела на край кровати и ощутила себя среди всей этой роскоши очень маленькой и потерянной.

Через некоторое время комната ожила. Появились горничные, одна из которых несла мои скромные пожитки, а еще три – по два ведра с водой. Я удивилась, почему так много воды, но зашла в показанную экономкой дверь и обнаружила, что расположенная там ванна имеет весьма впечатляющие размеры.

Девушки смотрели на меня с таким любопытством, будто у меня было две головы, а на ногах – копыта. Однако же – помалкивали. Быстро наполнили ванну водой, положили рядом большой кусок мыла и выжидающе уставились на меня.

– Вам помочь раздеться, ваша светлость? – наконец нарушила молчание одна из них.

– Что? – опешила я. – Ох, нет, не нужно! Я сама справлюсь. Можете идти. Благодарю.

Когда горничные скрылись, я торопливо стянула одежду, бросила ее прямо на пол и юркнула в теплую воду. Почувствовав спиной гладкое дерево, блаженно зажмурилась. Как хорошо! В обители мы по-быстрому мылись в тазиках, не снимая нижних сорочек, и сегодня мне впервые за жизнь выдалось понежиться в мягкой ласковой воде по-настоящему. Потому я не смогла удержаться от искушения раздеться полностью, хотя наставницы наверняка этого не одобрили бы.

Мыло пахло не золой и дегтем, а лавандой и миндалем. Да еще и пены давало столько, что ею мгновенно наполнилась вся ванна, стоило опустить туда благоухающее средство для мытья. Я вытащила из волос шпильки, позволила длинным прядям свободно упасть на плечи и погрузиться в воду, в которой они поплыли, напоминая озерные растения. Затем, крепко зажмурившись, окунулась с головой и, вынырнув, громко фыркнула, смахивая с лица пену. С губ не сходила улыбка, уставшее после долгой дороги тело расслабилось в тепле, постепенно отдыхало и очищалось от грязи и пыли.

В отведенной мне спальне за дверью ванной комнаты внезапно послышались шаги.

Виенна уже предвкушала долгожданный конец пути, когда карету вдруг резко тряхнуло, и та завалилась на бок. Все произошло так быстро,

что баронесса едва не свалилась с сиденья. Камеристка вскрикнула, выронила книгу и задрожала, как заяц перед охотничьей собакой.

Карета остановилась.

– Что, демоны вас всех побери, происходит? – открыв дверцу, раздраженно осведомилась Виенна у сопровождающих ее мужчин.

– Отвалилось колесо, – отозвался человек короля, имя которого баронесса выбросила из головы сразу же после того, как он ей представился. Смуглый, широкоплечий, с мрачным лицом, которое наполовину скрывала потрепанная шляпа, мужчина и сам походил на разбойника. Зачем только его величество нанял столь подозрительного типа?

– Как такое могло произойти?!

– Полагаю, карета не выдержала веса вашего сундука, – хмыкнул мужчина. Люди Виенны помалкивали, прекрасно зная, что, когда хозяйка в гневе, лучше с ней в беседы не вступать, лишь нахальный незнакомец осмелился говорить с ней так, будто был ей равней! – А погода портится.

Подняв глаза к небу, баронесса убедилась в правоте его слов. Все указывало на приближение грозы. А ведь они еще не добрались до замка герцога, и поблизости – никакого жилья!

– Займитесь делом, почините карету! – распорядилась Виенна.

– Починка займет время – возможно, достаточно долгое.

– И что же вы предлагаете? Ночевать в чистом поле? Мне?

– Мы можем продолжить путь верхом, а за каретой вернуться днем.

– И оставить мои вещи на радость разбойникам и бродягам?!

– Но...

– Замолчите! Вы... – ткнула пальцем в собеседника баронесса. – Как вас там... Отвезите меня немедленно к герцогу де Россо, если не солгали, что знаете дорогу. А остальные... пусть чинят карету и возвращаются домой.

– Что вы говорите?! – пискнула камеристка. – Как же вы будете в замке без меня? И без своих вещей?

Виенна скрипнула зубами. Новое платье и прочие наряды оставлять не хотелось. Но никто из отправившихся с ней в дорогу не знал, как найти замок Себастьяна. Только этот наглец. Следовало поспешить, если баронесса не хотела, чтобы герцог стал добычей ушлой безродной особы, воспитанной старыми девами.

– Это приказ, – процедила она. – За мой сундук отвечаешь головой. Поехали!

Усмехнувшись и продемонстрировав белые зубы, сопровождающий

подал ей руку, и баронесса запрыгнула на коня. От мужчины почти не пахло потом, и все же Виенна поморщилась, ощутив близость спутника. Впрочем, могло быть и хуже.

Сломанная карета осталась на дороге. В лицо бил ветер. Из-под копыт коня летела пыль.

– Вы смелая женщина, – заметил ее спутник. – Вот так бросить все и продолжить путь налегке... Не каждая решилась бы.

– Таких, как я, больше нет, – бросила в ответ баронесса. – Но король, похоже, недостаточно меня ценит. Если отправил со мной вас.

– Чем я вас не устраиваю? Со мной вы в полной безопасности. И дорогу я знаю, хоть вы в этом сомневаетесь.

– Проверим, когда будем на месте. Надеюсь, что скоро. Я не собираюсь ночевать на голой земле.

– Мы срежем путь. На карете это не получилось бы. Так что еще немного подождите и увидите своего герцога.

В голосе спутника прозвучала насмешка, заставившая Виенну раздраженно дернуться. Может, он и не из числа придворных, а все равно знает о цели ее путешествия. Знает, что ее любовник решил жениться на другой!

До чего же унизительно!

– Однако будет ли он рад встрече? – продолжил собеседник.

– Не ваше дело, – буркнула Виенна. – Вам велено доставить меня в замок! Да кто вы вообще такой?

– Наемник. Иногда работаю на короля. Правда, не все его поручения такого рода.

– Может, еще и людей за деньги убиваете? – осведомилась баронесса.

– Бывает.

– Что ж... – Она тщательно взвешивала каждое слово, обдумывая пришедшую в голову мысль. – Возможно, мне понадобятся ваши услуги.

Глава 9

Сидя в воде, я настороженно прислушивалась к доносящимся из спальни звукам. Похоже, там находился не один человек. Горничные вернулись?

Обрадовавшись возможности смыть дорожную пыль, я совершенно забыла приготовить сменную одежду и полотенце. Чтобы одеться, придется возвращаться голышом и рыться в сложенных вещах. Ну, или надевать грязные, что делать очень не хотелось.

Когда стало тише, я с облегчением выдохнула. Но, как выяснилось, рано обрадовалась. Кто-то проследовал к ванной комнате, чья-то рука толкнула дверь, и передо мной появился незнакомый мужчина.

Вскрикнув от испуга и неожиданности, я мгновенно погрузилась в воду до самого подбородка, радуясь тому, что деревянные стенки ванны и ароматная белая пена закрыли меня со всех сторон. Но все равно почувствовала себя беззащитной. Не следовало так расслабляться!

– Прощу извинить меня за то, что напугал, – промолвил визитер. Приятный голос, мягкий. Наверное, с такими интонациями успокаивают лошадей.

Я разглядывала его, насколько позволял падавший на незнакомца свет.

Высокого роста, темноволосый. Одет безо всякой помпезности – белая рубашка и черные штаны, но с простым человеком его не перепутаешь, даже не будучи умудренной большим жизненным опытом. Высокое происхождение выдавали осанка, выговор, уверенность в каждом движении.

– Кто вы? – уже догадываясь, каким будет ответ, спросила я.

– Герцог Себастьян де Россо. Приношу извинения за то, что не успел встретить вас у входа в замок.

– Ничего страшного, – чувствуя возрастающую неловкость ситуации, отозвалась я. – Поверьте, я не в обиде. Меня весьма радушно встретили ваши слуги.

– Теперь они не только мои, но и ваши.

– Боюсь, мне непросто будет к этому привыкнуть...

Признание само сорвалось с губ, и я с опозданием прикусила язык. А впрочем, что мне скрывать? Он знал, кого берет в жены. Совсем не ту девушку, которая с детства привыкла командовать прислугой. Да я даже одежду из дорогих тканей никогда не носила!

– Уверен, вы справитесь. Мне уже сообщили, что дорога выдалась непростая и вам пришлось лицом к лицу столкнуться с разбойниками. Я сожалею.

– Все закончилось благополучно, – ответила я, стараясь не вспоминать о произошедшем. Хотя понимала, что окончательно никогда этого не забуду. Ни лица нападавшего, ни его грубых прикосновений, ни ощущения собственного бессилия.

– Я бы хотел поужинать с вами сегодня. В вашей комнате. А в столовой соберемся завтра, все вместе.

Услышав это, я поежилась. Вместе... С его бабушкой, о которой меня предупреждал поверенный, и с другом-колдуном? Но то будет завтра, а сначала нужно пережить сегодняшнюю ночь. Неужели герцог собирается заявить права на меня прямо сейчас?!

– Мне нужно одеться...

– Что-то не наблюдаю здесь полотенца.

– Забыла его взять, – сердясь на себя за то, что слова прозвучали как оправдание, сказала я.

– Ничего страшного, подождите.

Стоило ему выйти, я бросила взгляд на подсвечник и притянула ноги к груди. Шапка пены колыхнулась, мягко обволакивая тело, а теплая вода вдруг показалась ледяной. Что же делать – может быть, задуть свечи?..

Герцог де Россо вернулся, принес с собой покрывало. То самое, с кровати. И развернул его передо мной во всю ширину.

– Думаю, вполне сгодится вместо полотенца, – заявил он, приблизившись.

Закусив губу, я смотрела на него и не шевелилась.

– Что же вы колеблетесь? Ужин остывает. И вода тоже.

Поймав направление его взгляда, я задрожала.

– Вам холодно, – заметил наблюдательный собеседник. – Хорошо. Я закрою глаза.

Я недоверчиво глянула на него, но мой супруг – неужели теперь мне придется называть его так? – действительно зажмурился. Вода заплескалась, я поднялась и шагнула из ванны, тут же ощутив босыми ногами прохладу и шероховатость пола. Потянулась к покрывалу – но взять его мне не позволили.

– Поднимите руки!

– Что?

– Просто поднимите, иначе я открою глаза.

Это напоминало угрозу, и я подчинилась. Подняла руки, ощущая, как

лицо заливает краска стыда. Пусть мужчина и не мог меня сейчас видеть, он все равно находился слишком близко.

Герцог обернул покрывало вокруг меня, а оставшийся свободным край, когда я опустила руки, перекинул через плечо. Алый бархат обнимал тело, впитывал капельки влаги. Я убрала мокрые волосы с лица и хотела заплести их в косу.

– Оставьте. Так красивее.

Когда он успел открыть глаза?!

– Хорошо.

Взять с собой подсвечник мне тоже не разрешили. Оказалось, что в комнате света достаточно. На свечах здесь явно не экономили.

Стол к ужину накрыли прямо в спальне, на небольшом столике. От закусок исходил аппетитный запах, и я прижала ладонь к животу, надеясь, что тот не заурчит, как голодный кот. Кроме еды подали графин с вином.

– Угощайтесь! – кивнул на это великолепие герцог и небрежно уселся прямо на край кровати. Я села на единственный стул напротив и аккуратно расправила складки покрывала, которое заменяло платье. – Не знаю, что вы любите, поэтому велел доставить легкий ужин.

Легкий ужин? Несколько видов сыра, ветчина, оливки, гренки со спаржей, засахаренный миндаль и айва. Сглотнув слюну, я взглянула на сотрапезника, который с невозмутимым видом разливал по бокалам рубиновое вино. Отблески света плясали на смуглой коже, отражались в глазах. Светлых, как у меня самой.

Наемник повернул голову и взглянул Виенне в лицо. Из-под полей шляпы блеснули лукаво прищуренные глаза. Губы искривила усмешка.

– Что скажете? – поторопила его с ответом баронесса. – Я могу щедро заплатить. Не сомневайтесь!

– И от кого же вы хотите избавиться? – спросил он.

– От соперницы, – отозвалась женщина.

– Столь радикальным методом?

– Вам не дано понять, каково быть отвергнутой женщиной!

– И слава богам.

Виенна раздраженно фыркнула. Да как он смеет так себя с ней вести? Всего лишь какой-то грязный наемник!

Однако если сам король не брезгует его услугами...

Любопытно, сколько ему лет? На вид можно дать примерно сорок или чуть больше, но мужчина в отличной форме. Сейчас, находясь близко к нему, баронесса чувствовала силу, исходившую от сжимавших поводья рук

и твердой широкой груди под простой дорожной одеждой. Должно быть, ему не раз приходилось участвовать в потасовках. Об этом же говорил и застарелый шрам, пересекавший шею и часть смуглой щеки.

«Я могла бы уладить дело и самостоятельно, – подумала Виенна. – Избавиться от наглой девицы собственными руками. Тогда не пришлось бы унижаться перед этим типом, но ведь так гораздо проще».

Она сделала глубокий вдох и постаралась успокоиться. Нельзя решать подобные вопросы сгоряча. Слишком многое поставлено на карту. Ее репутация при дворе, где до конца жизни будут вспоминать, как баронессу де Кастеллано бросил любовник. А ведь еще надо заткнуть рот камеристке и отряду сопровождения, чтобы не начали сплетничать, как их хозяйка, в чем была, отправилась в герцогский замок наедине с человеком, который мог похвастаться только сомнительной славой.

– Так как? – поторопила его с ответом Виенна. – Вы возьметесь за мое дело? И сколько попросите?

– Мне нужно подумать.

– Когда мы приедем в замок, вы должны остаться со мной.

– На каких основаниях?

– Скажу, что вы мой телохранитель.

Мужчина усмехнулся.

– Вы всегда решаете за других, не интересуясь их мнением?

– Некоторые и за себя принять решение не способны, так что могли бы поблагодарить!

– Я не из таких.

– Оно и видно. Но разве вам не нужны деньги? Вы, должно быть, слышали, что я немало унаследовала от родителей, а затем и от мужа.

– Тогда зачем вам герцог? Если золотых монет куры не клюют! Жили бы в свое удовольствие!

– Я так и живу, – пробурчала баронесса, нахмурившись. В чем-то этот грубиян был прав. Все женские неприятности из-за мужчин. И что такого в Себастьяне, если он ей так нужен? Приворожил ее, что ли?..

– И что же тогда дернуло вас сорваться в дорогу? Снова скажете, что не мое дело? Но почему бы тогда просто не смириться с положением дел и не оставить человека в покое?

– Оставить в покое?! После того как меня опозорили на всю столицу? Не рассуждайте о том, в чем ничего не смыслите!

Виенна рассерженно отвернулась, кусая губы. Ну уж нет! Герцог де Россо за все ответит! И в жены ее возьмет как миленький! А та дрянь, которую он выбрал, либо вернется в обитель, либо отправится на

кладбище.

– И в чем же я, по-вашему, ничего не смыслю? – раздался хрипловатый голос сопровождающего.

– В любви?

– Если всякая любовь подобна той, какой вы ее представляете, то мне остается уповать на то, чтобы такого, как я, никто не полюбил.

– Не слишком ли гладкие речи для наемника?

– Считаете, из моего рта должны литься только нецензурные слова?

– Именно!

– Что ж, не стану вас разочаровывать, – пробормотал он и выдал такое, что уши баронессы непременно покраснели бы, будь она женщиной иного склада или просто менее опытной. А так она лишь расхохоталась. Сама не ожидала, что общество спутника, которого ей приходилось терпеть, начнет ее веселить.

Но мысли вновь вернулись к Себастьяну де Россо. Виенна вспомнила свой сон и стиснула кулаки, до боли вонзив ногти в ладонь. Уязвить ее чем-то сильнее, чем своей женитьбой, герцог не смог бы. Неужели он действительно собирается провести всю жизнь невесть с кем? И представить эту особу ко двору?

А если все же не убивать девку? Если подсунуть ей другого мужчину, достаточно привлекательного для того, чтобы обольстить и склонить к измене? Тогда Себастьян будет унижен так же, как баронесса сейчас, и ему не останется ничего, кроме развода с неверной женой.

Но кого? Кто достаточно хорош для того, чтобы соперничать с герцогом? Не так-то просто отыскать подходящего кандидата...

Виенна покосилась на наемника. Сгодится ли он для такой миссии? Если его переодеть, отмыть, сбрить щетину... Конечно, он не ровесник воспитаннице обители, но она ведь наверняка круглая сирота. Следовательно, ее может привлечь человек, в котором она увидит не только мужчину, но и отца.

А герцог еще не в том возрасте, чтобы подходить для подобной роли.

«Что ж, отличная мысль!» – сказала себе баронесса и довольно улыбнулась. Разумеется, придется заплатить, однако, если дело выгорит, она будет полностью удовлетворена. И никому не придется пачкать руки в крови.

А если соперница окажется высоко моральной, можно будет отыскать другой способ, чтобы подложить ее в постель мужчины, не являющегося супругом.

Глава 10

Угощение таяло во рту. Я даже не ожидала, что, несмотря на тревоги последних дней, у меня будет такой завидный аппетит. Себастьян де Россо ел мало. Он время от времени с мягкой усмешкой посматривал на меня, подливал вино. Сладкое и терпкое, оно кружило голову и подталкивало озвучить накопившиеся вопросы. Я пока еще сдерживалась, но вопросы так и рвались с языка.

«Все не так уж и страшно, – говорила я себе, украдкой бросая взгляды на супруга-незнакомца. – Судя по обстановке, количеству прислуги и тому, что здесь подают к ужину, герцог вовсе не принадлежит к обедневшему роду. Да и слова поверенного это подтверждают».

Однако, с учетом того, что дела моего мужа обстояли хорошо, еще более загадочным становился его выбор. Он действительно молод и... весьма хорош собой. Не признать его привлекательность невозможно. Так почему же герцог не взял в жены девушку своего круга? Я не сомневалась, что любая аристократическая семья, не задумываясь, отдала бы ему свою дочь.

Тогда что здесь делаю я?..

Вспомнились недавние слова человека, доставившего меня в замок. О каких странностях он говорил? С чем мне придется столкнуться? Нужно держать ухо востро. Если в замке мне угрожает опасность, неизвестно, с какой стороны она может приблизиться.

– Вы слишком задумчивы, – произнес герцог. Сейчас его голос звучал почти ласково. Или вино искажало восприятие, отчего желаемое воспринималось как происходящее наяву?

– Разве мне не о чем задумываться? – отозвалась я, от неожиданности едва не выронив кусок сыра.

– К примеру?

– О том, что ждет меня... нас с вами... после такого знакомства.

– Я так сильно обидел вас, когда вошел в ванную комнату, не предупредив о своих намерениях?

Казалось, он говорил вполне искренне. Но я молчала, не зная, что следует ответить. Притвориться, что все в порядке, или сказать правду?

Может быть, будь у меня другое происхождение, отношение ко мне было бы иным? Или нет? Ведь жена, кем бы она ни являлась до свадьбы, всегда собственность мужа. Перешагнув порог его дома, она должна забыть

о своей прежней жизни. Забыть навсегда.

Я не могла похвастаться привычкой к роскоши – в обители нас приучали довольствоваться малым. Не умела отдавать приказы слугам. Если кто-то и годился в супруги отпрыску герцогского рода, то точно не я.

Так и сказала, сделав еще глоток вина. Пришлось набраться храбрости, чтобы начать говорить, однако затем слова полились сами собой. О том, что я не только другим не показывалась, но и себя никогда прежде не видела раздетой, тоже упомянула.

– Я ведь закрыл глаза, – напомнил Себастьян де Россо. – Так что – тоже не видел. Пока.

Сделанное им краткое уточнение заставило меня подскочить на стуле. Край покрывала опасно сдвинулся, грозя соскользнуть с плеча, и я поспешила вернуть мягкий бархат на место. После чего решительно вздернула голову, стараясь не думать о том, как запылали от слов собеседника мои щеки и уши.

– По какой причине вы женились на мне?

– Пришло время – женился. Разве для этого нужны иные резоны? – усмехнулся герцог. – А что?

– У вас имелась возможность выбрать девушку, воспитанную в семье.

– Однако у обители, где вы выросли, превосходная репутация. Многие люди предпочитают не давать дочерям образования, полагая, что женщинам оно ни к чему, и даже стыдятся того, что некоторые девицы способны прочесть книгу. А ваша настоятельница придерживается прогрессивных взглядов.

Я угрюмо засопела. Пока он все говорил верно. Настоятельница, несмотря на то что знатные женихи в обитель заглядывали редко, на самом деле считала, что девушки должны уметь читать и писать, знать историю своей страны и разбираться в непростых науках, которые прежде слыли прерогативой мужчин.

– Для вас так важно, чтобы супруга была грамотной? – уточнила недоверчиво.

– Почему нет? Я ведь не все время провожу в отдаленном замке. Моей жене придется находиться рядом со мной в столице, даже при дворе. Она должна уметь поддержать разговор на любую тему. Мне бы не хотелось за нее стыдиться.

С этим аргументом я также готова была согласиться.

– Так как, я ответил на ваш вопрос?

– И вас не волнует, что мое происхождение неизвестно? Что мои родители могли быть простыми людьми? Что в моих жилах не течет кровь

аристократки?

– Человек, которого я считаю своим лучшим другом, колдун из Хальфдана. Он родился в крестьянской семье и, если бы не проснувшиеся в нем способности, сейчас возделывал бы суровую северную землю. Однако я не знаю человека, который являлся бы для меня большим авторитетом.

Мне вдруг захотелось, чтобы кто-нибудь и обо мне говорил с таким же теплом. Но кто? Аньелла или сестра Николина? Хотелось верить, что мне позволят обмениваться с ними письмами. Ведь они – моя единственная семья.

– Происхождение не так важно, как то, каков ты сам по себе, – продолжил герцог. – Даже принц крови может быть дурнее и невежественнее, чем сын ремесленника. И история знает немало тому примеров.

Как смело с его стороны заявлять подобные вещи! Я очень сомневалась, что король и большинство придворных с этим согласились бы. Но в словах герцога де Россо звучала неколебимая уверенность, которая оказалась весьма заразной – так и хотелось кивнуть в ответ.

Виенна смахнула с лица упавший на лоб локон и вгляделась в полумрак. Вот и замок – высится впереди, нависая над всем окружающим. Ну и громадина! Жуткая, темная, мрачная. Будь баронесса на месте Себастьяна, никогда и ни за что не поселилась бы здесь – жила бы исключительно в столице.

– Мы приехали, – проговорил наемник, и его дыхание защекотало ей шею.

– Столкните меня с коня.

– Что? – В голосе собеседника послышалось удивление.

– Просто столкните. Только аккуратно, чтобы ваша зверюга меня не затоптала.

– Его зовут Ветер.

– Очень поэтично! – Виенна сделала глубокий вдох, готовясь к неизбежной боли и напоминая себе о том, что не напрасно будет терпеть малоприятные ощущения. – Так вы это сделаете?

– С превеликим удовольствием!

Падение длилось неожиданно долго. Баронесса зажмурилась и стиснула зубы, чтобы не закричать, оказавшись на земле, столкновение с которой показалось весьма чувствительным. Наемник спешил и наклонился к ней.

– Вы живы?

– Как видите! – выдавила она, морщась. Кажется, действительно не на шутку ушибла ногу. Тем лучше – так будет выглядеть правдоподобнее.

– А мне теперь что делать?

– Как что?! Бегите скорее к воротам и стучите изо всех сил! Скажите, что баронесса Виенна де Кастеллано, с которой владелец замка очень хорошо знаком, упала с коня, а потому нуждается в помощи и покровительстве герцога!

– Поражаюсь вашей сообразительности, – цокнул языком собеседник.

– Учитесь, пока я жива!

Наемник не сплеховал – ворота открыли сразу. Плеснул свет факелов, слышались голоса. Виенна томно прикрыла глаза и застонала, когда ее спутник, которого она решила представить как собственного телохранителя, подхватил ее на руки. Кто-то увел его норовистого коня, а сам сопровождающий повел себя так естественно, словно и не насмешничал несколько минут назад. Пожалуй, он в самом деле годится для воплощения в жизнь ее плана с обольщением невесты – или уже супруги? – Себастьяна.

Виенна заметила ошеломленное лицо какой-то старухи в чепце. Должно быть, экономки. Та кликнула горничных.

– Я должна немедленно увидеть вашего хозяина! – категорично заявила баронесса. – Разместите меня где-нибудь! Не видите, я пострадала, добираясь в вашу глухомань!

Следуя за экономкой, наемник отнес Виенну в комнату, которая больше походила на гостиную, чем на спальню. Когда прислуга вышла, баронесса схватила мужчину за рукав. Он приподнял брови.

– Не смейте меня покидать! – потребовала она. – Пусть вас накормят и подыщут место, где вы сможете поспать. Поговорим позже.

– О чем же?

– О моем заказе. А сейчас ступайте, только пока не попадитесь на глаза герцогу! И снимите наконец-то шляпу!

Наемник вышел, баронесса откинулась на подушки. Не такой она желала предстать перед Себастьяном. Но, увы, не судьба надеть новое платье, соблазнительно подчеркивающее каждый изгиб фигуры. Зато в столь неприглядном виде куда проще надавить на жалость. Если хорошо посмотреть – не худшее оружие в умелых руках.

Владелец замка не спешил, и баронесса, утомленная перипетиями долгой дороги, едва не задремала. Но встрепенулась, заслышав знакомые мужские шаги. Слегка приподнялась и застонала – на сей раз без всякого

притворства, поскольку от неловкого движения ушибленная нога и в самом деле заболела.

– Себастьян! – воскликнула Виенна, увидев вошедшего в комнату любовника. Простая одежда только подчеркивала его мужественность и красоту. Ему, что значительно отличало герцога де Россо от многих придворных щеголей, не приходилось рядиться в шелка и кружева, чтобы привлечь внимание к своей персоне.

– Что ты здесь делаешь? – с недоумением произнес герцог, не торопясь заключать ее в жаркие объятия. Баронесса надула губы. – Как ты узнала, где я живу?

– Король Арнальдо помог. После того как я услышала от Иларии новость о твоём браке, не могла найти покоя. Пожалуйста, скажи, что все это неправда!

– Да, я действительно женился. Мне следовало рассказать тебе раньше, чем слухи дошли до придворных. Прости.

– Я опозорена на всю столицу, и все, что ты можешь мне сказать, – жалкое «прости»?!

– Ты ведь сама не раз говорила, что не хочешь снова вступать в брак.

Виенна до боли закусил губу, понимая, что ненароком угодила в собственную ловушку.

– Все бумаги подписаны, теперь она моя жена, – продолжал Себастьян.

– Только по бумагам? – уточнила баронесса. – Но ваш брак еще не консуммирован, так? Ты можешь передумать!

– Да пойми ты, решение принято не мной! У меня не оставалось выбора! – выкрикнул герцог и резко замолчал, сообразив, что сказал лишнее. – Считай, что ты этого не слышала.

«В чем же дело? – лихорадочно размышляла Виенна, забыв о боли в ноге и о том, что ей следовало сейчас изображать несправедливо пострадавшую. – Кто мог принять решение о женитьбе Себастьяна, кроме него самого? Его отца давно нет в живых! Может, тот оставил завещание с требованием жениться именно на указанной девице? Но тогда ему должно быть известно ее происхождение, ведь ни один нормальный родитель не заставит единственного сына взять в жены безродную сиротку!»

Глава 11

К тому времени, когда в дверь спальни постучали, графин с вином опустел больше чем наполовину, а закусок на столе осталось значительно меньше, чем было изначально. В комнату робко заглянула одна из горничных. Похоже, все они получили четкое распоряжение не беспокоить нас с герцогом, и наверняка случилось что-то из ряда вон выходящее, если девушка все же решилась потревожить хозяина.

– Простите, но... к вам еще гости, – пролепетала она.

– Кто? – холодно ответил мой супруг.

– Женщина. Она представилась баронессой де Кастеллано, – сообщила горничная, которую, кажется, кто-то подталкивал в спину и подсказывал, что говорить. – Сказала, что ей нужно вас видеть. А еще она упала с коня. Должно быть, ударилась.

Брови герцога поползли вверх. Судя по реакции, такой новости он не ожидал. Я тоже. Но уши наострила – любопытно, что там за баронесса? И что побудило ее навестить герцогский замок на ночь глядя?

Да еще и верхом, а не в карете!

– Я вынужден вас оставить, – проговорил Себастьян. – Нужно уладить... возникшее недоразумение. Ложитесь спать и постарайтесь хорошо отдохнуть.

Поднявшись, он вышел из комнаты. Горничная юркнула в открытую дверь и, отвесив поклон, поинтересовалась, нужно ли убирать со стола. Я устало кивнула.

Нedorазумение, значит? Однако имя неизвестной гостьи, как мне показалось, очень хорошо знакомо герцогу де Россо. Кто же она?

Когда девушка, закончив уборку, ушла, я отыскала в своих вещах ночную рубашку, надела ее, погасила свечи и забралась в постель. Сейчас ложе выглядело огромным, и я казалась себе ребенком, который забрался в родительскую кровать, чтобы вволю там попрыгать. На какое-то мгновение почудилось, что это незамысловатое детское удовольствие знакомо мне не понаслышке.

Странно...

Неужели я начала что-то вспоминать?

Расположившись поудобнее, накрылась одеялом и зажмурила глаза. Вот бы в самом деле заполнить пустоту в памяти... Оживить забытые детские воспоминания, увидеть перед внутренним взором лица родителей.

Кто они? Почему не искали меня?

Или... их уже нет в живых?

Сон не шел, мысли теснились в голове, будоражили. Появление баронессы, кем бы она ни приходилась герцогу, вероятно, спутало все его планы. Это означало, что первая брачная ночь откладывается на неопределенное время.

Что там поверенный говорил о необходимых обрядах? Следовало наступить на горло смущению и все выведать. Не у супруга же спрашивать...

Я спрятала лицо в непривычно мягкой подушке и представила, как задала бы мужчине подобный вопрос.

В обители говорили, что по задумке богов муж должен стать для женщины самым близким человеком. Ближе отца и матери, ближе брата и сестры. Ближе всех.

Но как может стать близким совсем чужой человек? Да, он хорош собой, богат, титулован... Как сказал поверенный, далеко не всем девушкам так везет даже в наше время. Вот только сам же предупредил о чем-то пугающем, с чем я могу столкнуться в замке. Точно глупый мышонок, привлеченный запахом сыра за дверцей мышеловки... Только тот сам заходит в ловушку, а моего согласия никто не спросил. И выбора жизненного пути не предоставил.

Будь я сейчас в обители, уже давно крепко спала бы. Или, может, проскользнула бы тайком в комнату к Аньелле. Поболтать на сон грядущий, посекретничать. Интересно, как она там? Вспоминает ли обо мне?

Я шмыгнула носом, но заставила себя не плакать. Еще не хватало залить слезами подушку! Лучше уж постараться заснуть – как говорится, утро вечера мудренее.

Снилось мне в эту ночь что-то странное. Не костер, нет. Вечно зеленый лес, в котором крупные еловые лапы клонились к земле под тяжестью снега. Я никогда прежде не видела снега, но знала, что это он. Белый, холодный... Попыталась коснуться снежной шапки и увидела, что на моей руке вязаная варежка с диковинным узором, вышитым красными нитками. Кажется, такие знаки называются рунами.

Когда открыла глаза, в комнате было светло. Наступило утро. Или уже день? Почему меня никто не разбудил? Может, обо мне просто забыли?

Я подумала про сон. Знаки, вышитые на варежке, помнились так отчетливо, что мне захотелось нарисовать их. Может быть, однажды окажется возможным выяснить значение?

Бумага и чернила в комнате обнаружили – стоило только хорошенько

поискать. Герцог говорил, что ему нужна образованная супруга, значит, позаботился о писчих принадлежностях. Вот и чудесно, не придется просить, пока не закончатся. Бумага хорошая, дорогая, приятно к ней прикасаться... В обители выдавали попроще, строго следя за тем, чтобы не переводили по пустякам и не ставили кляксы.

Я обмакнула перо в чернильницу. Увиденные во сне символы ложились на страницу ровно, будто мне когда-то приходилось рисовать их. Один, второй... Рунные письма. Их использовали жители Хальфдана, а в нашей стране имелся собственный алфавит.

Завершив работу, я спохватилась, что сижу в одной ночной рубашке, и поспешила привести себя в порядок. Переоделась в лучшее платье, сделала строгую прическу, из которой не выбивался ни один волосок. Покончив с этим, сразу почувствовала себя увереннее. Теперь я была готова к новой встрече с Себастьяном де Россо, а также к знакомству с его бабушкой. И конечно, с баронессой де Кастеллано, кем бы она ни являлась.

– Пожалуйста, расскажи! – упрашивала герцога Виенна, но Себастьян упрямо качал головой и, очевидно, жалел, что проговорился. Эту мужскую особенность баронесса тоже знала. Почти все они с виду суровые и неприступные, как скалы, а на деле не меньше, чем женщины, нуждаются в том, чтобы поговорить с кем-нибудь откровенно. – Но ты не мог не понимать, как твоя женитьба отразится на моей репутации при дворе! Ведь все видели нас вместе, каждый знал, что...

– Скажи честно – тебя волнует лишь твоя репутация? – отозвался собеседник. – Почему ты тогда начала встречаться со мной? Могла бы во второй раз выйти замуж за одного из твоих поклонников и остаться честной женщиной.

– Конечно же нет! – с оскорбленным видом вскричала Виенна. – Не только репутация! Ради тебя, во имя всего того, что между нами было, я готова переступить через нее так же, как уже сделала однажды, став твоей. А теперь ты попрекаешь меня этим, – притворно всхлипнула она и повела пальчиком, будто вытирала слезинку. – Именно сейчас, когда я так слаба, пострадав, чтобы встретиться с тобой, в последний раз поговорить наедине, обнять...

Промелькнула мысль, что ее слова напоминают фразы из какого-то сентиментального романа, однако они произвели нужное впечатление. Герцогу следовало ощущать себя виноватым. То, что играть на чувстве вины легче, чем на каких-то других человеческих эмоциях, баронесса успела недурно уяснить еще в детстве, упав однажды с лестницы по вине

хмельного отца. Проспавшись и осознав, что едва не погубил единственную дочь, с тех пор тот был готов на все ради нее. Даже в завещании позаботился о том, чтобы оставленное дочери наследство не стало собственностью ее будущего супруга.

– Как вышло, что ты упала с коня? Ты приехала одна? Почему не в карете? – принялся расспрашивать Себастьян.

– Ах, это долгая история! – отмахнулась баронесса. – Конечно же я отправилась в путь в карете, но та сломалась по дороге. Мне пришлось добираться верхом, вместе с моим телохранителем.

– У тебя появился телохранитель? – с недоумением уточнил владелец замка.

– Не могла же я пуститься в опасное путешествие, не позаботившись о своей жизни! Столько злодеев развелось! Так и норовят ограбить, убить и обесчестить незащищенную женщину!

– Ты хотела сказать «обесчестить и убить»?

– Я бы предпочла наоборот! – Виенну передернуло. – Ведь мертвое тело уже ничего не чувствует.

– Что за ужасы ты говоришь! – поморщился герцог.

– Ты же не выкинешь меня на улицу?

– Нет. Обещаю, – заверил он. – Пока ты нездорова, можешь оставаться в замке. Но, пожалуйста, не рассказывай моей супруге и всем, кто здесь живет, о наших прежних отношениях. Мне жаль, что разочаровал тебя, но, поверь, стань мы супругами, едва ли наша семейная жизнь оказалась бы долгой и счастливой.

– Как знать, как знать... – вздохнула баронесса, входя в роль мудрой и понимающей женщины. – Но неужели придется спать на диване? Мне даже не предоставят достойную моего происхождения спальню? Еще мне нужна личная горничная! Моей камеристке пришлось вернуться обратно из-за сломавшейся кареты!

– Я распоряжусь, чтобы приготовили уютную комнату, но, боюсь, только завтра, эту ночь тебе придется провести здесь. Горничную пришлю незамедлительно. Одна из девушек разбирается в народной медицине. А что твой телохранитель? Он может ночевать со слугами?

– Пожалуй, – пробормотала Виенна, снова размышляя над тем, как бы устроить жене герцога адюльтер. – Но пусть с ним обращаются соответствующим образом. Он воин, а не конюх!

– Я это учту. А сейчас – доброй ночи! Если ты не сможешь утром выйти к завтраку, еду принесут в комнату, – добавил собеседник, направляясь к двери.

– И ты не поцелуешь меня?

Себастьян со вздохом обернулся.

– Прости! Я совсем запамятовала, что... Ах, сейчас я действительно понимаю, как горька судьба моей дорогой подруги Иларии!

– Но ведь король холостяк.

– Ты не слышал? У него появилась невеста. Нашей королевой будет уроженка Хальфдана!

– Интересно. Что ж, поговорим завтра. Ты расскажешь мне все придворные новости. А сейчас уже очень поздно.

– Ты идешь к ней? – обиженно надула губы баронесса.

– Нет. Ей тоже нужно отдохнуть. Вы обе проделали долгий путь.

«Слишком долгий, – подумала Виенна, когда герцог де Россо вышел из комнаты, и попыталась перевернуться на бок, но нога заболела сильнее. – Как бы в самом деле не охрометь... Тогда Себастьян со мной до конца жизни не расплатится».

Когда пришла сведущая в лекарственных травах и народном целительстве горничная, выяснилось, что у баронессы всего лишь сильный ушиб, так что хромота ей не грозит. Поскольку сменной одежды у Виенны не имелось, пришлось переодеться в чистую сорочку прислуги, сшитую из грубого домотканого полотна, а ее собственное платье и белье унесли, чтобы постирать. Такого позора ей еще переживать не приходилось, и счет ущерба, нанесенного герцогом, изрядно пополнился.

Глава 12

Перед тем как покинуть комнату, я подошла к окну, чтобы взглянуть на открывающийся из него вид. У меня перехватило дыхание от ощущения того, насколько удивителен и огромен мир, в котором протекает моя жизнь. Передо мной простирались леса и равнины, вдали почти сливались с небом горные пики. Дикая первозданная природа. Одиночество и свобода.

Но, напомнила я себе, здесь, в замке, дело обстоит не совсем так. Он полон людей. Сам герцог, его бабушка, друг-колдун из Хальфдана, а еще – целый штат прислуги. И я сама. И баронесса, которую герцог едва ли выпроводил прочь в столь позднее время.

Когда я вышла из комнаты, гадая, не заблужусь ли в замке, первым делом наткнулась на одну из вчерашних горничных.

– Вы уже проснулись, ваша светлость! – поклонившись, воскликнула она. – В столовой накрывают к завтраку. Вас проводить?

– Хорошо, – согласилась я, надеясь, что скоро привыкну к тому, как ко мне здесь обращаются.

Девушка не только превосходно ориентировалась в хитросплетениях замковых коридоров, но и была на редкость говорливой. В обители подобную склонность к пустословию наверняка осудили бы, но для меня болтушка оказалась настоящей находкой. Шагая за ней, я вслушивалась в ее речи, из которых немало узнала о тех, с кем мне в самое ближайшее время предстояло познакомиться.

– Бабушка герцога очень сурова, – жаловалась прислуга. – Чуть что не по-ейному, сразу замечает. И смотрит так, словно заморозить хочет одним взглядом!

– Сколько ей лет? – полюбопытствовала я.

– Много. Никто точно не знает. Может, даже она сама, – хихикнула в кулачок девушка.

– А что ты скажешь про друга герцога де Россо?

– Господин колдун? О, он ужасно хорош собой! – мечтательно протянула служанка. – Красив ненашенской красотой, просто загляденье. А особенно хорош, когда они с хозяином тренируются, а мы тайком подглядываем. Ой! – спохватилась собеседница и боязливо посмотрела в мою сторону. – Пожалуйста, не выдавайте меня! Я вам и так уже много лишнего наговорила!

– Не бойся, не выдам, – заверила ее. – Я ведь никого, кроме герцога и

его поверенного, здесь пока не знаю. А потому эти сведения очень для меня важны.

– Спасибо, ваша светлость, – разулыбалась горничная, отчего ее круглое румяное личико похорошело, а на щеках появились ямочки. – Вы очень добры. Не то что эта... баронесса... – добавила с досадой.

– Вы знаете, кто она такая и зачем приехала? – поинтересовалась я.

– Ну... – смущенно протянула девушка, комкая подол фартука. – Мы-то, конечно, догадываемся. Бесстыжая женщина, вот она кто!

– Бесстыжая? – удивилась я характеристике.

– А как еще назвать особу, которая просит женатого человека поцеловать ее перед сном? Ой-ой-ой! – воскликнула служанка, потупила взгляд и хлопнула себя по щеке. – Снова я не то сказала!

Услышав это, я остановилась от неожиданности и тронула ее за плечо.

– Расскажи поподробнее.

– Мы подслушивали под дверью, когда она говорила с нашим господином. Совсем чуточку! Да и слышали-то не все.

– И она... она попросила ее поцеловать? – Мой голос звучал, словно чужой. – А он?

– Он не стал. Точно вам говорю, – шмыгнула носом горничная. – А затем мы отскочили от двери, чтобы не попасться.

Я молча застыла на месте.

– Вы ведь понимаете, у мужчин есть свои потребности, – продолжала девушка. – Порядочные девицы – как вы – до свадьбы обычно не соглашаются их удовлетворять. Но бесстыжие, которые готовы на все, лишь пальцем помани, всегда находятся! Что толку от того, что она носит титул? Если все равно...

С губ моей собеседницы, кажется, едва не сорвалось какое-то грубое словечко, но она сдержалась. Лишь вздохнула и смахнула выступившие на лбу капельки пота. Мне вдруг подумалось, что горничная успела пострадать от женщины подобного типа – может быть, та увела у нее жениха?

– Пойдемте, ваша светлость, завтрак остынет.

Я кивнула, и мы зашагали дальше. Но теперь молча. Я обдумывала услышанное, и радости мне это известие не прибавляло. Судя по всему, Себастьяна де Россо и его нежданную гостью связывали такие отношения, которые дозволены только в супружестве. Но, если у него уже есть женщина для утех, зачем ему я?..

Разумеется, стоило спросить напрямую. Но хватит ли храбрости? Готова ли я услышать ответ?

Столовая оказалась просторным помещением с таким огромным столом, что за ним поместились бы все воспитанницы обители, еще и свободные места остались бы. Домочадцы начали собираться. Во главе стола сидел герцог, одетый чуть наряднее, чем вчера. А рядом с ним с высокомерным видом восседала пожилая женщина, которая не могла быть не кем иным, как его бабушкой. Поймав на себе внимательный взгляд, я ощутила, что мое сердце затрепетало от волнения и неприятного предчувствия – понравиться ей ой как непросто!

Ее волосы были полностью седыми, лицо покрывали морщины, но прическа оставалась изящной, осанка заставила бы устыдиться большинство наставниц из обители, а одежда и подобранные к ней явно дорогие украшения выглядели безупречно. Светлые глаза совсем не казались старыми – они смотрели ясно, прямо и твердо. А строго поджатые губы красивой формы в юности, должно быть, являлись предметом гордости их обладательницы.

– Дорогая бабушка, позвольте представить вам мою супругу, – произнес, нарушив молчание, герцог. – Ее зовут Лилиан. Лили, познакомься с моей бабушкой Ортензией де Россо.

Я сделала реверанс, стараясь не показать собственной тревоги, и, дождавшись милостивого кивка, заняла указанное мне место по другую сторону от человека, которого теперь следовало называть мужем.

– Да-да, я снова почти опоздал к завтраку! – раздался у двери чей-то веселый голос, и к нашей маленькой компании присоединился мужчина. Видимо, он и был тем самым колдуном из Хальфдана. Однако я даже после рассказов поверенного и горничной представляла его совсем иным.

Довольно молодой, высокий, жилистый. Светлые волосы до плеч, густые брови, борода и усы – темные. В глубоком вырезе рубашки виднелся висящий на груди амулет. Без других украшений тоже не обошлось – на указательном пальце левой руки кольцо с черным камнем, кожаные браслеты на руках. Или это амулеты?

– Ты представишь мне свою жену, Себастьян? – почти без акцента спросил колдун, глядя на меня с мягкой усмешкой.

– Лилиан, познакомься, мой друг Янис.

– Лилиан... – повторил он, будто пробуя мое имя на вкус. – наших девушек тоже порой так называют. Как вам замок?

– Пока я почти ничего не видела, – призналась ему.

– Что же ты не устроил супруге экскурсию? – поддразнил колдун герцога.

– Вчера было слишком поздно для прогулок по замку, но сегодня я

непременно исправлю это упущение.

– А где же еще одна твоя гостья?

– Думаю, она позавтракает в своей комнате...

Однако в следующее мгновение снова открылась дверь, и незнакомый мужчина внес на руках женщину. В полном молчании он проследовал к накрытому столу и усадил ее за него, словно большую куклу. Лишь затем поклонился. Я во все глаза смотрела на них, понимая, что вижу перед собой ту самую баронессу, о которой сегодня успела услышать отнюдь не лестные вещи.

Наверняка старше меня, но довольно молодая. Очень светлая кожа, стройная фигура с перетянутой тонкой талией, отчего женщина напоминала осу, длинные волосы цвета льна, тонкие брови, надменный взгляд, полные алые губы. Даже в простой одежде она оставалась воплощением настоящей аристократки.

Такой, какой мне никогда не стать.

– Позвольте представить вам баронессу Виенну де Кастеллано, – проговорил герцог, как мне показалось, без особого удовольствия.

Я перевела взгляд с гостьи на собственного супруга и невольно представила их вместе. Должно быть, они считались красивой парой. Так почему же герцог не женился на ней?..

– Аларик, – представила своего сопровождающего баронесса. – Мой телохранитель. Можешь идти, но не забудь вернуться за мной позже, когда я захочу отдохнуть у себя, – сказала она мужчине. – Я ведь не смогу дойти сама. Ах, знали бы вы, до чего страшно падать с высоты!

Телохранитель поклонился и вышел. Крупный, небрежно одетый, он смотрелся несколько чужеродно в роскошно обставленной столовой. Однако в его взгляде светились ум и наблюдательность, да и неловкости в присутствии высокородных господ он явно не чувствовал.

– Кажется, вы прибыли в наш замок без приглашения, – заметила Ортензия де Россо. Голос ее напоминал звон надтреснутого хрусталя. – Во всяком случае, мой внук не предупреждал о том, что должен приехать кто-то еще.

– Так вышло, – холодно отозвалась баронесса де Кастеллано. Точно две острые шпаги скрестились в обычном светском разговоре, и воздух задрожал от стремительных движений сошедшихся в поединке противниц. – У меня не было времени отправить письмо с уведомлением, что я собираюсь наведаться.

– И что же послужило причиной столь поспешного визита? – продолжила расспрашивать бабушка моего мужа.

– Это касается только нас – меня и Себастьяна.

Она назвала герцога просто, по имени, дерзко и вызывающе дав понять, что они близкие люди.

– Что ж, приступим к трапезе, – стараясь сгладить возникшую неловкость, произнес хозяин замка и первым придвинул к себе столовые приборы.

Завтрак оказался не менее разнообразным и сытным, чем вчерашний поздний ужин, но я не ощущала никакого аппетита. В обители по утрам обычно подавали миску каши с кусочком сливочного масла, ломоть ржаного хлеба и чай. Поэтому изобилие пугало. Казалось, что я никогда к нему не привыкну – даже если, как можно было предположить, проведу здесь остаток жизни.

– Вам не по душе угощение? – поинтересовался у меня колдун, а я помотала головой в ответ. – Или вы боитесь располнеть? Напрасно – некоторая округлость, на мой взгляд, пойдет вам на пользу.

Я едва не подавилась глотком воды, услышав его слова. Округлость? Что за намеки?

Да если бы нас в обители так кормили, я бы сейчас в двери не пролезла!

Подметив мое замешательство, колдун негромко рассмеялся. Так, словно не только герцогу, но и мне самой приходился добрым другом. Неожиданно я поймала себя на том, что начинаю испытывать к нему симпатию.

– Не будьте так скованны. Дайте себе свободу и смело шагайте в новую жизнь. Ведь здесь теперь ваш дом.

Глава 13

Когда завтрак подошел к концу и все начали расходиться, бабушка герцога величественным жестом остановила меня, не позволила встать из-за стола и дала понять, что просит – или приказывает? – задержаться. Подождав, пока все выйдут и мы останемся наедине, она повернулась ко мне. От ее пристального взгляда стало не по себе. Казалось, что Ортензия де Россо видит меня насквозь. И оценивает, как выставленный в витрине лавки товар.

– Так вот, значит, какова жена моего внука, – пробормотала пожилая женщина, словно разговаривала сама с собой. – Что ж... Могло быть и хуже.

Я проглотила обиду, но во рту стало нестерпимо горько, а пальцы сами по себе сжались в кулаки. Можно подумать, что я напрашивалась и желала выйти замуж за ее драгоценного внука! Да моего согласия на брак даже не спросили!

– Не думай, что станешь здесь хозяйкой. Пока я жива, этого не будет. Тебе ясно?

Вскинув голову, я ответила собеседнице открытым взглядом. Не очень-то и хотелось! И чтобы мне провалиться под землю, если однажды я стану такой же, как она!

Разумеется, этих слов я не сказала, хотя они рвались с языка.

– Я поняла вас, – ответила тихо. – Вы здесь хозяйка. Теперь мне можно идти?

– Кажется, ты себе на уме, – заключила Ортензия де Россо. – Однако я ничего не имею против, если ты станешь присматриваться и учиться. Ведь рано или поздно тебе все же придется занять мое место.

– А матери вашего внука вы говорили то же самое? – решила поинтересоваться я.

– Ей пришлось еще хуже, – усмехнулась герцогиня. – Но бедняжка не слишком-то стремилась потеснить меня. И подарила нашему роду наследника, хоть и не с первой попытки.

– Вы ждете того же и от меня?

– Само собой. Род де Россо не должен угаснуть. Если ты не сможешь стать матерью, лишишься права быть супругой Себастьяна.

Как у нее все просто! Обязанность жены – произвести на свет ребенка! Больше та ничем не ценна. По сравнению с рассуждениями бабушки

вчерашие слова внука о женском образовании показались мне лучшим комплиментом. Ведь он хотя бы рассуждал обо мне как о личности, достойной представления ко двору, а не как о племенной кобыле.

– Ступай! – отмахнулась собеседница, поскольку я ничего не сказала в ответ. – Но знай, что я буду за тобой наблюдать. И взвешивать на самых строгих весах каждый твой поступок.

– Как пожелаете, – отозвалась я, поднялась, сделала реверанс и покинула столовую.

Оказавшись в коридоре, повертела головой, пытаюсь определить, куда же теперь идти, чтобы вернуться в свою комнату. Как назло, прислуга разбежалась – должно быть, спасалась от гнева Ортензии. Я сделала несколько шагов, свернула за угол и... почти столкнулась с Себастьяном де Россо.

Вчера я видела его довольно близко, но тогда горели свечи, а сегодня сквозь стрельчатые окна галереи, в которой мы оказались, пробивался яркий дневной свет. Он позволял рассмотреть герцога во всех подробностях, и я пришла к выводу, что грех этим не воспользоваться. И не отвела взгляда. Однако несколькими мгновениями позже, осознав, что слишком уж долго гляжу на четко очерченные губы супруга, все же опустила глаза. Прежде, чем начала фантазировать, что бы я почувствовала, если бы ему вздумалось меня поцеловать.

– Надеюсь, моя бабушка не слишком испортила вам настроение перед обещанной экскурсией по замку?

– Не сказала бы. Хм... Вы даже не сомневаетесь в том, что я не услышала от нее ничего, приятного для себя?

– Просто я знаю свою бабушку. Так как? Вы в настроении прогуляться по замку?

– А можно с вами?

Услышав незнакомый звонкий голос, я с удивлением заметила выглядывающего из-за спины Себастьяна мальчика лет девяти или немногим младше. Кудрявый и смуглый, он с любопытством смотрел на меня живыми темными глазами.

– Луиджи! – донесся окрик, и следом появилась экономка. – Непослушник, опять своевольничаешь! Прошу прощения, если он вас побеспокоил! – с поклоном обратилась женщина ко мне и к хозяину.

– Ничего страшного, – отозвался герцог, и я с изумлением увидела, что он улыбается. – Я ведь сам разрешил ему остаться в замке. Но на прогулку мы, с твоего позволения, все же пойдем вдвоем, – сказал он мальчугану.

– Внук мой, – пояснила экономка. – Младшенький. Родители его и

старшие дети в городе, все работают, а за ним присмотр нужен.

– Будем знакомы, Луиджи, – поприветствовала я мальчишку, отметив, что у него очень красивое имя, да и сам он в будущем, когда подрастет, обещал стать настоящим красавцем.

– Пойдем, поможешь кухарке лепить пирожки! – поторопила женщина внука.

– Как настоящий поваренок? А колпак мне дадут? А начинку доесть позволят? – затормошил ее мальчишка.

Себастьян де Россо, глядя им вслед, негромко вздохнул, и мне вдруг подумалось, что от своей бабушки он подобной ласки даже в раннем детстве не видел. Да, несомненно, она весьма ценила его как наследника и продолжателя рода, но едва ли вот так же беззлобно журила, трепала по волосам и крепко обнимала, не боясь измять платье. А матери герцога, как сказал в дороге поверенный, уже давно не было в живых, поэтому я сомневалась, что сыну выпало счастье провести с ней долгие годы.

Эта мысль неожиданно заставила меня ощутить некоторое душевное родство с человеком, ставшим моим мужем. Ведь я не помнила своих родных, а наставницы в обители не смогли их заменить. Сейчас я невольно завидовала маленькому Луиджи, у которого были и отец, и мать, и старшие братья с сестрами, и добрая бабушка, и огонь в камине, что светит ярче путеводной звезды.

– Пойдемте, – взглянул на меня герцог, протянул руку, и я, чуть помедлив, вложила в нее свою ладонь.

Виенна вернулась в отведенную ей комнату в сопровождении наемника, ставшего не только ее телохранителем, но и персональным носильщиком, и с удобством расположилась на мягких подушках.

– Не уходи! – приказала баронесса, заметив, что Аларик повернулся к двери.

– А вам не кажется, что вы рановато начали обращаться со мной как со слугой? – отозвался он, и Виенна поморщилась от такой дерзости. Но наемник ей еще был нужен. Кроме него в этом замке у баронессы своих людей не имелось.

– Однако не просто так. Я щедро заплачу тебе за услуги. Конечно, если результат меня устроит.

– И какой же результат вам нужен?

– Хочу, чтобы Себастьян де Россо развелся с женой.

– Вот оно что! – присвистнул собеседник. – Но разводы случаются редко – обычно людям как-то удается притерпеться друг к другу. Что же вы намерены предпринять, чтобы добиться своей цели?

– Я постараюсь повлиять на герцога. Убедить его, чтобы не торопился с консуммацией брака. Объясню это заботой о его юной жене и выводами, продиктованными жизненным опытом.

– И большой опыт? – выгнул бровь наемник.

– Кроме того, мне нужна твоя помощь, – продолжала Виенна, не обращая внимания на колкости. – Себастьян должен убедиться в неверности жены. После этого у него не останется выбора, он ее прогонит, а я... я его милостиво утешу.

– Думаете, супруга ему изменит? Серьезно? Но с кем?

– С тобой! – припечатала баронесса. – Мог бы и раньше догадаться, к чему я клоню! Уж такое-то дело для тебя должно быть попроще, чем убийство!

– Я не беру женщин силой.

– Кто говорит о насилии? – фыркнула Виенна. – Ты должен ее соблазнить. Поторопись сорвать вьюнок, пока законный владелец не подсуетился!

– Увы, эта девица не в моем вкусе. Мне нравятся женщины... в теле, – заметил Аларик, изобразив руками фигуру дамы своей мечты. – А она щупленькая, точно куренок недокормленный.

– Тебе из нее не обед готовить! – отрезала баронесса. – Одного раза вполне достаточно. Опозоришь ее в глазах мужа и его бабки, а затем можешь отправляться к своим дебелим матронам!

– Но что будет с ней после развода?

– Мне-то какое дело? Вернется в свою обитель, подастся в служанки или в продажные девки. Она недурна собой, так что наверняка с легкостью подыщет покровителя, – неохотно признала красоту соперницы Виенна. – Может, даже нового супруга. Главное, что им будет не герцог, а какой-нибудь другой мужчина.

– Вы тоже можете найти себе другого. Например, среди придворных. Неужели белый свет клином сошелся на Себастьяне де Россо?

– Что бы ты понимал! – буркнула женщина раздраженно. – Большинство придворных – пустоголовые павлины! Только и знают, что крутить хвостами вокруг короля в надежде на его особое расположение. И женщины такие же, только те еще надеются попасть в его постель. Даже любопытно, сумеет ли дать им отпор будущая королева.

– Будущая королева?

– Да, северянка из Хальфдана. Стране выгоден этот брак. О любви тут речи не идет.

– Как и у герцога с его женой.

– Именно, – подтвердила баронесса. – Эта Лилиан ничего к нему не чувствует. И ничего не может ему дать. Так что, разлучив их, мы сделаем благое дело. И даже сохраним ей жизнь, когда девчонка перестанет быть для меня помехой.

– А вас не смущает, что Ортензии де Россо вы явно не приглянулись?

– Пфф! Да сколько ей жить осталось! К тому же я не собираюсь постоянно делить с ней кров, ведь мы с Себастьяном вернемся в столицу, а старая гримза останется здесь!

Аларик в ответ лишь усмехнулся. Виенна смерила собеседника взглядом, снова – на сей раз при свете дня – попыталась оценить его мужскую привлекательность. Да, грубоват. Никаких изысканных манер. Настоящий мужлан. Самое то для особы низкого сословия, которой наверняка является навязанная герцогу жена. Тот дал понять, что не стремился к браку с ней, так что будет рад, когда освободится от этой обузы.

Себастьян разведется, и все вернется на круги своя. Жаркие ночи, ласкающий разгоряченные тела шелк простыней, охлажденное вино, смешанное со вкусом поцелуев. С возлюбленным баронесса будет по-прежнему притворяться нежной, утонченной, полной обаяния женщиной и, может быть, однажды даже станет такой в действительности.

А их свадьба будет отличаться от ее первого бракосочетания, как ясный день от темной ночи. Тогда Виенна боялась грядущего, ведь ее отдавали совершенно чужому человеку. Сейчас все иначе.

На пути к цели оставалась самая малость – надо было избавиться от досаждающей ей персоны, которая недостойна ни фамилии де Россо, ни любви герцога.

Глава 14

Экскурсия по герцогскому замку началась с первого этажа. Недалеко от столовой располагался огромный бальный зал. Сейчас, когда нас было всего двое, он казался особенно большим. И пугающе пустым. Дневной свет заливал его, безжалостно высвечивая каждую трещинку на гладком паркете, по которому наверняка когда-то скользили, танцуя, приехавшие в замок гости.

Может быть, даже королевских кровей.

– Я не слишком-то люблю балы, – произнес Себастьян де Россо, вторя моим собственным мыслям. – Мне их и в столице хватает. Вы умеете танцевать?

– Нет, – призналась я, опустив глаза. Что поделать, если настоятельница не посчитала нужным обучать нас столь фривольному искусству? Должно быть, танцы казались ей чем-то неприличным.

– Что ж, до представления ко двору у вас есть время, чтобы научиться, – мягко произнес супруг.

– Здесь? – выдохнула я.

– А почему нет? Музыкальные инструменты в замке имеются, люди, умеющие на них играть, тоже найдутся. Да ведь начать можно вообще без музыки.

– Согласна. Но... не прямо сейчас? – вдруг усомнилась я. – Может быть, позже...

– На сегодня у нас другие планы. Пойдемте, – потянул он меня к выходу. – Однажды вы станете здесь хозяйкой, но сначала вам нужно поближе познакомиться и с самим замком, и с его обитателями.

При мысли о более близком знакомстве с Ортензией де Россо я поежилась. Бабушка моего мужа ясно дала понять, что не намерена считать мою кандидатуру достойной выпавшего по воле судьбы жребия, а также – что не потерпит соперничества с моей стороны. Да, передать мне управление хозяйством она собиралась, но когда-нибудь в далеком будущем.

Судя по всему, лишь после того как я докажу, что имею право считаться женой герцога де Россо.

После того, как на свет появится новый наследник.

Я представила себе мать герцога. По словам поверенного, она не отличалась крепким здоровьем, и рожденные ею дети быстро покинули

этот мир. Выжил только Себастьян. Должно быть, она очень сильно боялась за него. Особенно если Ортензия постоянно напоминала ей, в чем состоит первейшая обязанность жены продолжателя рода.

– О чем вы задумались? – поинтересовался герцог.

Я рассеянно обернулась, чтобы еще раз взглянуть на бальный зал, и мне вдруг захотелось, чтобы в нем снова, как в прежние времена, зазвучала музыка.

– Ни о чем и обо всем сразу. А можно спросить? Почему вы обращаетесь ко мне так... официально?

– Потому что мы еще недостаточно знаем друг друга.

Я смотрела на герцога и не знала, что ответить. С одной стороны, была полностью согласна, и все же... Ведь по бумагам мы уже супруги, а на самом деле – двое незнакомцев, которые пока не смогли преодолеть чувство неловкости.

Так что же происходит между нами? И возможно ли, чтобы эти замешательство, неуверенность в каждом шаге и каждом слове однажды переросли в нечто другое? Или мы так и останемся чужими?..

– Хотите взглянуть на кухню, кладовую, прачечную?

Мне снова представилось недовольное лицо герцогской бабушки. Что бы она сказала? «Только не смей, пока я жива, заводить тут свои порядки»?

– Да, – ответила тихо.

При осмотре хозяйственных помещений я познакомилась и с другими слугами, которые постоянно работали в замке. Все они кланялись мне и смотрели с живейшим любопытством. Снова встретился Луиджи. С лицом, перемазанным в муке, он торговался с дородной поварихой, желая получить не только остатки начинки, но и крохотный сладкий пирожок в награду за помощь на кухне. Женщина смотрела на мальчика строго, но не сердито.

– Смышленный парнишка, – заметила я, когда мы с герцогом покинули жаркую кухню.

– Да, – согласился он. – Ему бы грамоте выучиться. Думаю, осилил бы.

Я робко взглянула на собеседника, обдумывая пришедшую в голову мысль, которую все же решилась озвучить:

– Если вы позволите, я могла бы с ним позаниматься.

– Неплохая идея. Полагаю, самого Луиджи эта новость обрадует. И его бабушку тоже.

– Так вы не против?

– А почему я должен возражать? Вам ведь нужно найти себе занятие по душе. Не проводить же все время за вышиванием!

– Я еще и читать люблю, – заметила в ответ.

– Тогда вам должна прийти по вкусу библиотека.

За этим разговором мы поднялись на второй этаж. На лестнице встретился поверенный. Я с опозданием вспомнила, что он не присутствовал за завтраком.

– Добрый день! – поприветствовал меня недавний спутник. – Осваиваетесь? Как вам замок?

– Пока все, что видела, мне нравится, – призналась я. – Вы еще задержитесь здесь? Или уже уезжаете?

– Мне придется на какое-то время покинуть вас, но я вернусь, – заверил он.

«Интересно, а когда уедет баронесса? – подумалось мне. – С виду она весьма бодр. Похоже, падение с коня не очень-то ей навредило».

Поверенный и герцог обменялись несколькими словами. Я покосилась на них, размышляя, задать ли Себастьяну вопрос о его отношениях с Виенной де Кастеллано. Подтвердил бы он, глядя мне в глаза, то, что я успела услышать от болтливой горничной?

Если мой супруг и баронесса в действительности настолько близки, почему он не сделал ей предложение? Я не сомневалась, что та не отказала бы. Ведь примчалась же она в замок, судя по вчерашнему удивлению герцога, без всякого приглашения!

И в самом-то деле – до чего бесстыжая женщина!

Поверенный откланялся, и мы продолжили ознакомительную прогулку.

Вопрос о баронессе де Кастеллано так и вертелся на языке, но я молчала, обдумывая, что делать. Не хотелось разрывать тоненькую ниточку доверия, которая протянулась между мной и герцогом. Может быть, если он не взял Виенну в жены, она не так уж и дорога ему? Из слов горничной я могла сделать вывод, что мужчины не слишком уважают особ, которые соглашаются на близкие отношения вне брака. И едва ли это одобрила бы Ортензия де Россо.

Неприятно царапнула мысль – если в таких отношениях участвуют двое, отчего виновной всегда оказывается женщина? Даже если она действительно совершила большую ошибку, почему должна отвечать за нее одна? А если от таких связей появляются дети? Незаконнорожденные, бастарды... Их удел горек, особенно в тех случаях, когда от них отворачиваются и отцы, и матери. О таком я слышала, живя в обители. Громко подобные разговоры не велись, однако порой появлявшиеся там новые воспитанницы кое-что рассказывали о жизни за стенами, за

которыми нас держали, не позволяя сталкиваться с большим миром.

Однако, несмотря на серьезные аргументы, пожалуй баронессу почему-то не получалось. Вспоминались ее пренебрежительные взгляды, дерзость, которую она проявила в разговоре с бабушкой Себастьяна. Если Виенна де Кастеллано в самом деле любит герцога, то почему не смогла принять его выбор и отпустить? Ведь она знатная особа и наверняка довольно богата. Так неужели же не может найти себе другого человека по душе?

А как бы я сама поступила на ее месте?..

Задав себе такой вопрос, я вздрогнула и бросила быстрый взгляд на идущего рядом молодого красивого мужчину. Что бы сделала я, если бы считала его своим, но потеряла? Неужели я повела бы себя так же, как баронесса?

– Вы снова о чем-то задумались, – проговорил герцог, и я постаралась взять себя в руки и отогнать тревожащие мысли.

– О том, как сильно изменилась теперь моя жизнь.

– Вас это пугает?

– Обстоятельства могли бы сложиться и хуже, не правда ли?

– Поверенный рассказал, что по дороге вы расспрашивали его о возможных причинах для развода.

Я нахмурилась. Кто бы мог подумать, что он выдаст меня герцогу?! И когда только успел?

– Хочу, чтобы вы знали, Лилиан. Я женился не для того, чтобы разводиться. Но запираť молодую жену в четырех стенах не намерен. Мы непременно поедem в столицу, вас представят королю. Пожалуй, даже отправимся вместе в долгое путешествие – Янис давно приглашает меня в Хальфдан.

– А как же баронесса?

Я пожалела, что вопрос сорвался с губ, но теперь оставалось только ждать ответа на него.

– Баронесса? – переспросил Себастьян. – Я виноват перед ней, потому что... Впрочем, вам о таких вещах знать ни к чему. Запомните лишь, что разорвать наш брак Виенна де Кастеллано при всем желании не сможет. Ни она, ни кто-либо другой.

– Даже если учесть, что пока он существует лишь на бумаге?

– Это ненадолго.

Не найдя, что ответить, я промолчала и с облегчением вздохнула, когда наше уединение нарушили. Хлопнула дверь, появился мужчина, которого баронесса представила как своего телохранителя. Его вид отчего-то пугал,

но сейчас я обрадовалась даже ему.

– Простите, что помешал вашему разговору, – поклонившись, сказал он и хотел пройти мимо, но герцог его остановил:

– Не припомню, чтобы мы встречались раньше в доме Виенны де Кастеллано.

– Верно, – отозвался мужчина. – Король Арнальдо нанял меня проводить ее в замок. А потом уже сама госпожа изволила пожелать, чтобы я оставался с ней, покуда она не вернется в столицу.

– Вот как? – сделал какие-то выводы Себастьян. – Похоже на Виенну. Надеюсь, с вами достаточно гостеприимны?

– Всем доволен, благодарствую.

– Что ж, можете быть свободны.

Я поймала изучающий взгляд телохранителя баронессы, брошенный в мою сторону, и поежилась. Вдруг подумала, что он лишь притворяется простым человеком, вынужденным служить сильным мира сего, чтобы заработать на пропитание. Должно быть, тревоги последнего времени вкупе с недавними предупреждениями поверенного заставили мою фантазию разыгаться.

Следующее довольно странное ощущение настигло почти сразу же. Мы прошли еще немного, герцог толкнул тяжелую дубовую дверь, я вслед за ним шагнула в библиотеку. И... застыла на месте от смутного чувства, что уже бывала здесь прежде. Слишком знакомо все выглядело. Даже огромная картина с изображением горящего маяка в бушующем море казалась знакомой, точно я когда-то стояла перед ней, с интересом и восхищением рассматривая широкие мазки, переливы красок, очертания сложенных из грубого камня стен башни и зыбкий свет, что ложился на пенные гребни волн, освещая путь кораблям.

Я уже была здесь? Но как такое могло случиться? Ведь замок слишком далеко от обители. А от того места, где меня нашли? Увы, я даже не помнила, в какой части страны оно находилось...

Глава 15

– Давно здесь эта картина?

– Сколько себя помню, – пожав плечами, ответил герцог. – В детстве очень любил смотреть на нее. Тогда мне хотелось стать моряком.

– И даже буря не пугала? – не отрываясь от полотна, спросила я и скорее почувствовала, чем заметила, что собеседник подошел чуть ближе.

– Скорее, наоборот – притягивала. Ведь вы то же самое ощущаете, когда смотрите? – прозвучал его голос над самым ухом. – Словно, если немного задержаться перед картиной, можно отыскать способ очутиться внутри ее?

– Лучше не надо, – отозвалась я, гадая, отчего работа неизвестного художника кажется мне настолько знакомой. – Вдруг вы угодите прямоком в воду? А в такую погоду, как там, это верный путь к гибели.

– Серьезный аргумент. Но это моя детская мечта. А разве мечта непременно должна быть разумной?

– Вероятно, нет.

– А о чем в детстве мечтали вы?

Вопрос повис в воздухе. Я молчала, чувствуя, как глаза наполняются слезами. Моя детская мечта – о доме, о возвращении памяти, о том, чтобы обрести близких – так и не осуществилась. Я смирилась с жизнью в обители, понимая, что мне выпал не худший вариант из возможных. Но в глубине души продолжала тосковать по тому, чего так и не смогла найти.

Стыдясь и злясь на себя за невольное проявление слабости, опустила голову, надеясь, что мои слезы останутся незамеченными, но скрыть их не удалось. На плечи мягко, уверенно легли мужские ладони. Герцог де Россо развернул меня к себе и провел ладонью по моей щеке, стирая капельки соленой влаги. Я зажмурилась, чтобы не встретиться с ним взглядом. Все ощущения обострились, и я с изумлением поняла, что прикосновения нежеланного супруга не кажутся мне неприятными.

Негромкий скрип приоткрывающейся двери застал врасплох нас обоих. Я распахнула глаза и увидела Яниса, который, насвистывая какой-то веселый мотив, вошел в библиотеку. Похоже, он тоже не ожидал кого-то здесь увидеть, потому что замер на пороге, переводя взгляд с меня на герцога.

– Простите, если помешал, – наконец нарушил молчание вошедший. – Себастьян, неужели ты довел жену до слез? Вы всегда можете

пожаловаться на него мне, – доверительно произнес хальфданец, одарив меня широкой белозубой улыбкой.

– Дело не в нем, – робко сообщила я. – Просто... мы говорили о детских мечтах... И я вспомнила...

– Я понимаю, – проговорил Янис. – У каждого из нас есть воспоминания, к которым больно возвращаться. Поэтому я и предпочитаю смотреть в будущее, а не в прошлое.

– И что ты там видишь? – усмехнулся в ответ герцог.

– Столицу. Я слышал, она может похвастаться шедеврами архитектуры. Ты ведь возьмешь меня туда или... поездка станет вашим медовым месяцем, а я окажусь третьим лишним?

– Не говори глупостей. – Себастьян де Россо подхватил непринужденный тон северянина. – Разве друзья могут стать лишними?

– Ну, смотря о чем идет речь, – хмыкнул собеседник. – В некоторых делах лучше обойтись без присутствия лишних, даже лучшего друга. А с кем дружите вы? – поинтересовался он у меня.

– Мои подруги остались в обители, но мне хотелось бы писать им письма.

– Хорошая идея, – одобрил герцог. – Но отправлять их удобнее из столицы. Быстрее дойдут.

Я с облегчением вздохнула – отчего-то боялась, что мне запретят поддерживать связь с Аньеллой и другими девушками. Писать я решила на ее имя. Она сможет передавать от меня приветы остальным, и, надеюсь, отвечать тоже будет вовремя.

А если и Аньелла скоро выйдет замуж?..

«Напишу ей, что не все так ужасно, как представлялось, – подумала я, с благодарностью взглянув на мужа и его друга. – Расскажу, в каком большом замке я теперь живу. Не забыть бы упомянуть про Луиджи, наставницей которого собираюсь стать».

Вдруг вспомнилось, как девушки спорили, каким окажется герцог. Нужно обязательно написать, что он на редкость хорош собой. Пусть позавидуют!

– Кажется, мне удалось поднять вам настроение, – заметил мою улыбку северянин.

– Эй, не приписывай себе все заслуги! – притворно возмутился Себастьян.

Эти двое с юношеским задором подшучивали друг над другом и напоминали беззаботных мальчишек вроде Луиджи, даже не верилось, что один из них герцог из славного древнего рода, а второй настоящий колдун.

Сейчас я действительно поверила в то, что для моего супруга не так важно социальное происхождение, как личность человека. А еще стало любопытно, где и при каких обстоятельствах они познакомились.

Я решила как-нибудь об этом спросить, а пока, оставив их продолжать беседу, отправилась смотреть библиотеку. А поглядеть здесь было на что. Должно быть, не только Себастьян де Россо, но и его предки ценили силу образования и науки. Иначе для чего они стали бы отводить под библиотеку такое большое помещение, оборудовать его добротными деревянными шкафами и заполнять их книгами? Здесь имелись и старые рукописные, и печатные, некоторые были совсем новенькие. Даже пахло от них по-особенному. Пальцы зачесались от жгучего желания полистать страницы.

Виенна злилась. На замок, где ей приходилось, как нищенке, второй день подряд ходить в одном и том же платье – хорошо еще, что постиранном! На герцога де Россо, который не торопился навестить ее и поговорить, как обещал ночью. А больше всего на Аларика, который так и не ответил согласием на ее идею обольстить и склонить наглую девку к супружеской измене, а ведь ключевая роль в этом деле отводилась именно наемнику. Просто зла на него не хватало!

Поборов желание бросить в спину уходящему мужчине одну из подушек, баронесса стиснула кулаки и отвернулась к окну. С кровати, на которой она лежала, разглядеть открывающийся из окна вид не получалось. Подняться бы на ноги... но если кто-нибудь войдет и увидит, что она уже может ходить самостоятельно...

Невольно вспомнилось лицо новоявленной жены Себастьяна. Робкий взгляд, хлопанье длинными ресничками, нежный голосок. Эдакая невинная пташечка. Вот только не так она проста, как хочет показаться. Притворяется паинькой, а дай слабинку, мигом выпустит когти и оскалит зубы.

Приближалось время обеда, а к Виенне так никто и не пришел. Даже приставленная к баронессе горничная где-то прохлаждалась. Заявилась эта нахальная особа лишь через несколько долгих часов, в течение которых гостя успела забыться беспокойным дневным сном.

– Я принесла вам обед, госпожа, – проговорила негодяйка, звеня посудой.

– Но я собиралась пообедать в столовой, вместе с остальными! – возмутилась Виенна.

– Простите, но... – смутилась та. – Мне велели доставить еду в вашу комнату. Хозяйка не желает, чтобы вы трапезничали с членами семьи и

другими гостями.

– Хозяйка?! Которая? Не новая ли?

– О нет! Госпожа Ортензия. Видимо, вы ей перечили, вот и...

– Поговори мне еще! Вон отсюда! – выкрикнула баронесса. – И пришли ко мне моего телохранителя!

Горничная мышкой юркнула за дверь, оставив поднос на прикроватном столике. Принесенные кушанья выглядели и пахли довольно соблазнительно, но от услышанного аппетит пропал. Мерзкая бабка! Не понравилось, видите ли, что Виенна ей в рот не заглядывала. Так ведь она тоже не из простых и не обязана пресмыкаться перед древней, как мумия, старушенцией, которой давно пора в могилу!

– Я им такое оскорбление с рук не спущу! – пробормотала себе под нос баронесса и стукнула по стене. Руке стало больно, а на душе ничуть не полегчало. Должно быть, если бы у злости существовал вкус, он был бы кислым с примесью горечи.

Аларик, будто почуяв, что гнев нанимательницы достиг предела, не заставил себя ждать. Вошел и встал у двери, сложив руки на широкой груди. Покоился на уставленный посудой поднос.

– Я, к вашему сведению, тоже собирался перекусить, – заметил он.

– Малость поголодать, говорят, полезно, – буркнула Виенна. – Что ты надумал? Как насчет того, чтобы обговорить оплату? Однако учти – авансов я не выдаю! Без них больше стимулов как следует постараться!

– Мои услуги стоят дорого, – заметил наемник.

– Если результат меня удовлетворит, я не поскуплюсь, – посулила баронесса.

– Может быть, вы все-таки одумаетесь? Вернетесь в столицу, заживете так, будто герцога де Россо не было в вашей жизни, и не станете вредить девочке, которая ни в чем перед вами не провинилась?

– Ни в чем?! Да меня еще никогда так не унижали! Ты что, в священнослужители решил податься, если вздумал учить меня всепрощению? Несусветные глупости! В жизни всегда нужно кусать первым, чтобы не укусили тебя!

– Не вы ли недавно что-то говорили о любви?

– Любовь! – фыркнула Виенна. – Любовь – та же война! Стоит зазеваться, и тебя уже сбросили с шахматной доски!

– Так все же война или игра?

– Какая разница? Тебе все равно не понять! Пока Себастьян не успел привязаться к девчонке, нужно от нее избавиться! Пусть он увидит, кого ввел в свой дом! А развод в наше время – не такая уж сложная процедура,

особенно если под рукой есть опытный поверенный.

– Ваш обед стынет, – напомнил Аларик. Баронесса раздраженно мотнула головой, давая понять, что не собирается есть в одиночку, словно пленница в заточении. – Тогда я, с вашего позволения...

Виенна не успела ничего сказать, а наемник уже схватил с блюда жареную куриную ножку и с аппетитом вгрызся в сочное мясо.

– Мм, – промычал он, пережевывая. – Какая вкуснятина. Повариха тут не женщина, а чудо.

– Да как ты...

– Так ведь вам кусок в горло не лезет от расстройства! И поголодать чуток, сами только что сказали, здоровью на пользу. Не пропадать же добру! Я человек простой, не побрезгую...

Баронесса поморщилась. Мужлан! Ничего общего с Себастьяном де Россо, который с такой-то бабушкой и при таком-то титуле наверняка даже в детстве не мог позволить себе подобного поведения.

Почему он сейчас преспокойно обедает с навязанной супругой, другом-варваром и противной старухой вместо того, чтобы заглянуть и составить приятную компанию Виенне?.. Несправедливо! А еще хуже, что приходится наблюдать за тем, как ее обед поедает этот грубиян.

– Напрасно вы отказались, – заявил Аларик, покончив с курятиной. Потом без малейшего интереса окинул взглядом тарелку с овощами и зеленью и сунул в рот пару кусков сыра. – Что ж, а теперь я готов поговорить о цене.

Глава 16

Экскурсия по замку продолжалась в компании Яниса. Почему-то, когда мы были вдвоем, я смущалась меньше, чем когда оставалась наедине с герцогом. Мне все еще не верилось, что он мой супруг, а огромный замок стал моим домом. Казалось, что все окружающее – яркий, необычный, но, увы, всего лишь сон, который скоро закончится, я проснусь в своей комнатке в обители, а затем побегу рассказывать о приснившемся другим девушкам.

Но сон не заканчивался – все происходило наяву.

Время обеда подошло незаметно. Мы спустились в столовую, где за накрытым столом нас уже ждала Ортензия де Россо. Казалось, рядом с ней слуги даже дышать боялись.

– Нужно сказать баронессе... – начал герцог, но его бабушка лишь покачала головой.

– Я уже приказала доставить обед к ней в комнату.

– Но баронесса де Кастеллано – наша гостья...

– Я так решила, – твердо заявила Ортензия, заранее отменяя все возможные аргументы. – Не желаю видеть эту особу за своим столом. Я ее в гости не приглашала и, насколько мне известно, ты, мой дорогой, тоже.

В словах пожилой женщины звучало презрение к Виенне, и я вспомнила все, что слышала от болтливой горничной, которая также не одобряла поведения баронессы.

– Может быть, в столице куда более свободные нравы, – продолжала Ортензия де Россо, – но у нас – другое дело. Здесь каждому известно, что, кем бы ты ни являлась, служанкой или титулованной дамой, итог один. Пав так низко, подняться уже не сможешь. Только упадешь еще ниже – если не в собственных глазах, так в чужих.

Я молчала, ощущая странную неловкость. Казалось, что хозяйка замка, говоря о другой, обращалась ко мне. Точно предупреждала. О том, что будет наблюдать за каждым моим шагом. О том, что не спустит мне ни единой ошибки.

А Себастьян? Он ведь наверняка если и не любил по-родственному, то уважал бабушку и понимал, что ее обвинения не беспочвенны. Герцогиня для него единственный родной по крови человек, поскольку родителей уже нет в живых, а со мной он впервые встретился накануне вечером. Потому – явственно читалось в словах Ортензии – в случае конфликта между нами

или моего неподобающего поведения защищать герцог станет вовсе не меня. Пока у него не имелось никакого резона вставать на мою сторону, ведь наш брак существовал лишь на бумаге.

Кроме того, не было никакой гарантии, что я стану матерью наследника рода, чем смогу укрепить свои позиции и заслужить право носить фамилию де Россо.

Даже я, выросшая в изоляции, все хорошо понимала. Да, женщин в стране немного, и позволено им куда меньше, чем мужчинам, однако это не означает, что они не могут сосредоточить в своих руках немалую власть. Ведь есть же настоятельница обители. Я никогда не видела, чтобы она перед кем-нибудь склоняла голову. Что же касалось бабушки герцога, которая железной рукой вела хозяйство, а прислугу держала в ежовых рукавицах, то ее даже поверенный, судя по всему, побаивался.

– Кажется, у вас нет аппетита, – заметил, обратившись ко мне, северянин.

– Пропал, – призналась я, отодвинув тарелку.

– Не волнуйтесь из-за баронессы. Когда она поправится, тут же уедет. Правда, велика вероятность, что вы снова увидите ее в столице.

«Не хочу», – подумала я и сама не заметила, что произнесла эти слова вслух.

– Понимаю, – с мягкой улыбкой сказал Янис и наклонился ко мне. Промелькнула мысль, что следовало бы, наверное, остерегаться этого человека, ведь он колдун, пусть я пока и не видела его за созданием чего-то волшебного. Но он не казался мне страшным. – Видите ли, мужчины устроены... по-другому. Не так, как представительницы вашего пола. Они не могут полжизни ожидать встречи с той самой единственной, ни разу за все время не прикоснувшись к женщине, которая ею не является. Такое бывает только в книжках, в дешевых романах, в реальности же... все иначе.

– Но ведь есть женщины, которые соглашаются на... на отношения, – краснея от того, что обсуждаю такие вещи с мужчиной, тихо сказала я.

– Разумеется, – не стал отрицать хальфданец. – Но мы не знаем их чувств и мотивов. Возможно, в глубине души баронесса де Кастеллано мечтает оказаться на вашем месте.

– Почему? – не сдержалась я. – Ведь у нее... У нее есть свобода. Она еще молода, богата. Сама может распоряжаться собственной судьбой, другие не решают за нее, как ей жить!

– Вам бы этого хотелось? – прищурившись, осведомился Янис. Я промолчала, осознавая, что и так уже наговорила лишнего. – Вы рассуждаете совсем как девушки из Хальфдана.

– Разве они живут не так, как наши? – удивилась я.

– Свободы у них гораздо больше. Однако порой и трудиться приходится наравне с мужчинами, а то и поболее. Зато браки чаще всего заключаются по любви, а не по договору, и руку невесты отдают тому, кто ей по сердцу, а не тому, кто больше заплатит, – стал рассказывать Янис о своей родине.

– Но ведь нареченная короля тоже оттуда, а вряд ли они успели встретиться и полюбить друг друга, – возразила я.

– Политический брак, – вздохнул собеседник. – Такое тоже случается. Я слышал, король еще довольно молод, так что юной девице не придется выходить замуж за старика.

– Я тоже слышала, – ответила колдуну, стараясь не думать о том, что в ближайшее время мне предстоит встретиться с королем и, может быть, даже побывать на его свадьбе.

Обед уже подходил к концу, когда за порогом раздались громкие голоса и шаги, а затем в столовую ворвались двое мужчин. В грязной одежде, хмурые, потные, они принесли с собой горький запах тревоги и страха. Герцог поднялся, очевидно понимая, что может означать их появление, и направился к двери. Сердце беспокойно забилося. Я не сразу почувствовала, что Янис положил руку на мое запястье, словно желая послушать пульс, как порой делала сестра Николина.

– Что случилось? – шепнула ему. – Кто эти люди? Зачем они здесь?

– Уверен, Себастьян нам все расскажет, – отозвался северянин, но я заметила, как он помрачнел и сейчас действительно походил на колдуна, какими я их представляла.

Герцог вместе с мужчинами покинул столовую, наполненную тревожной тишиной. Я бросила взгляд на Ортензию. Женщина молчала, скорбно поджав губы. Ее рука, все еще державшая серебряную вилку, мелко дрожала. Мне вдруг подумалось, что, несмотря на свою суровость и властность, бабушка моего мужа очень стара и переживания могут стоять ей здоровья, а то и жизни.

Есть больше никому не хотелось. Прислуживающие за столом горничные начали убирать посуду и кушанья, некоторые из них были совершенно нетронутыми. Я сделала глоток холодной воды и снова посмотрела на Яниса. Но не успела ни о чем спросить. Скрипнула дверь. Вернулся Себастьян де Россо.

– Лилиан, нам нужно поговорить, – заявил он. – Сейчас. Наедине.

Встав с места, я последовала за ним. Мы поднялись по лестнице и вошли в отведенную мне комнату. Герцог закрыл дверь и повернулся.

– Что-то случилось? – спросила я. Голос дрогнул. Слишком неожиданно все произошло – только что мы мирно обедали, а затем появились эти странные незнакомцы.

– Видите ли, дело в том, что... Мне нужно уехать. Сегодня, немедленно.

– Но... как же? Куда? Почему? – растерялась я.

– Стране нужна моя помощь.

– Неужели... началась война?

– Что? Нет, не волнуйтесь. Никакие чужеземные захватчики в страну не вторгались. Это внутренняя угроза. Я не могу рассказать всего, но, поверьте, вам ничего не грозит.

– Однако вы будете в опасности?

– Такое происходит не впервые. Янис знает. О чем мне хотелось бы вас попросить – пожалуйста, позаботьтесь о бабушке. Понимаю, что пока вы не нашли с ней общий язык, но у нее больше никого нет. Да и у вас тоже, – добавил он, и я кивнула, соглашаясь с его словами. Ортензия действительно одинока. Поневоле задумаешься, кто счастливее – хозяйка замка или экономка, у которой, судя по всему, довольно большая семья?

– Я сделаю все, что смогу, – ответила герцогю. – Не уверена, что она примет мою заботу, но я попробую договориться с ней. А Янис с вами не поедет?

– Он останется. Вы всегда можете на него рассчитывать. Лилиан, мне жаль, что наша семейная жизнь начинается таким образом, но, обещаю вам, со временем мы обязательно все наверстаем. Все будет – и уроки танцев, и представление ко двору, и путешествие. Вы мне верите?

– Да, – сказала я и наконец-то решилась взглянуть в глаза своему мужу. – Я вам верю. Берегите себя.

– Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Прежде чем я успела что-нибудь сказать, Себастьян наклонился и сделал то, что должен был сделать на церемонии заключения брака – поцеловал меня. Не холодно и отстраненно, а так, будто прощался с кем-то, кто ему дорог. От тепла его дыхания и нежности прикосновения мои губы разомкнулись, и я с изумлением поняла, что уже не стою, как мраморное изваяние, а отвечаю на поцелуй. Долгий, головокружительный. Самый настоящий.

Герцог привлек меня ближе, обнял за талию. Мои руки обвились вокруг его шеи. Дыхания не хватало.

– Мне пора, – проговорил он, размыкая объятия. На мгновение задержал мою ладонь в своей, переплел наши пальцы. – До скорой встречи.

Себастьян де Россо вышел из комнаты, а я осталась стоять – изумленная и ошеломленная. Прижала руку к губам, все еще ощущая на них касание его губ. Мой первый поцелуй... Кто знал, что он окажется именно таким? Нежным, сладким, удивительным.

Прощальным.

Вспомнив об обещании, данном супругу, решила, что непременно сдержу его. Даже если Ортензии вздумается сделать меня мишенью для своих едких слов, я позабочусь о ней. И буду учиться всему, чтобы со временем стать настоящей хозяйкой, а не той, чье появление в замке де Россо можно счесть недоразумением.

Но как же расторжение брака, о котором я размышляла по дороге? Как же столь желанная свобода? Действительно ли я этого хочу и хорошо ли представляю, какой может оказаться самостоятельная жизнь, или же... я готова забыть собственные мечты о независимости и попытаться стать счастливой, приняв собственную участь?

В легендах, которые я читала, живя в обители, богиню-покровительницу человеческих судеб называли Кружевницей. Сидя в зачарованном небесном дворце, вокруг которого плывут облака, плетет она из чудесных серебряных нитей судьбы всех, живущих в мире. Не путается в узелках, не обрывает важные ниточки, но лишь ей известно, как сложится чья-то жизнь, а сам человек может только предполагать, что его ждет за порогом завтрашнего дня.

Вот и герцог... Он, наверное, не думал, что ему придется уехать и отложить нашу первую брачную ночь и все остальное, что успел мне посулить. Но Себастьян вернется, и я постараюсь узнать его получше, раз уж Кружевнице вздумалось связать наши судьбы.

Глава 17

– Ты уезжаешь?! – Виенна расширившимися глазами смотрела на герцога. – Прямо сейчас?

Он кивнул и ненадолго задержался у двери, но, судя по всему, мыслями уже находился не здесь, а где-то в другом месте.

– Да. Ты можешь остаться в замке, пока не поправишься. Когда захочешь вернуться в столицу, возьмешь одну из моих карет, чтобы не ехать верхом.

– Но как же...

– Пока я не могу точно сказать, когда приеду обратно.

Баронесса замолчала, обдумывая новости. Какую выгоду можно из них извлечь? Несомненно, срочный отъезд молодого супруга означал, что консуммация его брака откладывается на неопределенное время. Так что безродной девке рано примерять на себя титул герцогини. За время, пока Себастьяна не будет, девчонка вполне может согрешить с наемником. И лишиться всего, на что вознамерилась наложить лапу. Превосходно!

– Я буду скучать, – томно произнесла Виенна, откидывая упавшую на лоб прядь волос.

Ничего не ответив, герцог вышел из комнаты. Баронесса проводила его взглядом и устроилась поудобнее. Лежать в постели целыми днями, конечно, довольно скучно, но не сказать, чтобы совсем уж невыносимо. Кроме того, наконец-то удалось уладить вопрос с Алариком. Сумму он запросил, конечно, немаленькую, однако, поскольку аванса не предполагалось, Виенна ничего не теряла.

А временное отсутствие в замке Себастьяна де Россо ей даже на руку. Без него Лилиан непременно наделает ошибок. Разумеется, ей будет одиноко среди едва знакомых людей, так что внимание приятного – пусть временами и грубоватого – взрослого мужчины должно быть воспринято ею благосклонно. Пусть он только попробует не затащить ее в постель, пока муж в отъезде! Уж с такой-то ерундой наемник должен справиться!

Неимоверно раздражала герцогская бабушка, но сейчас баронесса даже радовалась тому, что не придется лицеизреть за едой ее кислую физиономию. Пусть продолжает строить из себя королеву, пока жива! Пусть распоряжается прислугой, пока может! Власти над внуком у нее уже нет. Каждому известно, что ночная кукушка дневную перекукует.

А Виенна как раз и являлась такой кукушкой и не собиралась уступать

герцога никому из женщин, кем бы они ему ни приходились.

Оставался нерешенным вопрос с одеждой и личными вещами. Неужели ей и дальше придется ходить в одном платье, точно простолюдинке? Себастьян уезжает, красоваться ей не перед кем, но все же подобная перспектива раздражала. Может, послать кого-нибудь в ближайший городок за портнихой и тканями? Кошелек-то у баронессы при себе, так что за оплатой дело не станет.

Вспомнилось, в каком виде явилась к завтраку жена герцога. В столице так уже многие годы никто не одевался. Видимо, в той дыре, где она росла, совершенно не следили за модой.

«Может, попробовать свести с ней дружбу? – поразмыслила Виенна. – Уговорить пригласить портниху, посоветовать пару приличных фасонов. И будто бы невзначай расхвалить Аларика, а герцога, наоборот, опустить в ее глазах. Может, запугать девушку? Соврать, что вкусы герцога в постели весьма своеобразны – и неопытная девица в первую же ночь сбежит от него с воплями? А что, неплохая идея. Надобно как следует все обдумать».

Баронесса довольно улыбнулась. До чего же увлекательно играть людьми, точно куклами в театре марионеток! Виенне очень нравились представления, которые давали в столичном театре. Сейчас она воображала, что в ее руках нити, с помощью которых она может управлять укравшей Себастьяна нахалкой. Нужно вложить в ее голову мысль, что наемник подходит простолюдинке гораздо больше, чем супруг, которого эта особа пока не успела толком узнать.

Конечно, хорошо было бы подложить ее в постель не к Аларику, а к северянину. Тогда герцог гарантированно не простит изменницу, соблазвившую, ко всему прочему, его лучшего друга. Но про хальфданца поговаривали, что он колдун, потому баронесса побоялась с ним связываться.

Время до вечера тянулось невыносимо медленно. Даже наемник-телохранитель не спешил ее навестить. Виенна еще немного подремала, успокаивая себя тем, что дневной сон улучшает цвет лица. Затем появилась горничная с вопросом, не нужно ли чего госпоже. Баронесса велела принести ей холодный фруктовый напиток и воспользовалась случаем, чтобы поинтересоваться, нет ли поблизости умелой портнихи. Горничная подтвердила, что таковая имеется. Обшивает знатных дам, и ткани у нее на любой вкус.

– Я хочу заказать ей кое-что для себя, – произнесла Виенна, прищурившись. – Думаю, жена герцога тоже не откажется обновить гардероб. Что скажешь?

– Не мне решать! – пожала плечами собеседница. – Но я ей передам. Ведь и портнихе не очень-то удобно лишний раз кататься в замок.

– Оно и верно, – подтвердила баронесса, припомнив собственную дорогу сюда, когда она готова была проклинать всех, особенно предков Себастьяна де Россо, построивших родовое гнездо так далеко от столицы. – Передай. В долгу не останусь.

Удивленная внезапной щедростью горничная попятилась к двери, а Виенна с тоской вздохнула, вспомнив оставшееся в сундуке новое платье, надеть которое ей так и не довелось.

Себастьян уехал так быстро, что никто толком понять ничего не успел. Вместе с ним отправились двое мужчин, явившихся в столовую, а также несколько человек из замка. Зато Янис остался. Я столкнулась с ним в библиотеке, куда заглянула, чтобы взять что-нибудь почитать и хотя бы ненадолго отвлечься от сумбурных мыслей. Следовало поразмыслить над тем, как войти в доверие к Ортензии де Россо, но сейчас я была не в том состоянии, чтобы идти к ней. Даже если она расстроилась из-за внезапного отъезда внука, пока мы не настолько близки, чтобы успокаивать друг друга. На все нужно время, и на то, чтобы суровая герцогская бабушка приняла меня, его, должно быть, потребуется немало.

В обители меня учили многому. Истории, географии, рукоделию, искусству правильно держать вилку и нож. Но не тому, как найти общий язык с женщиной, которая настроена против тебя, и не тому, как разобраться в собственных чувствах, когда чужой человек вдруг начинает становиться близким.

Почему все так сложно?..

Я едва не задала этот вопрос Янису, но сдержалась. Он, конечно, весьма дружелюбно меня встретил, но наверняка ради Себастьяна. Сама по себе я хальфданца не интересовала.

Даже если казалось иначе.

– Заскучали? – поинтересовался он, застигнув меня врасплох, когда я неспешно изучала книжные полки, восторгаясь, как много бумажных сокровищ хранится в замке.

– Немного, – призналась я. – Все случилось так... неожиданно. Скажите, герцогу действительно не угрожает ничего опасного?

– Если бы дела обстояли так, я был бы с ним, – отозвался северянин, но его обеспокоенный взгляд противоречил словам, и я вздохнула, понимая, что ничего нового из разговора не узнаю. Вот бы появилась возможность получить сведения, где сейчас находится Себастьян и в порядке ли он! Но ни одно письмо не дошло бы до него так быстро, даже если бы мне стал

известен адрес, по которому можно отправить весточку. – Не тревожьтесь. Если... если с ним что-нибудь случится, я о вас позабочусь.

– После того как госпожа Ортензия выставит меня отсюда? – Я не хотела произносить этих слов, но они сами сорвались с губ. – Вы ведь знаете, что я ей не нравлюсь. И что наш брак с герцогом не может считаться настоящим, ибо пока заключен лишь на бумаге.

– Вы напрасно волнуетесь, – вымолвил Янис, и его пальцы легко, как по клавишам клавесина, пробежались по книжным корешкам. – Себастьян вернется целым и невредимым. А госпожа Ортензия смягчится, когда узнает вас получше.

– Спасибо, – пробормотала я, ощутив странную неловкость, и поспешила сменить тему. – Вы ведь знаете мальчика Луиджи, младшего внука экономки? Я собираюсь заниматься с ним счетом, чтением и письмом. Возможно, если ему понравится учиться, еще и прочими науками, которым меня обучали. Как думаете, хорошая идея? Вот только пока не решила, где заниматься.

– Можете проводить уроки прямо здесь, в библиотеке, – кивнул на стол хальфданец. – Только присматривайте за пареньком, чтобы книги не трогал. Себастьяну вы уже о своих планах рассказали?

– Да, конечно, он не возражал, – подтвердила я. – Правда, сам Луиджи и его бабушка еще не знают об этом. Но мне занятия в радость, ведь сама перестала быть ученицей совсем недавно.

– Что ж, оставляю вас наедине с книгами. Надеюсь, подберете что-нибудь по душе. Если понадобятся мой совет или помощь, я к вашим услугам.

Проводив собеседника благодарным взглядом, я снова принялась изучать толстые тома в книжных шкафах. Здесь нашлось место и сборникам стихов знаменитых поэтов, и сентиментальным романам из тех, которые запрещали читать в обители, и научным книгам, и философским трактатам, и сборникам легенд. Один из таких сборников повествовал про Хальфдан, и я, ощутив желание побольше узнать о далекой холодной стране, с уроженцем которой только что разговаривала, сняла книгу с полки, после чего устроилась в уютном кресле у окна.

Больше всего меня интересовало, не присочинил ли за обедом Янис, говоря про девушек из Хальфдана и предоставленную им свободу. Первая же история-легенда рассказывала про княжну, которая ради того, чтобы спасти возлюбленного, отправилась в покрытый льдом замок, где обитала владычица зимы. На пути девушке пришлось вынести немало злоключений и преодолеть множество препятствий, и к тому времени, как история

подошла к концу, у меня в груди все замерло от переживаний за храбрую северную княжну.

Когда дочитала и с облегчением выдохнула, радуясь тому, что эти двое все же встретились, промелькнула мысль — а смогла бы я сама сделать нечто подобное? Пусть баронессе де Кастеллано далеко до грозной владычицы, оставлять в покое Себастьяна она, судя по всему, не намерена. Так неужели и мне предстоят испытания и я должна буду доказать, что достойна быть женой Себастьяна? И готова ли я к этому? Или... правильнее вернуться к недавним размышлениям о разводе и своей дальнейшей судьбе, не забывая, что идти мне, кроме обители, некуда, а туда могут обратно не принять?

Глава 18

Я читала долго. Даже не заметила, как прошло время. Очнулась, когда негромко скрипнула дверь и в библиотеку заглянула экономка.

– Стол накрыт к ужину, ваша светлость, – проговорила она.

Воспользовавшись удобным случаем, решила рассказать ей о своей идее насчет обучения Луиджи. Пожилая женщина сначала не поверила моим словам, затем долго, от души, благодарила. Мне стало неловко – я ведь еще ничего не сделала и не заслужила такой признательности.

Вернув почти дочитанную книгу на полку, спустилась вниз. В коридоре ко мне подошла одна из горничных. По именам я их пока не различала, но, судя по всему, у девушки имелось ко мне дело.

– Госпожа баронесса сказала... – начала та несколько смущенно. – У нее всего одно платье, а на смену ничего нет. Потому она хочет позвать портниху. И интересуется, может, вам тоже надобно обновить гардероб? Так можно заодно...

Я вспыхнула. Разумеется, от зоркого взгляда Виенны де Кастеллано не ускользнуло, что одета я вовсе не по столичной моде. Несмотря на то что предложение прозвучало не из ее уст, я почувствовала себя униженной.

– Пожалуйста, передай баронессе, что, если у нее есть средства, она может пригласить портниху, – произнесла я. – Но, поскольку мое представление ко двору откладывается, мне шить новые платья пока ни к чему. Кроме того, я не намерена тратить деньги супруга во время его отсутствия.

Горничная изумленно приоткрыла рот, выслушав мой ответ.

– Все ясно? – уточнила я.

– Да, ваша светлость! С вашего позволения... – пискнула она и тут же унеслась прочь. Наверное, побежала докладывать баронессе.

Услышав за спиной звуки шагов, я обернулась и вздрогнула, когда увидела приближающуюся ко мне Ортензию де Россо.

– Похвально, – скупой обронила старуха. – Будь ты транжирой, я бы не одобрила. К тому же, пока Себастьяна нет в замке, перед кем тебе красоваться?

– Вы все слышали? – ощутив, как кровь прилила к лицу, спросила я.

– Каждое слово, – величественно кивнула бабушка герцога.

Пропустив ее вперед, я вошла в столовую. Янис уже сидел за столом. Место, которое прежде занимал Себастьян де Россо, пустовало, и у меня в

груди что-то болезненно сжалось при мысли о том, что с ним может случиться беда, а я даже не успела как следует узнать герцога. Не успела привыкнуть к мысли, что теперь у меня есть муж. А если он не вернется и я повторю судьбу сестры Николины?..

Аппетита не было, и я почти ничего не сумела съесть, несмотря на то что ужин выглядел не менее соблазнительно, чем завтрак и обед. Лишь перекачивала кусочки по тарелке, ожидая, когда смогу уйти к себе в комнату. Время от времени украдкой поглядывала на Ортензию, но ее непроницаемое лицо ничего не выражало. Интересно, знала ли она о просьбе внука позаботиться о ней? И что сказала бы, если бы мне вздумалось с ней это обсудить?

– Ты всегда так мало ешь? – спросила бабушка герцога, которая, как выяснилось, тоже наблюдала за мной. – Уверена, что не больна? Женщина должна хорошо питаться, чтобы зачать и родить здорового ребенка.

От этих ее слов я опять покраснела и уткнулась носом в тарелку, сделав вид, что моим вниманием завладела утка в сливочном соусе.

– Отвечай! – потребовала Ортензия де Россо.

– Я здорова, – ответила твердо. – В обители есть женщина, которая лечит всех воспитанниц и наставниц. Она не обнаружила у меня никаких недугов, а ее мнению я безоговорочно доверяю.

– Тогда потрудись съесть свой ужин, а не оставлять его собакам и домашней скотине! – пробурчала собеседница.

– Лилиан опечалилась из-за отъезда Себастьяна, вот у нее и пропал аппетит, – вступился за меня Янис и подмигнул. Я благодарно взглянула на него и отправила в рот спелую оливку. Прожевала, запила водой.

– В самом деле? – недоверчиво проговорила Ортензия, адресуя вопрос мне.

– Да, – ответила твердо и подняла на нее глаза. – Разве у меня не имеется на то причин? Ведь моему супругу пришлось оставить меня сразу же после свадьбы.

– А тебе не терпится конsummировать ваш брак, чтобы никто не посмел оспаривать твое положение? – усмехнулась пожилая женщина. – Я тебя насквозь вижу, милочка. Горничной ты ответила хорошо, однако не думай, что я тут же проникнусь к тебе теплыми чувствами.

– Я и не думаю.

– Себастьян не посоветовался со мной, когда решил жениться. Поставил перед фактом. Я так и не добилась от него ответа, почему он выбрал именно тебя.

– А вы бы нашли для него лучшую кандидатуру?

– Само собой, – фыркнула Ортензия. – Девушку из приличной семьи, воспитанную в строгих правилах. Ту, в чьих жилах течет благородная кровь.

Я стиснула зубы. Бабушка герцога, намеренно или нет, ударила по самому больному. О том, кем были мои предки, я не знала ничего, и шансов выяснить это почти не осталось. Я – девушка без прошлого. Если у меня действительно появятся дети, я не смогу рассказать им ни о бабушке и дедушке, ни о том, как началась моя собственная жизнь, ни о том, где мои корни.

Ничего.

– Прошу меня извинить, – отодвинув тарелку, я поднялась и, не оглядываясь, вышла из столовой. Комок подступил к горлу, но волю слезам я дала лишь тогда, когда оказалась в своей комнате. За крепко закрытой дверью.

Опустившись на пол возле кровати и уткнувшись лицом в руки, я плакала, комкая в ладонях мягкие складки бархатного покрывала. Плакала о той маленькой девочке, которая, ничего не помня, оказалась в стенах обители. Плакала о несбывшемся. О встрече с родителями. О возвращении в отчий дом.

Будущее казалось окутанным таким же плотным туманом, как и прошлое. Герцог пообещал мне много, но сейчас я чувствовала, что не желаю ни представления ко двору, ни танцев, ни новых нарядов. Хотелось одного – чтобы он возвратился в замок живым и здоровым.

Ведь теперь Себастьян де Россо – моя единственная семья.

Сквозь глухой шум в ушах я услышала стук в дверь. Поднялась, вытерла слезы. Открыла и удивленно взглянула на стоящего передо мной человека.

– Вы?

– Мы можем поговорить? – спросил телохранитель баронессы.

Я кивнула, вышла в коридор, прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Мужчина смотрел на меня со странным выражением. Должно быть, заметил следы недавних слез, но не осмеливался спросить, что меня огорчило.

– Если у вас какие-то вопросы насчет вашего обустройства, обратитесь к экономке, – сказала я. – Она уточнит у госпожи Ортензии. Я пока хозяйством не занимаюсь.

– Я не по этому делу, – покачав головой, отозвался собеседник. – Я тут... Предупредить вас хочу, вот что.

– Предупредить?

– Госпожа баронесса – ваш первый враг. Будьте с ней осторожны. Не в ее интересах, чтобы вы оставались женой герцога, поскольку она метит на ваше место, так-то.

– Вы... Но разве... Она ведь ваша хозяйка, не правда ли?

– Да какая хозяйка? – поморщился Аларик – насколько мне помнилось, именно так его представили за завтраком. – Король нанял меня, чтобы проводить баронессу к замку. А она надумала назвать меня своим телохранителем и потребовала, чтобы я встал на ее сторону в войне против вас. Я этого делать не хочу. Не в моих правилах вмешиваться в женские дразги.

Я изумленно смотрела на мужчину, понимая, что должна что-то сказать, но не знала, что именно. В голове гудело. Собеседник выжидающе уставился на меня, и мне вдруг показалось, что когда-то я уже видела это загорелое обветренное лицо.

– Что же... Спасибо за предупреждение. Но что вы предлагаете – чтобы я нашла способ выставить баронессу из замка?

– Именно, – согласился он. – Герцог де Россо разрешил ей оставаться здесь до выздоровления, но она наверняка будет дожидаться его возвращения. Так что держите ухо востро и будьте с ней осторожны.

– Что она может мне сделать?

– Подкупить горничную, чтобы добавила яд вам в чашку. Но убийство у нее – запасной план. На первом месте другой, и тут хорошо бы, чтобы вы мне подыграли.

– Что за другой план? – насторожилась я. Мужчина объяснил, и у меня глаза полезли на лоб. – Да что она обо мне думает?!

– Что вы такая же, как она, – усмехнулся наемник. – Так что сделаете вид, будто принимаете мои ухаживания? Пусть она считает, что все идет по ее плану.

– А если кто-нибудь доложит герцогу? И госпоже Ортензии... И все решат, что...

– Но вы ведь сможете доказать мужу свою невиновность, разве не так? Да и беседы с другим мужчиной изменой не считаются. С хальфданцем вы, например, всю языками чешете.

Я нахмурилась, с неохотой признавая его правоту. Да, мне действительно нравилось разговаривать с Янисом. Интересными казались его рассказы о родине, а до обсуждения колдовства, к чему меня втайне тянуло, мы еще не дошли, но я собиралась однажды невзначай задать несколько вопросов и на эту любопытную тему.

– Хорошо, – сделав глубокий вдох, сказала я, понадеявшись, что

поступаю правильно. – Если вы в самом деле уверены, что баронесса де Кастеллано не будет пытаться сжить меня со свету, пока мы разыгрываем этот спектакль, я согласна. А она... очень влиятельная особа в столице?

– Король лично просил за нее, – сообщил Аларик. – Так что весьма. Кажется, он ей симпатизирует и надеется, что, получив здесь от ворот поворот, она кинется в объятия его величества.

– Но ведь король скоро женится! – ошеломленно воскликнула я и получила снисходительный взгляд.

– Какой же вы наивный ребенок, ваша светлость. Еще ни одному королю женитьба не помешала заводить фавориток и внебрачных детей. Хотя учебники истории об этом лицемерно умалчивают, на решения монарха и судьбу страны частенько влияет вовсе не королева.

Я вспомнила книгу о Хальфдане, которую читала в библиотеке, и попыталась представить себе невесту нашего короля. Наверное, она совсем молода – моя ровесница или чуть старше. Эта девушка не заслуживала того, чтобы ею пренебрегали из-за какой-то баронессы и других бесстыжих женщин, наверняка похожих на Виенну!

– Такова жизнь, – философски заключил собеседник, словно прочел мои мысли. – Однако, если баронесса переключит свое внимание на короля, вам же будет легче. Избавитесь от этой занозы в...

Я невольно хихикнула, зажала рот ладонью и поняла, что человек, которого Виенна де Кастеллано решила выдать за своего телохранителя, сам с трудом ее терпит.

Глава 19

Подходила к концу первая неделя в герцогском замке. Вестей от Себастьяна не было. Ортензия де Россо продолжала держать меня на расстоянии, строго и язвительно обрывала при каждой попытке выказать ей сочувствие и подружиться. Зато баронесса внезапно пожелала свести со мной близкое знакомство. Она начала вставать, опираясь на трость, но упорно заявляла, что слишком слаба для того, чтобы отправиться в столицу.

Сидя в малой столовой – имелась в замке и такая, – я уныло смотрела в свою чашку с горячим молочным напитком и слушала трескотню Виенны, которая вознамерилась как можно больше поведать мне о столичных нравах, модах и традициях, а заодно пересказать все сплетни о людях, которых я знать не знала.

– Илария... Я говорила, что она фаворитка короля Арнальдо? Так вот, Илария скоро останется на бобах. Вы ведь знаете, что его величество женится? Но еще раньше, чем стало известно о невесте из Хальфдана, я заметила его охлаждение к фаворитке, ведь я как никто разбираюсь в человеческих взаимоотношениях. Вот взглянуть хотя бы на вас с Себастьяном... Не обижайтесь, но кто, кроме меня, скажет правду? Он вас не любит. И никогда не полюбит. Вы слишком разные – как вода и масло, достаточно взглянуть на этот замок, где все кричит о богатстве и древности герцогского рода. А вы, уж простите, никак сюда не вписываетесь. Может, вас и обучали хорошим манерам, но истинного аристократизма простолюдинке не привить.

Я стиснула зубы и поставила чашку на стол с такой силой, что жидкость выплеснулась на льняную скатерть.

– Простите, но вынуждена вас оставить. Дела! Скорейшего выздоровления!

Выйдя из комнаты, я покосилась на дверь и представила себе огромный кованый замок. Вот бы накрепко запереть где-нибудь эту женщину! А ключ потерять...

Устыдившись собственных мыслей, которые оказались весьма навязчивыми, постаралась успокоиться и поспешила в библиотеку. Близилось время занятий с Луиджи. Сегодня я хотела немного расширить программу и заранее приготовила найденный на одной из полок учебник истории.

Ученик радовал меня все больше, душа наполнялась гордостью за его

успехи. Он все схватывал на лету и уже мог написать свое имя такими аккуратными буквами, что любо-дорого посмотреть. Я не скупилась на похвалы и представляла себе, что со временем смысленный мальчуган обретет возможность получить достойную профессию, а значит, не будет всю жизнь чьим-то слугой. В нашем обществе на первое место ставилось происхождение человека, но ведь наступят когда-нибудь другие времена. А пока имеются такие люди, как Себастьян де Россо, который может дать Луиджи шанс на лучшее будущее.

Мальчик пришел вовремя. С чистыми руками – я сразу же, как только мы начали заниматься, настояла на том, чтобы он хорошенько мыл их перед уроками – уселся за стол и выжидающе уставился на меня блестящими темными глазами.

– Что мы будем делать сегодня? – поинтересовался Луиджи. В голосе звенело любопытство. До чего же приятно наблюдать такую страсть к учебе!

– Кое-что новенькое, – отозвалась я с улыбкой. – Видишь эту книгу? В ней рассказывается об истории нашей страны. Сегодня я прочитаю тебе. Но позже ты сможешь ее прочесть самостоятельно.

– Всю-всю? – удивился Луиджи.

– Всю-всю, – заверила его. – Итак, приступим. Знаешь, как зовут короля?

– Его величество Арнальдо!

– Верно. Но он не первый король. До него, например, престол занимал его отец – король Сильвано. Совсем недавно он правил нашей страной. Но, к сожалению, захворал и умер, а потом на престол взошел его сын.

– Отправился на небеса?

– Да, – вздохнула я. Прежний король даже не дожил до свадьбы сына, к которой во дворце наверняка готовились. – А его жена, королева Доротея, насколько я слышала, в молодости слыла настоящей красавицей.

– Как вы? – простодушно спросил ученик.

– Еще красивее, – смутилась я. – После смерти короля она отдалилась от всех и уехала из столицы. Говорят, поселилась в уединенной обители, чтобы денно и нощно молиться о здоровье сына и благополучии страны...

«...Но с благополучием не все так гладко, как хотелось бы», – мысленно закончила я, вспомнив про нападение разбойников на дороге. Я оказалась не первой, кто столкнулся с бандитами. Если бы не Янис и его колдовской артефакт, кто знает, что бы со мной стало?

Однако это не было подходящей темой для разговора с ребенком, поэтому я постаралась говорить о хорошем. О том, как в недавние времена

отправляли на костер женщин, тоже промолчала. Луиджи слишком мал для того, чтобы знать такие вещи. Если боги смиростивятся, у него впереди будет светлая жизнь. Я очень надеялась, что так оно и случится.

– Могу я сам поставить книгу на полку? – спросил мальчик, когда урок закончился.

– Тебе ведь книги нельзя трогать, – нахмурилась я.

– Но у меня чистые руки! И как же я буду их читать, не трогая? Сами посудите! – хмыкнул он.

– Хорошо, только будь осторожен. Она стояла вон там, – указала я. – Не упади с лестницы!

– Что я, по лестницам не лазал? Это вам тяжело в вашем длинном платье! А у меня штаны!

Луиджи ловко вскарабкался на самую верхнюю ступеньку, поставил книгу в нужный ряд и уже приготовился спускаться, но лестница, предназначенная для того, чтобы добираться до книг на верхних полках, покачнулась. Я находилась слишком далеко, чтобы успеть подбежать. Оставалось с ужасом наблюдать за падением мальчишки и отчаянно желать, чтобы он не слишком сильно пострадал.

Казалось, что мгновения растянулись в часы. От неожиданности ребенок даже не закричал. У меня во рту пересохло, а крик застрял в горле. Но, даже если бы я позвала на помощь, никто не добежал бы сюда так быстро.

Будто пытаясь поддержать на расстоянии, я вытянула к мальчику руки и изумленно ахнула, обнаружив нечто необычное. Падение замедлилось. Теперь Луиджи опускался с высоты медленно, точно висел в гамаке.

Когда мальчик мягко опустился на пол, я подбежала к нему и, сев рядом, тронула за худенькое плечо, в испуге глядя на сомкнутые веки ребенка и его побледневшее лицо.

– Ничего страшного, – раздался за моей спиной мужской голос. – Он всего лишь потерял сознание от страха. Не волнуйтесь – скоро придет в себя и станет таким же резвым, как всегда.

Обернувшись, я увидела Яниса, который неслышно вошел в библиотеку и присел возле меня на корточки.

– Вы! – с облегчением воскликнула, ощущая, что готова смеяться и плакать от радости одновременно. Должно быть, северянин появился как раз вовремя и, чтобы помочь Луиджи, впервые на моих глазах применил колдовской дар, которого я страшилась, но все же жаждала увидеть. – Вы спасли его?..

– Нет, Лилиан, – он покачал головой, со странным выражением глядя

на меня. Его голос, в котором сейчас был замечен легкий акцент, звучал задумчиво и серьезно. – Не я. Это сделали вы. Вы не дали совершиться трагедии.

– Что вы такое говорите?! – потрясенно отозвалась я. И тут же вспомнила случившееся в обители. Выжженный на двери отпечаток ладони, о котором сестра Николина велела никому ничего не рассказывать.

– Вы позволите? – Янис поднес свою ладонь к моей так близко, что линии на них почти соприкоснулись. Мне померещилось или я действительно увидела, как от его руки к моей протянулись серебристые нити, похожие на иней на деревьях, который я видела на картинках в книгах, да еще во сне? – Занятно... Вы уверены, что в вас нет хальфданской крови?

– Но... – совершенно растерялась я. – Как такое может быть? Ведь я же совсем не похожа...

– Внешне да, – согласился со мной северянин. – Но некоторые ваши слова, рассуждения... А еще вот это. Я словно чувствую в вас кого-то близкого. По происхождению и... по колдовству.

– Ничего не желаю слышать! – отдернув руку, заявила я. – Вам всего лишь показалось! Я – не колдунья!

– Я могу догадаться, что именно вас пугает, но убегать от себя – не выход, – заметил мужчина все так же серьезно.

– Пожалуйста! – глядя ему в глаза, взмолилась я, уже понимая, что он едва ли остановится. Слишком его заинтересовало внезапное проявление моих скрытых способностей. Теперь колдун не успокоится до тех пор, пока не выяснит побольше.

В это время Луиджи зашевелился, словно проснулся от долгого сна.

– Что ж, поговорим позже, – произнес, выпрямившись, собеседник.

Я проводила взглядом выходящего из библиотеки Яниса и помогла мальчику встать на ноги.

– Все хорошо? Где-нибудь болит? – спросила с тревогой.

Луиджи покачал головой.

– Даже не помню, что произошло. Я упал, да? С самого верха? – затараторил он. – Бывает же такое! Но вы меня поймали, да?

– Не с самого. Послушай, не рассказывай ничего бабушке, хорошо? Ей ни к чему лишние переживания, – неуверенно добавила я.

– Не скажу. Урок закончен? Я могу идти? – откликнулся мальчуган и, дождавшись моего одобрительного кивка, беззаботно поскакал к двери.

Я в изнеможении привалилась к стене. Руки дрожали – совсем как тогда, в обители. Будь здесь добрая сестра Николина, я бы могла пойти к

ней, все рассказать и попросить совета. Но она далеко, а в замке я должна скрывать собственные странности от всех. Кроме Яниса, который о них узнал...

Все получилось спонтанно, будто само собой, как и в прошлый раз. Тогда, после беседы с настоятельницей, я не на шутку рассердилась и огорчилась, сейчас – перепугалась за мальчика. Луиджи спасен, и это настоящее чудо, но такая тайна может стоить мне жизни. Даже сейчас, когда на площадях городов уже не горят огромные костры.

Король Сильвано прославился тем, что во времена его правления закончилось преследование колдуний. Но закончилось оно потому, что всех их переловили и сожгли. А что, если его сыну захочется повторить отцовские подвиги?..

Поправив платье, я решительно зашагала к выходу. Встретила в коридоре горничную, спросила, как найти северянина. Та указала, где находится его комната.

Янис открыл сразу – еще до того, как постучала. В его глазах я прочла понимание. Он посторонился, пропуская меня. Я вошла, стараясь не думать о том, что мой визит в спальню одинокого мужчины могут счесть верхом неприличия.

– Я хочу обсудить случившееся, – сказала, сделав глубокий вдох. – Хочу, чтобы вы... чтобы вы, если не возражаете, стали моим наставником. Хочу научиться управлять своим даром.

Глава 20

Я рассказала Янису все, не умолчала и об отпечатке ладони на двери в обители. Он слушал внимательно, заинтересованно и, как мне показалось, с сочувствием. Промелькнула мысль – а не расскажет ли северянин об услышанном герцогу, и сердце тоскливо сжалось при мысли, как мой супруг отреагирует, если узнает обо мне такие подробности?

– Значит, вы ничего намеренно не делали? – уточнил Янис, выслушав. – Только испытывали в те мгновения сильные эмоции? И началось все недавно?

– Да, – подтвердила я, опустив глаза. Никогда не думала, что поведаю кому-то о том, что меня так сильно пугало. Но я не могла рисковать дальше и каждую минуту с трепетом ожидать, что буду разоблачена.

– Пробуждение колдовского дара у женщин чаще всего связано с возрастом. Он редко проявляется до совершеннолетия. Видимо, так же случилось и с вами, потому прежде вы не замечали за собой никаких его проявлений.

– А нельзя сделать так, чтобы мой дар снова заснул? – с надеждой осведомилась я.

– Увы, нет, – покачал головой хальфданец, пригладив перехваченные тесемкой светлые волосы. – Он будет лишь расти со временем и в полную силу войдет тогда, когда на свет появится ваш первенец. Но, если не научиться справляться с даром, способности могут принести немало неприятностей.

– Согласна. Хорошо, что Луиджи ничего не успел понять, – вздохнула, представив, какие разговоры пошли бы среди прислуги. А баронесса? Лучшего способа избавиться от соперницы она найти бы не могла! Достаточно сказать несколько слов королю Арнальдо.

От этих мыслей я похолодела, а руки снова задрожали. Это не осталось незамеченным. Янис мягко накрыл мою ладонь своей. Его пальцы были длинными, точно у музыканта. Мне показалось, что от них исходило тепло, от которого сковавший меня лед смутения и страха постепенно таял, уступая место жгучему любопытству и желанию поскорее стать хозяйкой, а не жертвой своего таинственного дара.

– Вы должны смириться с тем, что родились не такой, как все, – произнес Янис, не убирая руки. – С тем, что вы особенная. Я и сам прошел через что-то подобное.

– Разве вам не легче, чем мне? – отозвалась я. – Ведь вы мужчина. И... родом не отсюда.

– С одной стороны, да. В Хальфдане таких, как мы, никогда не преследовали и не сживали со свету. Однако в обществе каждому отведено свое место. Я родился в крестьянской семье, но с детства не походил на своих братьев и сестер. Вместо того чтобы возделывать землю, я, едва минуло двенадцать, оставил родное село и отправился в город. Для того чтобы постигать знания и встретиться с теми, кто похож на меня и может меня понять.

– Вам удалось?

– Как видите. Мне даже довелось провести несколько лет в окружении князя. Но мой путь не был усыпан розами.

Я вздохнула, вспоминая найденную в библиотеке книгу о Хальфдане. Истории из нее запали мне в душу. А сон... тот удивительный сон, в котором я точно наяву ощущала запах терпкой древесной смолы и белого снега.

Воспоминание заставило меня вздрогнуть, и я с надеждой повернулась к собеседнику, решившись задать беспокоивший меня вопрос.

– Мне нужно расшифровать одну надпись! Северные руны. Вы можете?

Как и следовало ожидать, Янис сразу заинтересовался. Он пообещал, что посмотрит, и я заторопилась в свою комнату, где лежал листок бумаги с записанными на нем рунами из сна. Рассчитывала вернуться тут же, но в коридоре меня перехватил Аларик.

– Кажется, вы совсем забыли про наше с вами соглашение, – хмуро вымолвил он, смерив меня взглядом.

– В самом деле, – ответила я. За прошедшие с того разговора дни мы время от времени пересекались и обменивались несколькими словами. Однажды даже на виду у баронессы. Но я сомневалась, что из этого плана что-нибудь получится. Обвести вокруг пальца Виенну совсем не просто.

– Я уже говорил, что вы должны быть осторожны, – заметил он строго. – Хоть госпожа баронесса и делает вид, что вы ее лучшая подруга, все совсем не так. Злейшего врага вам за жизнь не найти.

«Ошибаетесь», – подумала я, представив горящие яростью лица тех, кто участвовал в гонениях на колдунов и колдуний, но промолчала.

– Герцог разрешил ей остаться в замке только до выздоровления, – напомнила я.

– Однако баронесса не намерена уезжать до его возвращения и все еще мечтает зацепиться за него подобно болотной пиявке. Поймите, ваша

прямота и бесхитростность – весьма редкие качества, но для борьбы с Виенной де Кастеллано они не годятся. С ней нужно сражаться ее же оружием, то есть хитростью, – заключил Аларик.

– И наглостью, – пробурчала себе под нос. Но собеседник услышал. Усмехнулся и вдруг провел рукой по моей щеке, заправляя выбившуюся из прически прядь за ухо. Я вздрогнула и отшатнулась. А мгновением позже, скосив глаза, увидела застывшую на лестнице баронессу, которая, не отрываясь, смотрела на нас.

– Доброго дня, ваша светлость! – Аларик, поклонившись, направился к ней. – Я помогу вам подняться.

На губах Виенны появилась довольная улыбка. Похоже, она решила, что все идет по ее плану. Коротко кивнув, я развернулась и зашагала в свою спальню.

Нужный мне листок с рунами лежал на прежнем месте. Подождав некоторое время, чтобы не столкнуться с баронессой еще раз, вернулась в комнату Яниса. Тот уже ждал меня.

Переступая порог, я снова ощутила неясную тревогу, от которой что-то сжалось в груди. Казалось, что сегодня я сделала шаг, окончательно отделяющий меня нынешнюю от меня прежней – истосковавшейся по неведомому, потерянной, одинокой девочки, воспитанной в обители. Словно открылась какая-то особенная дверь, за которой меня ожидала встреча с тем, о чем раньше я и помыслить не могла. Ведь все знали, что от колдовства и колдунов надо держаться подальше. Однако хальфданец вовсе не казался страшным, я чувствовала, что могу доверять ему, потому что, как он сам недавно сказал, Янис был тем человеком, который мог меня понять.

Таким же, как я сама.

Я молча протянула ему лист бумаги и сцепила руки в замок, ожидая, что Янис скажет, когда прочтет рунные письма.

Он поднял на меня глаза, в его взгляде светилось удивление.

– Откуда вы их взяли?

– Увидела во сне, – призналась я и кратко рассказала о сновидении, которое пришло в первую ночь в замке. – Эти знаки с вышивки на варежке на моей руке. А снег! Я ведь никогда не видела его наяву, но сразу поняла, что это снег... Как вы думаете, что тот сон может означать?

– Я не толкователь снов, – пожав плечами, отозвался собеседник. – Но эти руны... Я знаю, что они обозначают.

– Расскажите же! Пожалуйста! – нетерпеливо взмолилась я. Янис в ответ улыбнулся и кивнул на стул у окна, приглашая меня сесть.

Его комната напоминала мою собственную, так что, если бы не некоторые различия, мне бы казалось, что я нахожусь у себя. Но, когда северянин расположился напротив и пытливо взглянул на меня, я снова ощутила неловкость от нашей невольной близости. Может быть, следовало побеседовать в библиотеке? Но там нас могли подслушать... Баронесса не проявляла тяги к литературе, однако, успев немного узнать Виенну де Кастеллано, я не сомневалась, что она не отказалась бы от возможности за нами проследить, если бы заметила, что мы с Янисом уединились.

Ведь больше всего на свете ей хотелось опорочить меня в глазах герцога, а тут представился бы такой подходящий случай!

Отбросив эти мысли, я тронула хальфданца за рукав, безмолвно прося не томить дальше и рассказать все поскорее.

— Это обращение к покровительнице удачи, — произнес он наконец. — Обычно ее представляют в образе женщины. Вот только руны эти знают далеко не все. Едва ли их стала бы вышивать на своих вещах обычная девушка.

— То есть... — запнулась я.

— А вот колдунья — вполне могла бы, — невозмутимо продолжил Янис.

— Я видела во сне северную колдунью! — все еще не веря до конца услышанному, воскликнула я. — Нет! Я чувствовала себя ею!

— И вы продолжаете утверждать, что в вашем роду не было уроженцев Хальфдана! — заметил он.

— Откуда мне знать?! — выпалила я. — Разве ваш друг вам не рассказывал? Я не помню свою семью и не могу сказать, встречались среди моих предков северяне или нет!

— Я не хотел вас обидеть. Просто все это... странно, не правда ли?

— Еще как, — согласилась я. — Так вы поможете мне? Герцог де Россо... мой супруг... сказал, что я всегда могу на вас рассчитывать, а в таком деле мне больше не к кому обратиться.

— Хорошо, — ответил Янис. — Но вы должны слушаться меня во всем. Делать то, что я скажу, и ни одной живой душе не рассказывать о наших уроках.

— Даже...

— Себастьяну я расскажу сам. Когда наступит время. Договорились?

— Да, — выдохнула, ощутив теплое чувство благодарности. Теперь у меня появился наставник. Если он научит меня сдерживать спонтанные проявления дара, риск случайно выдать себя станет куда меньше.

— Вас беспокоит что-нибудь еще? — осведомился хальфданец.

Сначала я отрицательно покачала головой, но затем кое-что

вспомнила.

– Должно быть, это не имеет никакого отношения к дару, и все же... Картина в библиотеке. Я почти уверена в том, что видела ее раньше.

– Та, на которой маяк?

– Да!

– А вы уверены, что видели именно картину? Может быть, вы видели то место, которое на ней изображено? Подумайте хорошенько!

Я наморщила лоб. А если он прав и я когда-то в детстве, до того, как меня нашли и забрали в обитель, жила там, у моря? Но моя память не сохранила ни плеска волн, ни вкуса морской воды, ни прохлады бьющего в лицо соленого ветра.

– Мне все же кажется, что я видела именно картину, но я не уверена, – вздохнула, понимая, что напряженные размышления ни к чему не приведут. Ощущение, возникшее при виде картины, было как озарение. Как яркий луч света, на мгновение прорезавший темноту в моих воспоминаниях.

– Что ж, тогда не мучайте себя. Если на то будет воля богов, вы непременно отыщете ответы на свои вопросы, – заверил Янис. – А пока вам лучше отдохнуть.

– Когда же мы приступим к занятиям?

– Думаю, завтра. Однако для этого придется выйти из замка и подыскать место, где нам никто не будет мешать. Вы ведь не пленница, и вам на пользу пойдет свежий воздух.

Глава 21

Утром мы с хальфданцем вышли из замка, чтобы провести первый урок. Накануне он попросил хорошенько выспаться и отдохнуть, но у меня не получилось. Почти всю ночь я пролежала без сна, глядя в темноту и вспоминая наш разговор. Должно быть, северянин догадался о бессоннице, но ничего не сказал, лишь вздохнул укоризненно. Я опустила глаза, почувствовав себя нашкодившим ребенком под строгим взглядом наставника.

Прежде я не выходила гулять, а в замок прибыла почти ночью, так что сейчас с жадным любопытством разглядывала все вокруг. Даже в ярких солнечных лучах родовое гнездо семьи де Россо с холодными каменными стенами выглядело мрачновато, я бы даже сказала, несколько устрашающе. Хозяйственные постройки – добротные и крепкие – производили куда более приятное впечатление. Некоторые из работников трудились в саду, ухаживали за фруктовыми деревьями. А еще в саду располагалась уютная с виду беседка, в которую меня и привел Янис.

– Почему вы не сбежали из обители? – огорошил он меня вопросом, усевшись на скамью напротив.

– Что?! – в растерянности отозвалась я.

– Не похоже, чтобы вы с вашим свободолюбием горели желанием выйти замуж за незнакомого человека, так почему же не попытались сбежать, едва услышав о том, что вам предстоит? – уточнил он.

– Я думала об этом, – призналась, покусывая губу. – Но кольцо... Оно не позволило бы уйти далеко, даже если бы удалось обмануть наставниц и обойти охрану.

– Кольцо?

– Мы все носили специальные кольца, которые не могли снять самостоятельно. Нам сказали, что это сигнальные маячки, по которым всегда можно отследить, где мы. Когда приехал поверенный герцога де Россо, с меня сняли то кольцо и надели вместо него обручальное.

– Вот как? Весьма любопытно... А вы не задумывались, откуда в обители взялись явно волшебные предметы, если в вашей стране, как все утверждают, колдовства совершенно не осталось?

Я изумленно распахнула глаза. А ведь в самом деле... Воспитанницы привыкли к тому, что нам говорили, и принимали все как должное, не замечая очевидных противоречий. Зато северянин обнаружил их сразу же. Ах, как бы мне хотелось задать этот вопрос настоятельнице, прямо

посмотрев ей в глаза!

– Подумайте, Лилиан.

– Я... Откуда мне знать? – выпалила, мысленно ругая себя за допущенный промах. – Вы правы – я не подумала об этом раньше.

– А следовало бы. Ну-ну, не огорчайтесь. Прежних ошибок уже не исправить.

Я вздохнула, соглашаясь с его словами.

– Могла ваша настоятельница раздобыть такие кольца в Хальфдане? – выдвинул предположение Янис. В ответ я пожала плечами. – Знаю нескольких колдунов, которые могли бы выполнить подобный заказ. Однако каким образом она сумела договориться с ними? Занятно...

– Вы ведь тоже как-то познакомились с герцогом, – заметила я.

– Мы – особый случай, – усмехнулся колдун. – Едва ли... Но пусть лучше Себастьян вам сам все расскажет.

Как всегда, когда речь зашла о моем супруге, я почувствовала неловкость. Брак по доверенности без предварительного знакомства совершенно не располагал к возникновению теплых чувств. Но тот поцелуй... По вечерам, в своей комнате, я невольно вспоминала его. И, вспоминая ощущения, возникшие от прикосновений мужа, ловила себя на том, что скучаю по нему и жду его возвращения.

Но об этом я хальфданцу говорить не стала, да и сам он переключился на другую тему.

– Пока оставим эту загадку, – произнес Янис, имея в виду обитель и кольца воспитанниц. – Пора перейти к уроку. Хм... с чего бы начать?

Как выяснилось, прежде Янис ничьим наставником не был, а потому ему не хватало опыта. К тому же многое из того, что он знал, оказалось непросто объяснить, ведь некоторых понятий в языке нашей страны не существовало и обозначающие их слова не имели перевода с хальфданского. Так что на первых порах северянин решил обучать меня самому главному, а именно – контролю над собой.

Поскольку выяснилось, что проявление сильных эмоций приводит к неожиданным всплескам дара, следовало избавиться от этой зависимости. Ведь я не была уверена, что такого больше не случится. Хорошо, что в библиотеке меня увидел Янис, а если бы там оказалась баронесса?

Занятия длились не слишком долго – мы боялись вызывать подозрения. И все же, после того как уроки начались, я не раз ловила на себе полные любопытства взгляды обитателей замка, которые не могли не заметить, что каждый день молодая госпожа проводит некоторое время наедине с хальфданцем.

Время шло, и случай с картиной оказался не единственным, когда мне чудилось, что прежде я в замке бывала. То случайный взгляд из окна вызывал воспоминания о чем-то далеком и смутно знакомом. То пение птиц поутру навевало странное ощущение, что когда-то в прошлом я уже просыпалась под эти звуки. А ведь возле обители такие пичуги не жили, там водились совсем другие пернатые. Так почему же у меня периодически возникали подобные ощущения?..

Увы, пока ответа на этот, все сильнее тревоживший меня вопрос не находилось.

Постепенно меня затягивала новая жизнь. Занятия с Луиджи, поучения Ортензии де Россо, которая решила-таки дать мне несколько уроков ведения хозяйства в замке, прогулки с Янисом, а в свободное время вышивание и чтение. На беседы с баронессой – она упорно продолжала демонстрировать свое желание со мной подружиться – времени практически не оставалось. Я старательно избегала встреч и с самой Виенной де Кастеллано, и с ее так называемым телохранителем. Однако их присутствие в замке ощущалось постоянно – точно низко нависшее над головой враждебное облако, готовое в любое мгновение разразиться громом и молниями.

В противостоянии баронессе мы со старой герцогиней неожиданно стали союзницами. Она не разрешала Виенне трапезничать за одним столом с нами, зато мне, когда я однажды высказала пожелание перекусить в своей комнате, было в этом категорически отказано. Может быть, Ортензия все же постепенно начала признавать меня частью своей семьи? Ведь позволяла же она Янису разделять с ней завтраки, обеды и ужины, а он так же, как и я, не мог похвастаться высоким происхождением. О данном Себастьяну де Россо обещании я помнила и старалась проявить внимание к его бабушке, однако та выглядела крепкой, как каменные замковые стены, а потому, казалось, совершенно не нуждалась в заботе. Дать отпор баронессе старая герцогиня могла одним взглядом, под которым не только сгибались служанки, но и я чувствовала себя обязанной немедленно выполнить все, что потребовала Ортензия. Будь она королевой, думаю, при дворе не осталось бы ни одной бесстыжей особы, подобной Виенне де Кастеллано.

Тому, как нужно себя вести, когда меня будут представлять его величеству, пытались научить обе – и Ортензия, и Виенна. Только совершенно по-разному. Одна твердила о чувстве собственного достоинства, о приличествующих замужней женщине закрытых нарядах и о том, что мне лучше помалкивать, оказавшись среди придворных. Вторая

стояла на том, что следует проявить остроумие, беззастенчиво говорить все, что придет на ум, и ни в коем случае не надевать скромные платья, лишенные намека на декольте.

От их противоречивых наставлений голова шла кругом. Насколько приятнее было заниматься с Янисом! Хотя опыта преподавания у него не имелось, он оказался терпеливым и мудрым наставником. Каждый урок мы начинали с того, что я пыталась привести в гармонию собственные эмоции и мысли. Получалось с трудом, однако постепенно я начала делать успехи, и мы перешли к самому главному, а именно – к постижению моего дара.

Хальфданец был единственным по-настоящему близким мне человеком в замке. Теперь мы разговаривали друг с другом по-простому, без церемоний. Я почти перестала опасаться колдовства, которым меня пугали с первых лет, проведенных в обители.

В тот день, улучив время поближе к вечеру, мы, как обычно, сидели в беседке. Перед тем как я направилась сюда, меня перехватила в коридоре баронесса и заявила, что хочет о чем-то поговорить. Сославшись на важное дело, я избежала разговора, и все же вопрос, что ей могло от меня понадобиться, засел в голове занозой и отвлекал от занятий.

– Не могу! – огорченно произнесла, чувствуя, как опускаются руки.

– Хочешь посвятить весь урок сосредоточению? – нахмурился северянин.

– Нет, но...

– Закрой глаза. Прислушайся к себе. Почувствуй свой огонь. Здесь... – Янис легко коснулся моей груди над вырезом платья.

Я послушалась. Поначалу до моих ушей доносились птичьи голоса, шепот ветра в кронах деревьев, стрекотание кузнечика в траве. Но затем все эти звуки смолкли, остались лишь стук сердца и дыхание. В моем сердце словно разгоралось пламя. Я могла представить, как оно крепнет и обретает силу, как согревает тело, как скапливается на подрагивающих от нетерпения кончиках пальцев, с которых готовы были сорваться яркие колющие искры.

– Достаточно! – Голос Яниса доносился, словно через туман. Я с трудом разлепила веки и поймала его взгляд. Изумленный и гордый одновременно.

– У меня получилось? – хрипло выдохнула я.

– Еще как! Но пообещай, что без меня практиковать упражнения не будешь. Это может быть опасно, – добавил он строго.

– Обещаю! – кивнула я. Меня переполняла легкость, хотелось кружиться и дурачиться. Поддавшись желанию разделить с кем-то эти

ощущения и отблагодарить за них, я вдруг крепко обняла собеседника и на краткий миг прижалась щекой к мягкой ткани белой рубашки. От его кожи пахло хвоей и можжевельником. – Спасибо... спасибо тебе...

– Ваша светлость!

Услышав оклик, я обернулась и увидела одну из горничных. Ту самую, которая рассказывала о беседе герцога и Виенны после ее приезда в замок. На лице девушки тревога смешалась с разочарованием, и я поняла, что после увиденного она и меня, должно быть, сочла бесстыжей.

– Что произошло? – спросила я.

– Ваш супруг вернулся... Он ранен. Ему очень плохо! – выпалила горничная и, некрасиво искривив лицо, заплакала. Пока я растерянно переводила взгляд с нее на Яниса, горничная утерлась фартуком и посмотрела на меня с горькой укоризной. – Он зовет вас обоих.

Хальфданец, ничего не сказав, пошел к замку. Торопливо, почти бегом, ни на кого не оглядываясь. Я последовала за ним.

Глава 22

Возле двери в комнату герцога Янис остановился и пристально взглянул на меня.

– Ты помнишь, о чем я говорил? Сможешь сдержаться, если снова испытываешь сильные эмоции? – спросил он. Я, тяжело дыша после быстрой ходьбы, кивнула в ответ, и собеседник толкнул дверь.

Прежде я никогда не входила в спальню Себастьяна де Россо, но сейчас мне было не до того, чтобы рассматривать интерьер. Взгляд тут же метнулся к постели, на которой лежал человек, и чужой, и близкий для меня одновременно. Я боялась того, что предстояло увидеть, но на деле все оказалось не столь ужасно, как в моих фантазиях. Несмотря на мраморную бледность лица, затрудненное дыхание и наполнивший комнату тяжелый запах болезни, герцог оставался сильным и красивым мужчиной. Мужчиной, который поцеловал меня на прощанье и сказал, что непременно исполнит все, что пообещал.

– Как тебя угораздило? – спокойным голосом поинтересовался Янис, подходя ближе. Я неловко сделала несколько шагов, заметив, что взгляд моего мужа, скользнув по лицу хальфданца, остановился на мне. Должно быть, вид у меня был растерянный и напуганный, но я приблизилась и встала рядом с кроватью.

– Ты ведь знаешь, как это бывает, – хрипло отозвался герцог. – Лилиан... Вы побудете со мной?

– Но сначала я тебя осмотрю, – заявил северянин. – А твоя жена немного подождет в коридоре. Хорошо?

Я выскользнула за дверь и остановилась, пряча дрожащие руки в складках платья. Недавняя эйфория ушла без следа, сейчас меня переполняли страх и смятение. Прикрыв глаза, стала молиться за здоровье супруга, от волнения не сразу вспомнила нужные слова, но все же отчаянно надеялась, что боги меня услышат.

Янис вышел через какое-то время.

– Ты можешь его вылечить? – с надеждой обратилась к колдуну, но он лишь покачал головой.

– Такой дар редко кому дается. Нам легче убивать, чем исцелять. Прости.

Я вспомнила, как в панике убегали разбойники, против которых использовали колдовской артефакт, и вздохнула, соглашаясь.

– Конечно, я постараюсь найти в округе хорошего лекаря, но, боюсь, отыскать его непросто, да и в квалификации местных врачей не уверен. А врач из столицы может не успеть, даже если послать за ним прямо сейчас. Путь неблизкий.

– Но он ведь не... – запнулась я, не решаясь произнести слово, которое разом стирало все краски жизни, делало ее мрачной и какой-то застывшей. – Такого не должно произойти! Скажи, что Себастьян будет жить!

– Ты ведь хотела стать свободной, – ответил колдун. – Теперь у тебя появился шанс. Не так ли?

Это прозвучало безжалостно, и я до боли стиснула кулаки, понимая, что в чем-то хальфданец прав. Я действительно мечтала о свободе, наивно, по-детски. Но не такой же ценой!

Ничего не ответив, открыла дверь и вошла в комнату. Герцог повернул ко мне голову. Его лицо исказила гримаса боли.

– Подойдите... подойди ближе... – попросил он, и я исполнила его просьбу. Осторожно присела на край кровати, положила ладони на одеяло. – Дай мне на тебя посмотреть...

– Вам лучше молчать, – отозвалась я, проклиная себя за то, что не попросилась в ученицы к сестре Николине. Будь она здесь, наверняка знала бы, что делать. – Разговор вас утомляет...

– Мы еще так много не сказали друг другу...

К горлу подступил комок, но я не заплакала. Лишь коснулась пугающе холодных пальцев и мысленно дала себе обещание: «Я научусь его любить, я сделаю все, чтобы лучше узнать его и сделать счастливым, пусть только он поправится!»

– Мы еще скажем, – произнесла вслух, ощущая, как слова царапают горло. – Обязательно скажем. Совсем скоро. И танцевать вы меня тоже научите... Ты научишь, – поправила я и увидела на лице мужа слабую улыбку.

О том, что с ним произошло, я не расспрашивала, пришла к выводу, что выясню позже. А в те минуты просто сидела рядом, не выпуская его руки. В тишине, которая была приятнее любой музыки.

Но через какое-то время нас потревожили. Скрипнула дверь, вошла Виенна де Кастеллано, сопровождаемая Алариком. Недовольно скривившись при виде меня, она уставилась на герцога с таким выражением лица, словно обнаружила в перевязанной лентами подарочной коробке жабу.

– Вы хотели о чем-то со мной поговорить, – напомнила я баронессе,

которая молчаливо застыла посреди комнаты. – Не будем откладывать. Выйдем.

Бесцеремонно взяв за локоть, вывела женщину в коридор.

– Что ты себе позволяешь?! – вырвалась она и брезгливо отряхнула рукав недавно сшитого платья, точно своим прикосновением я осквернила его.

– Себастьяну нужен покой, не думаю, что...

– Это твоя вина! – выкрикнула баронесса, показывая на меня похожим на птичий коготь пальцем. – Ты принесла ему несчастье! Будь я на твоём месте, такого не случилось бы!

– Так кто же вам помешал? – осведомилась я.

– Конечно же ты! Грязная девка, нахалка! Даже родословной своей не знаешь, а туда же, стала женой герцога!

– Он сам так решил, – стараясь держать себя в руках, заметила я, но собеседница в ответ еще больше разъярилась.

– Нет! Он тебя не выбирал! Ему пришлось жениться на тебе! Но теперь Себастьян уже не тот мужчина, который привлекал меня когда-то! И оставаться здесь я больше не намерена!

Развернувшись на каблуках, Виенна зашагала к своей комнате, а я привалилась к стене, повторяя про себя услышанное. Для герцога наш брак тоже был вынужденным? Но почему?..

Из комнаты вышел Аларик, о котором в пылу разговора с Виенной я забыла.

– Баронесса сказала, что собирается уехать, – сообщила ему.

– Её право, – невозмутимо отозвался он. – Кажется, ваш супруг говорил, что может одолжить ей карету и людей для охраны. А я собираюсь остаться.

– Что вам здесь делать? – спросила удивленно.

– Хочу помочь герцогу.

– Вы?

– Мне известно, как лечить подобные раны.

– Но вы ведь не...

– Я наемник, ваша светлость, а на заданиях случается всякое. Если ничего не сделать, ваш муж покинет мир живых. Даже если отправить кого-либо за медиком из столицы, это не поможет – быстро он сюда не доберется.

Янис сказал то же самое. Я понуро опустила голову, борясь со слезами. Затем взглянула в лицо собеседнику, который выжидающе смотрел на меня.

– Хорошо. Сообщите, что вам нужно и требуется ли помощь? Мне все

равно, сколько это будет стоить. Думаю, госпожа Ортензия со мной согласится.

– Как скажете, ваша светлость. Цену обсудим позже. И... пожалуй, не стоит говорить баронессе о цели моего пребывания в замке – не надо ее задерживать, – добавил Аларик с видом заговорщика, и я решительно кивнула в ответ.

Когда наемник ушел, пообещав, что скоро вернется, я снова вошла в спальню герцога. Себастьян задремал, но, услышав мои шаги, открыл глаза. Я коснулась его руки. Мне показалось, что его кожа стала чуть теплее.

– Человек, который только что заходил, сказал, что может тебе помочь.

– Телохранитель Виенны?

– Он не ее телохранитель, он наемник, которого король отправил сопровождать баронессу.

– Я смотрю, ты не теряла времени даром. Успела все выяснить. Но как он поможет?

– Наемник сказал, что уже лечил такие раны. Пожалуйста, не отказывайся! Может быть, это наш единственный шанс...

– Хорошо. Я согласен. Кажется, мне все равно нечего терять, – выдохнул Себастьян и медленным ласкающим движением погладил мою ладонь.

– Не говори так, – попросила я.

– Ты помнишь, что обещала позаботиться о бабушке? И Янис... Он ушел, потому что не любит ощущать собственное бессилие. Колдовство не исцеляет, Лили. Оно может только убивать.

– Он говорил, что есть люди, наделенные особым даром, они могут лечить, – отозвалась я, не уточняя, что такой дар – большая редкость. Мои колдовские силы, как объяснил хальфдәнец, могли помочь лишь мне самой, потому мои раны и затягивались так быстро. Помочь мне – но не другим.

Виенна, рассерженно хлопнув дверью, сбежала вниз по лестнице. Куда подевался проклятый наемник? Когда в нем нет нужды, он тут как тут, а когда необходим, днем с огнем не сыщешь.

Остановившись, чтобы перевести дух, баронесса обернулась. Несмотря на солнечную погоду, замок оставался зловещим и мрачным. Виенна ненавидела его всей душой и чувствовала, что больше ни дня не может оставаться здесь.

Она и так достаточно выдержала. Торчала в глуши, ожидая возвращения герцога. Терпела унижения от его бабки, которая запретила ей – ей, баронессе де Кастеллано! – сидеть за одним с ней столом.

Заказывала одежду провинциальной портнихе, которая ничего не смыслит в столичной моде. Мило и дружелюбно, как с Иларией, разговаривала с наглой выскочкой Лилиан, хотя больше всего на свете хотелось вцепиться ей в волосы!

– С меня достаточно! – произнесла вслух Виенна.

Случившееся с герцогом де Россо стало последней каплей. Виенна все поняла, едва переступив порог его комнаты, после того как хлюпающая носом горничная принесла тяжелое известие. Баронесса увидела герцога и сразу подумала, что оставаться в замке нет никакого смысла. Этот накрытый одеялом мужчина, от которого пахло кровью и гноем, больше не был ее Себастьяном. Если бы сейчас его увидели придворные, они почувствовали бы к его любовнице не зависть, как прежде, а жалость. Такого Виенна стерпеть не могла.

Послышались шаги. Ее догнал Аларик.

– Собирайся, мы уезжаем! – бросила баронесса и с изумлением увидела, что наемник в ответ отрицательно покачал головой.

– Что ты хочешь сказать?

– Вы уезжаете, а я остаюсь.

– С какой это радости?

– Мне здесь нравится.

– Но я тебя наняла!

– Я не выполнил ваше поручение, да и аванса не получил, вы ведь их не признаете.

– А если в дороге на меня нападут разбойники?

– Люди герцога сопровождают вас в столицу.

– И как я объясню, что уезжаю, а мой телохранитель остается?

– Я не оправдал вашего доверия, и вы меня уволили.

– У тебя, как я погляжу, на все готов ответ. Что ж, оставайся! Еще пожалеешь об этом!

Развернувшись, Виенна пошла дальше. Скорее на свежий воздух! Побыстрее выбраться отсюда! Еще встретятся люди, которые по-настоящему ее оценят! Баронесса нравится самому королю, так что не поздно отодвинуть Иларию и занять место фаворитки!

Не обратив внимания на то, что пробежала мимо Ортензии де Россо, баронесса толкнула тяжелую дверь. Ее окликнула экономка. Виенна оглянулась и окинула старую герцогиню и служанку презрительным взглядом.

– Прикажете заложить карету! Немедленно! Я возвращаюсь в столицу.

Глава 23

Герцогу стало хуже. Если поначалу он еще разговаривал со мной, то к вечеру того же дня почти не приходил в сознание. Ему даже не успели сообщить об отъезде Виенны. Я не могла успокоиться, понимала, что не прощу себя, если обрету свободу от брака ценой жизни мужа.

Аларик сказал, что помощь ему не понадобится. Потребовал горячую воду, какие-то сухие травы из тех, что, к счастью, легко отыскились в запасах экономки. Наемник взялся за лечение, но меня в комнату к Себастьяну не пустил.

– Поверьте, ваша светлость, вам лучше этого не видеть, – заявил твердо и оттеснил меня от двери. – Отдохните немного. Побудьте с госпожой Ортензией.

При мысли о том, что придется разделить эти тягостные минуты с бабушкой супруга, я покачала головой. Мы не настолько сблизились, и я не сомневалась, что старая герцогиня предпочтет оставаться в одиночестве и ни с кем не делиться собственным горем. Поэтому я отправилась на поиски единственного своего друга – то есть Яниса.

Северянин обнаружился в самой высокой башенке замка. Не обращая внимания на ветер и опасность свалиться вниз, сидел на каменном парапете, покачивая ногой в черном кожаном сапоге. Компанию ему составляла початая бутылка вина.

– Что ты тут делаешь? – спросила я, приблизившись.

– А, Лилиан, – ничуть не удивился моему появлению хальфданец. – Нашла меня, маленькая колдунья... Как Себастьян?

– Он без сознания, но Аларик пообещал помочь, – отозвалась я и сбивчиво рассказала обо всем, что случилось без Яниса.

– Ты веришь наемнику, прибывшему с баронессой? – нахмурился собеседник, выслушав меня.

– Хочу верить. Ведь иначе получается, что остается ждать... неминуемого. А я этого не желаю, – решительно произнесла в ответ.

– Прости. Должно быть, мои недавние слова прозвучали жестоко, – сказал колдун, положив тяжелую ладонь мне на плечо. – Я вовсе не думаю, что ты...

– Забудем, – оборвала его. – Видишь, я справилась? Несмотря на сильные эмоции, сумела сдержаться.

– Ты молодец, – криво ухмыльнулся Янис, отсалютовав мне

бутылкой. – Хочешь? Ваше вино пьянит сильнее поцелуев...

Стараясь не показать охватившего меня после его слов смущения, пожала плечами:

– Я не догадалась взять бокал.

– А зачем? Пить можно и так. Мы ведь не на праздничном ужине. Давай! Тебе тоже нужно немного расслабиться.

Я растерянно взяла из его рук бутылку и сделала глоток. Хмельная сладость полилась в горло. Я не часто пила крепкие напитки, так что меня почти сразу же повело.

– Не смотри вниз, – предупредил северянин. Очень вовремя – мой взгляд уже почти успел скользнуть во внутренний двор у подножия башни. – И будь осторожна на лестнице, когда станешь возвращаться.

– Виенна де Кастеллано уехала, – задумчиво сообщила я.

– Ты уже говорила.

– Правда? Не помню... Как думаешь, герцог считает, что она красивее меня?

– Что за глупости? – ответил хальфданец.

– Но он ведь... он с ней... – запнулась я, не зная, как высказать все, что накопело на душе. – А еще она заявила, что герцог вынужден был взять в жены меня, а не ее. Но как... почему?

– Спросишь у Себастьяна, когда он поправится. Но я бы на твоём месте не верил этой особе. Она все что угодно могла сказать, чтобы посеять раздор между вами.

– Он не любил ее. Ведь не любил, правда? – Я с надеждой вскинула взгляд на собеседника.

Тот невесело улыбнулся:

– Какое же ты еще невинное дитя, Лили... Впрочем, хотелось бы надеяться, что ты останешься такой всегда. И никогда не обратишь свой дар во зло.

– Мой дар... – повторила я. – Интересно, откуда он? И почему тебе показалось, что во мне течет хальфданская кровь?

– Все может быть, – заметил северянин, мягко вынимая бутылку у меня из пальцев. – Внешне ты не похожа на наших девушек, а вот характером... Даже сейчас ты не плачешь, а отчаянно стараешься исправить положение.

– Ты не расскажешь, куда ездил мой муж и кто с ним такое сотворил?

– Он сам ответит на все твои вопросы, когда посчитает нужным. А пока надо верить в то, что вскоре мы увидим его живым и здоровым. И не только внук экономки, но и ваши дети будут бегать по замку.

Не обращая внимания на то, что от услышанного я покраснела, Янис спрыгнул с парапета и протянул мне руку.

– Что ж, нам лучше вернуться. Вдруг Аларику что-то понадобится. И еще... мне бы хотелось поговорить с ним наедине.

– О чем? – насторожилась я.

– Хочу выяснить, кто он такой. Не похож этот тип на простого наемника. Обычно они еще те головорезы.

– Думаешь, Аларик опасен?

– Будем надеяться, что для нас нет, и все же мне он кажется подозрительным. Не думай пока о плохом. С неприятностями лучше разбираться по мере их поступления.

По лестнице, ведущей из башни на второй этаж замка, я спустилась первой. За мной шел Янис с почти опустевшей бутылкой. И – вот ведь невезение! – в коридоре мы снова столкнулись с той самой горничной, которая видела, как я обнимала хальфданца. Серdito взглянув на нас обоих, девушка юркнула в комнату, которую до сегодняшнего дня занимала баронесса. Видимо, экономка отдала распоряжение там прибраться.

Если бы не случившееся с герцогом, какая тяжесть упала бы с моих плеч от мысли, что Виенны больше нет в замке! Но я знала, что нам с ней придется встретиться. Чувствовала, что наш недавний разговор не был последним.

Следующей, кого мы увидели, оказалась Ортензия де Россо. Произошедшее с внуком не подкосило ее, во всяком случае, так казалось со стороны. Все та же гордая осанка, строгий взгляд, безупречно сидящее платье. Я не без смущения глянула на свое собственное, которое немного помялось, пока я находилась в башне. Бабушка герцога обратилась ко мне в полной уверенности, что я не стану возражать:

– Нам нужно поговорить, пойдем.

Оглянувшись на Яниса, который ободряюще кивнул мне в ответ, я последовала за герцогиней. Ортензия вошла в библиотеку и села за стол. Сейчас она напоминала требовательную наставницу, к которой привели провинившуюся ученицу, – именно таковой я себя в этот момент ощущала.

– Что тебе сказала баронесса перед тем, как уехать?

– Она... – запнулась я, лихорадочно размышляя над тем, о чем сказать, а о чем лучше промолчать. – Она обвинила меня в том, что случилось с герцогом. Сказала, что я приношу несчастья.

– Вздор, – фыркнула собеседница. – Мой внук совершил большую ошибку, когда связался с той женщиной. Но людей сложно удержать от глупостей, особенно после того, как они входят в пору, когда проще всего

их наделать.

– Должно быть, вы правы, – пробормотала я, все еще надеясь, что обвинений в мой адрес не последует. – Но, мне кажется, Виенна де Кастеллано сюда не вернется. Себастьян поправится, и все наладится...

– Что это за разговоры о твоих отношениях с хальфданцем?

– О моих... что? – похолодела я.

– Горничная видела, как вы обнимались. К тому же вы слишком много времени проводите наедине. Неужели северянин нравится тебе больше, чем супруг? А знаешь, как в прежние времена наказывали женщин, обвиненных в измене мужу? Сказать? – холодно усмехнулась герцогиня.

– Янис – добрый друг герцога. Он никогда не поступил бы с ним бесчестно... Никогда не сделал бы ничего, что может навредить Себастьяну де Россо и его репутации, – твердо ответила, встретив ледяной взгляд Ортензии. – Вы можете подозревать меня и не верить моим словам, потому что я здесь недавно, но с Янисом герцог дружен с давних пор и, насколько мне известно, весьма его ценит. Не так ли?

– Он спас ему жизнь. Этот мужчина помог Себастьяну, мой внук стал должником колдуна, поэтому ему пришлось проявить гостеприимство, чуть ли не признать членом семьи. Но порой меня терзают сомнения, а не подстроил ли северянин тот случай, чтобы втереться в доверие к Себастьяну?

– Вы что, считаете, что Янис – хальфданский шпион? – выпалила я, изумленно уставившись на собеседницу. – Будь он шпионом, наверняка давно отыскал бы способ подобраться к столице и королю. И скрывал бы, что умеет колдовать, чтобы не слишком выделяться.

– Можно подумать, что ты разбираешься в людях! – фыркнула Ортензия. – Сначала мой внук, потом ты – вы оба попали под влияние колдуна и готовы его защищать! Себастьян был воспитан как аристократ, но после знакомства с хальфданцем начал заявлять, что происхождение – не главное в человеке! А что дальше? Посадит за стол крестьян и начнет кормить их с серебряных тарелок?!

– Для начала Себастьян должен выжить, а там пусть хоть свинью за стол сажает! – не сдержалась я. – Что касается вашего вопроса о моих отношениях с Янисом, то горничная все поняла неверно. Я не такая бесстыжая, как баронесса, и никогда не стала... не стала бы...

Оборвав бессмысленный разговор, я развернулась и выскочила из библиотеки. А в коридоре попала прямо в руки к объекту нашей с герцогиней беседы. Янис удержал меня за плечи и легким, едва ощутимым прикосновением стер слезинку с моей щеки. Странно, а я и не заметила,

что едва не расплакалась. Меня трясло. Руки снова начали неприятно дрожать.

– Тише, тише... Куда ты так торопишься? Себастьяну гораздо лучше. Он спит, но его сон уже не похож на болезненное беспамятство. И жар почти спал. Хорошая новость, правда? – Янис встряхнул меня, чтобы привести в чувство, и мне на самом деле стало немного легче.

– Д...да. Хорошая. Ты поговорил с Алариком? – спросила я.

– Он заявил, что очень устал, и отправился отдыхать. Но я еще поговорю, не сомневайся. Для чего тебя вызывала госпожа Ортензия? – поинтересовался собеседник.

– Так, всякие глупости. Слуги ей что-то наболтали. И про баронессу спрашивала – наверное, не может поверить, что та наконец-то уехала и больше не будет никому здесь докучать.

– Тебе тоже нужно отдохнуть, так что иди к себе и попробуй заснуть, – напутствовал Янис, мягко подтолкнув меня в нужном направлении. – Сказать горничным, чтобы принесли тебе чего-нибудь? Воды или, может, травяного отвара?

– Нет, ничего не нужно, – отказалась я и направилась к своей комнате, показавшейся сейчас единственной надежной гаванью, в которой можно было хотя бы недолго побыть наедине с собой и еще раз помолиться о выздоровлении Себастьяна.

А также о том, чтобы наша жизнь действительно наконец-то наладилась.

Глава 24

Последующие дни вереницей тянулись один за другим, складываясь в недели. Герцог поправлялся. Аларик, занимающийся его лечением, во время процедур никого не впускал в комнату, зато потом и я сама, и Янис, и Ортензия получали возможность навестить больного и провести с ним некоторое время. Мне не было известно, о чем Себастьян говорил с хальфданцем и бабушкой, но, когда наступала моя очередь сидеть с герцогом, я читала ему вслух, рассказывала, что происходит в замке, и всячески старалась развлечь и подбодрить. Может быть, целительского дара мне и не досталось, но я помнила, как вела себя сестра Николина, заботясь о захворавших девушках. Ее мудрые слова и теплая улыбка дарили надежду и уверенность в том, что все непременно будет хорошо.

В остальное время я занималась тем же, чем и в те дни, когда супруг отсутствовал. Учила маленького Луиджи и от души радовалась его успехам, которые становились все значительнее. Вышивала в своей комнате и находила в рукоделии неведомое прежде удовольствие, позволяющее почувствовать, что хоть что-то в мире в моей власти, и только от моего желания и мастерства зависит, какая картина появится на белом холсте.

Вернулись мы и к занятиям с Янисом. Я понимала, что, по мнению прислуги и Ортензии де Россо, уединяясь в беседке, мы совершаем что-то предосудительное, но сейчас гораздо важнее было овладеть своим колдовским даром, чем выглядеть хорошей и правильной в глазах окружающих. Ведь они ничего не знали, и надо было постараться, чтобы не узнали никогда.

О словах старой герцогини Янису я ничего не сказала. Постыдилась пересказывать сплетни прислуги, которые слышала Ортензия. Да и о ее подозрениях говорить не хотелось. Они представлялись мне совершенно беспочвенными. Ведь, будь Янис действительно шпионом, он не торчал бы в глуши так долго, а отыскал бы возможность подобраться к королю Арнальдо и государственным делам, вершащимся в столице Ирстании, а не тут, в провинции, где время казалось застывшим, как янтарь, а новости о происходящем в стране нередко доходили с большим опозданием.

Так, с опозданием, мы узнали, что нареченная его величества прибыла из Хальфдана, и скоро состоится помолвка. Себастьян получил приглашение, однако пока сомневался, что успеет к тому времени выздороветь. Отправленное королевским секретарем письмо извещало, что

герцог может прибыть с супругой, но при мысли о новой встрече с Виенной де Кастеллано, которая наверняка явится на помолвку, у меня портилось настроение.

– Не волнуйся, – утешал меня Янис. – Думаю, Себастьян баронессе уже не интересен. Увидев его в тяжелом состоянии, она тут же сбежала.

– Но, когда она встретит его и поймет, что он здоров, как прежде...

– Уверен, она уже увлеклась другим мужчиной. Такие женщины не умеют хранить верность. Вот увидишь, баронесса испытывает силу своих чар на каком-нибудь бедолаге.

Не сказала бы, что слова колдуна сильно меня успокоили, но все же стало немного легче. Да и прочих забот хватало, поэтому времени на размышления о встрече с Виенной почти не оставалось. Втайне я надеялась, что один из поклонников женится на баронессе и она окончательно позабудет о герцоге де Россо.

После беседы с Ортензией мы обе сохраняли вежливый нейтралитет. Она осуждала меня – я понимала это по ее холодным взглядам и сухим отрывистым репликам, когда нам приходилось обмениваться ими – однако больше не пыталась высказать все, что думает. Я тоже помалкивала, смирившись с тем, что с единственной близкой родственницей мужа мне сблизиться не суждено. Чтобы не расстраивать Себастьяна, я ничего ему не говорила и не жаловалась на герцогиню. Он тоже больше не заводил разговоров о том, что я должна позаботиться о его бабушке. Это означало, что герцог пошел на поправку и перестал думать о смерти.

Аларик избегал разговоров и со мной, и с Янисом, но свое дело знал хорошо. Он вел себя скромно, не захотел переходить в другую комнату, ночевал и питался там же, где и прежде, со слугами. Кроме того, лишний раз не показывался на глаза Ортензии, которой не очень нравилось, что лечением внука занимается какой-то пришлый человек, да еще и наемник.

Все шло своим чередом, и однажды Себастьян, которому изрядно наскучило лежать в постели, смог подняться на ноги и сделать несколько шагов от кровати к открытой двери. Посмотреть на это сбежался весь замок. Я видела слезы радости на глазах людей и понимала, что они всей душой любят своего господина и дорожат им. На меня никто, кроме благодарной за обучение Луиджи экономки, так не смотрел. Я оставалась чужачкой, незнакомкой, однако не могла винить людей герцога за то, что они пока не признали меня своей.

– Физические упражнения весьма полезны, но так можно и переусердствовать, а это вредно, – пробормотал себе под нос хальфданец и направился к Себастьяну, чтобы поддержать его и помочь вернуться на

ложе. Ортензия поморщилась, строго посмотрела на слуг, разгоняя их. Те разошлись по своим делам, а бабушка герцога повернулась ко мне.

– Вы что-то хотели? – осведомилась я вежливо.

– Себастьян поправляется. Думаю, вы с ним уже достаточно долго откладывали самое необходимое. Сразу же, как только он будет в состоянии выполнить супружеский долг, проведешь с ним ночь, и, если выяснится, что ты изменяла супругу, понесешь суровое наказание.

Я смотрела на пожилую женщину и чувствовала отвратительный горький привкус во рту. Если только что меня переполняла радость от того, что герцог пошел на поправку, то сейчас возникло иное чувство. Проводя немало времени с Янисом и Себастьяном, я привыкла к тому, что меня воспринимали, может быть, и не наравне с мужчинами, но как кого-то, к чьему мнению можно прислушаться. Однако Ортензия де Россо снова дала понять, что я слишком рано расправила крылья, ведь она смотрела на меня с одной точки зрения – я должна стать матерью ребенка, мальчика, который однажды унаследует все.

– Мой внук едва не погиб, так и не успев обзавестись сыном, – подтвердила мои мысли собеседница, должно быть, принявшая молчание за смирение. – Страшно представить! Наш род остался бы без наследника!

– И... кому бы досталось имущество герцога? – любопытствовала я.

– Дальним родственникам, – презрительно бросила Ортензия, и по ее интонации я поняла, что эти родичи, кем бы они ни были, ей не по душе. – Седьмая вода на киселе! Тут же налетели бы, как воронье, а тебя, милочка, учитывая, что ваш брак не consummated, в лучшем случае отправили бы туда, откуда ты явилась!

– А в худшем?

– Кто-нибудь из родственников женился бы на тебе, прельстившись твоим смазливym личиком. Но не спеши задирать нос! Красота быстро проходит, помни мои слова!

Я молчала, хотя чувствовала, как закипаю от возмущения. Мне следовало сжать зубы и сдерживать себя, ведь в противном случае я могла наворотить таких дел, которые не получилось бы списать на сквозняк или другую случайность. Янис не раз предупреждал, что обнаружить способности к колдовству проще, чем скрыть их. На кону стояла моя жизнь, и разоблачить себя – означало неминуемо погибнуть. Вспомнив уроки наставника, я сделала глубокий вдох и уже собиралась, извинившись, скрыться с глаз герцогини, но собеседница вновь заговорила.

– Распоряжусь, чтобы начинали приготовления, – пробормотала себе под нос бабушка мужа, окинув меня недовольным взглядом. – Хоть ты мне

и не по нраву, мой внук что-то в тебе нашел, раз надумал взять в жены. Пусть сам убедится, что ему следовало прислушаться к моему мнению!

– Да вам никто не понравится! – выпалила я, не успев прикусить язык, и тут же пожалела о своем порыве. – Даже если бы богиня счастья и благополучия спустилась с небес, притворившись обычной девушкой, вы и в ней отыскиали бы недостатки! Не вам решать, когда мы... когда Себастьян и я...

Не закончила фразу и, понимая, что не выдержу, бросилась прочь. Слезы застилали глаза. Я не замечала, куда бегу, пока не уперлась носом в дверь, которая обычно всегда была закрыта. Однако сейчас я забыла про это обстоятельство и толкнула ее обеими руками. Удивительное дело! Дверь поддалась, открылась, и я оказалась в комнате, где никогда прежде не бывала.

Никогда прежде? Но почему это место показалось таким знакомым? И выцветший гобелен на стене с изображением цветущего вишневого сада, и изъеденное молью покрывало на неширокой кровати, и плотно сомкнутые занавески на окне, опускающиеся до самого пола.

Нахмурившись, я попыталась вспомнить нашу с герцогом и хальфданцем прогулку по замку. Кажется, мне сказали, что за дверью пустая комната, которой не пользуются, да и ключ давно потерян. Однако комната вовсе не пустовала и, несомненно, когда-то была жилой.

Ощущение, что вещи или пейзажи кажутся знакомыми, посещало меня и раньше, однако никогда оно не было таким сильным, как здесь. Я словно возвратилась туда, где провела месяцы, если не годы. А еще, когда я находилась в запертой до этого комнате, меня накрыло тоской и горечью из-за несбывшегося и невозвратного. От этого еще сильнее захотелось плакать. Плакать беззвучно, накрывшись с головой одеялом, ни в чем не видя и не находя утешения.

Что тут происходит? Почему именно со мной? Ведь я всего лишь хотела найти свое место в мире...

Должно быть, меня искали, но в ту минуту меня не волновало, что обо мне подумают обитатели замка. Добравшись до кровати, не обращая внимания на щекочущий ноздри запах пыли, я забралась на покрывало с ногами. Уткнулась лицом в колени, чувствуя, что ткань платья становится влажной от слез, которые неудержимо текли по щекам, оставляя вкус соли на губах.

Я не помнила, чтобы когда-нибудь прежде бывала в замке де Россо, но совпадений стало чересчур много, и я уже не могла их игнорировать. Янис говорил, что воспоминания могут вернуться сами, а потому не нужно их

поторапливать. Однако можно ли этому верить?..

Глава 25

Когда, вволю наплакавшись в таинственной комнате, я вернулась к себе, уже наступил поздний вечер. Подумала, что все в замке уже видят десятый сон, но, когда собралась лечь спать, в дверь постучали. Пришла экономка, бабушка Луиджи.

– Вы ведь сегодня не ужинали, – пробормотала она и поставила на столик рядом с моей кроватью поднос. – Вот, собрала кое-что. Вам нужно подкрепиться.

– Спасибо! – поблагодарила я, ощутив, что на самом деле немного проголодалась. – Но... вы ведь могли прислать горничную. Почему пришли сами?

– Поговорить захотелось, – со вздохом отозвалась экономка. – Можно кое-что сказать? – спросила она, словно ожидала, что я могу ответить отказом. Я кивнула на стул, а сама села на край кровати, готовясь внимательно слушать. – Вы не сердитесь на госпожу Ортензию... Герцог – единственный из ее семьи остался в живых, и она, хоть и не показывает своих чувств, очень за него тревожится.

– Но разве я представляю для него опасность? Или Янис? Почему она так несправедлива по отношению к нам? – удивилась в ответ.

– Думается мне, она боится, потому что ее сын связался однажды с неподходящей женщиной, а вы напоминаете ее госпоже Ортензии, – вздохнула собеседница.

– С неподходящей женщиной? – нахмурилась я. – Вы имеете в виду мать Себастьяна? Но разве она...

– Нет-нет! – замахала руками экономка. – Не ее. После смерти супружницы прежний герцог де Россо захотел жениться снова и привез красивую молодую женщину. Однако та оказалась... У нас об этом не говорят, так что, наверное, зря я разболталась. Вы – совсем не то же самое, что она, ваша светлость. Даже думать не смейте! Уверена, и госпожа Ортензия поймет однажды, что вы не такая. У вас доброе сердце, вон как Луиджи радуется, что вы взяли его учить. И о муже заботитесь, всей душой переживаете за его здоровье, не то что та столичная свиристелка, которая мигом отсюда укатила, когда его привезли раненым!

Догадавшись, что она говорит о баронессе, я невольно усмехнулась. Собеседница явно старалась сменить тему, но я задумалась, сопоставив ее слова с поведением Ортензии де Россо. Конечно, бабушке Себастьяна

многие женщины могли показаться неподходящими для ее драгоценного сына, и все же...

Весьма любопытно.

– Так что поверьте мне и не волнуйтесь. Однажды госпожа Ортензия непременно отгадает. Вот увидите! Вы ешьте, а я пойду. Доброй ночи!

Экономка ушла, оставив меня с целым подносом разнообразных закусок, а я еще долго сидела, глядя в одну точку и размышляя об услышанном.

Казалось, что наутро все пошло своим чередом. Я навестила герцога, который снова встал на ноги и дошел до окна. Хальфданец и Аларик помогали ему, поддерживая с двух сторон. Но Себастьян, переведя дух, выразил желание сделать несколько шагов самостоятельно. Стоя у двери, я улыбалась ему и старательно отгоняла навязчивые, как мухи, воспоминания о вчерашних словах его бабушки. Ее недоверие, гнусные подозрения и неприязнь больно ранили, но очень уж не хотелось, чтобы отношение ко мне Ортензии омрачало радость от выздоровления герцога.

Мне о многом хотелось спросить Себастьяна, но сейчас, поскольку он еще окончательно не поправился, я молчала. Не давали покоя и слова Виенны де Кастеллано о том, что Себастьяну пришлось на мне жениться, и загадка запертой комнаты – я догадывалась, что мне удалось открыть ее с помощью колдовского дара, всплеск которого спровоцировали вчерашние эмоции. А еще тревожил рассказ экономки о таинственной женщине, которую когда-то собирался взять в жены отец нынешнего герцога де Россо.

Любопытно, были ли все эти странности как-то связаны между собой? Словно детали одной картины, разрезанной на мелкие части. Но получится ли у меня когда-нибудь увидеть это полотно целиком?..

– Урока сегодня не будет, – сообщил Янис, когда мы вместе вышли из комнаты Себастьяна. – Я не в том настроении. Немного устал.

– Как скажешь, – ответила я. По правде говоря, мой собственный организм, измотанный переживаниями и бессонной ночью, тоже требовал отдыха. Сейчас мне едва ли удалось бы сосредоточиться.

– Госпожа Ортензия продолжает считать, что мы предаем Себастьяна?

– Ты знаешь?! – вспыхнула я.

– Я ведь тоже живу в замке. Среди слуг пошли разговоры. Этого следовало ожидать, – добавил Янис, пожав плечами.

– Но почему герцогиня верит досужим сплетням, а не мне и тебе? До чего же унижительно! – в сердцах воскликнула я.

– Красивым девушкам всегда приходится непросто. Вспомнить хотя

бы гонения на тех, кого обвиняли в колдовстве... Частенько единственным поводом для преследования становилась их красота, которая, как утверждалось, могла привлечь демонов.

– Неужели госпожа Ортензия считает тебя демоном?! – изумилась я.

– Кто ее знает, – осклабился северянин. – Я ей всегда не нравился. А когда мы с тобой начали проводить время наедине...

– Но я ведь не могу рассказать ей правду! Ни ей, ни прислуге! Кстати, вчера я кое-что узнала.

Я поведала Янису о разговоре с экономкой.

– Ты что-нибудь слышал о той женщине?

– Себастьян ничего не говорил. Должно быть, в то время он под стол пешком ходил. Если что-то необычное и происходило, от него могли держать это в тайне.

– Вот как... Выходит, все доподлинно известно лишь госпоже Ортензии и экономке, которая давно здесь живет. Темная история.

– Как бы там ни было, нас она не касается.

«Сомневаюсь», – подумала я, но больше ничего не сказала. Задумалась над тем, как бы выудить из пожилой служительницы замка хоть какие-то подробности.

Такая возможность представилась на следующий день. Луиджи отлично проявил себя на уроке, и я решила похвалиться его успехами перед экономкой. В тот вечер повариха как раз испекла отменный грушевый пирог, щедро посыпанный орехами и сахарной пудрой. После ужина пирога осталось много, и я, прихватив заодно пузатый чайник, направилась напрямиком в комнату к бабушке моего ученика. Жила она скромно и моему неожиданному визиту удивилась, но все же удалось уговорить ее составить мне компанию.

– Значит, говорите, все на лету схватывает? – произнесла экономка, с удовольствием слушая мой рассказ о внуке.

– Еще как! – подтвердила я, пододвигая поближе к собеседнице тарелку с пирогом. – А можно кое-что спросить? Та комната в левом крыле, что всегда закрыта... В ней когда-то поселили женщину, о которой вы недавно говорили? Правильно я угадала?

– Так и думала, что вы этим заинтересуетесь, ваша светлость! – вздохнула экономка. – Сболтнула на свою голову! Там она и обитала. Только недолго. И пары месяцев не прошло, как за ней пришли...

– Кто пришел?

– А те, кто колдуний отлавливал! Прежний герцог ее, конечно, пытался защитить, только не удалось. А госпожа Ортензия встала на сторону

властей, и лицо у нее было... такое, что аж вспомнить жутко! Мне даже почудилось, что она сама на бедняжку и донесла. Не захотела, чтобы та стала ее невесткой.

– Так невесту отца Себастьяна обвинили в колдовстве? – ахнула я и прижала ладонь к губам. – Но за что? Разве она...

– Хальфданкой она была, вот что. Не нашей породы. Беленькая вся – и кожа, и волосы. А госпожа Ортензия не только за себя боялась, но и за родных. За внука особенно – а ну как вздумала бы колдунья сжечь его со свету, чтобы наследником стал ее ребеночек, а не старший сын герцога?

– Но не родилось же никакого ребенка! Они же еще пожениться не успели! И... неужели она обижала Себастьяна?

– Не обижала, так ведь и законной супругой еще к тому времени не стала.

– А почему вам кажется, что я госпоже Ортензии напоминаю ту женщину?

– Обмолвилась она как-то. Ума не приложу, с чего взяла... На вас любой посмотрит и скажет: наша кровь, южная. Хоть и не слишком смуглая кожа, и глаза светлые, а волосы почти такие же темные, как у самого герцога. Очень уж хорошо вы с ним смотрите, когда рядышком. И детки красивые будут... А госпожа Ортензия отойдет, как только убедится, что вы и не думали мужу изменять.

– Вы верите, что я ничего дурного не делала?

– Конечно, ваша светлость! Я бесстыжих от порядочных с одного взгляда отличаю. Не первый год на свете живу. Вы мне сразу по сердцу пришлись, а уж мой Луиджи в вас просто души не чает! Слуги попусту языками мелют, вот и дошли их глупые сплетни до ушей хозяйки.

Осмысливая услышанное, я помешивала остывший чай, в котором, как в маленьком водовороте, кружились чаинки. Так, значит, вот кем оказалась та неподходящая отцу Себастьяна женщина... Уроженкой Хальфдана, которая, должно быть, не ожидала, что в нашей стране станет одной из тех, кого обвинили в колдовстве. Что же с ней стало? Неужели ее, как и других несчастных, сожгли на костре?..

Вспомнился давний сон в обители. Тогда я проснулась, кашляя и задыхаясь от запаха дыма.

– Не забивайте себе этим голову! – забеспокоилась экономка. – Вон как опечалились... Вы ведь, ваша светлость, не хальфданка и не колдунья – вам-то чего бояться? Пусть пока и женаты с герцогом только по бумагам, так за прочим дело не станет. Вот поднимется он на ноги... Госпожа Ортензия уже всю готовится. Хочет поскорее прабабушкой стать, да и кто

ее за такое желание осудит? У меня-то первый правнук вот-вот родится. Будет Луиджи дядюшкой. Сразу взрослым парнем себя почувствует.

– Мне пора, – сказала я, поднимаясь. – Спасибо, что рассказали. Пусть Луиджи завтра приходит в библиотеку в то же время, что и обычно.

Хотелось немедленно поделиться полученными сведениями с Янисом, но я решила, что он уже спит. Поднялась к себе в спальню. Там ярко горели свечи, а на постели лежала приготовленная горничной выстиранная ночная сорочка. Работающие в замке девушки больше не удивлялись тому, что я предпочитаю одеваться и приводить себя в порядок самостоятельно, однако каждый день прибирали в комнате и старались сделать мое существование как можно более комфортным. Постепенно я к этому привыкала. Как и к тому, что теперь меня называли «ваша светлость», а мой безымянный палец украшало обручальное кольцо, свидетельствовавшее о том, как сильно изменилась моя жизнь за последнее время.

Мне не давала покоя еще одна мысль. О каких приготовлениях шла речь? Бабушка Себастьяна о них упоминала, а теперь вот и экономка. Как они связаны с теми обрядами, о которых по дороге проговорился поверенный? От мысли, что это напрямую касается меня и моего ближайшего будущего, становилось не по себе.

Глава 26

На другой день я пересказала все, что узнала от экономки, Янису. Северянин, в чем я успела убедиться, научился хорошо прятать собственные чувства, но сейчас ему не удалось скрыть огорчения. Я его понимала – с такой любовью к землякам ему непросто было узнать, что бабушка лучшего друга почти наверняка приложила руку к тому, что молодую хальфданку обвинили в колдовстве и жестоко казнили, не позволив счастливо жить с любимым человеком или вернуться на родину.

– Больше о ней в замке ничего не слышали, – со вздохом добавила я, подавив порыв ласково коснуться плеча мужчины. Почему-то подумалось, что моего утешения Янис не принял бы. – И говорить о случившемся госпожа Ортензия строго-настрого запретила.

– Ты не выяснила, как ее звали? – спросил колдун.

– Не сообразила спросить! – покаялась я. – Но еще не поздно уточнить. Конечно, бабушка Луиджи помнит о запрете старой герцогини, но она благодарна мне за внука, потому и сделала исключение.

– Не только по этой причине, – отозвался собеседник. – Кажется, она считает тебя будущей замечательной хозяйкой замка. Красивой и великодушной.

– Однако... если она узнает... Если они все узнают... – выдохнула я, невольно представив себя на месте той несчастной молодой женщины, которую полюбил предыдущий герцог. Как ее сюда занесло из Хальфдана? Или отец Себастьяна сам побывал в северной стране и привез оттуда невесту? – Если о моем даре станет известно госпоже Ортензии, та недолго думая сдаст меня охотникам за колдуньями. Сомневаюсь, что эти люди полностью покончили со своим ремеслом. И тогда...

– Не думай про всякие ужасы, – сказал Янис. – Я не оставлю тебя в беде и не позволю, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое. И Себастьян тоже.

– У нас с древности считается, что представителям мужского пола не дано колдовать, – вспомнилось мне. – Потому и преследовали только женщин... – Женщин красивых и ярких, как звезды. Они не могли скрыть свой свет от похотливых и завистливых глаз. – Но есть же ты. Так почему бы не допустить, что и в нашей стране когда-то жили или живут сейчас мужчины с колдовским даром?

– Все может быть, – согласился со мной хальфданец, и лицо его стало

задумчивым. – Но тебе лучше не забивать этим голову. Чем меньше ты знаешься с другими колдунами, тем ниже вероятность того, что тебя выведут на чистую воду.

– Себя ты считаешь исключением? – улыбнулась я.

– Я ведь твой наставник, – напомнил Янис. – Меня тебе надлежит слушаться. Что еще интересного рассказала экономка?

– Ничего, – снова помрачнела я, оживив в памяти разговоры о брачных обрядах. – Какие-то глупости. И еще... не волнуйся, я ни словом, ни взглядом себя не выдала.

– Что ж, поверю на слово. Хорошего дня! А я пойду, проведу твоего мужа.

Разговор с хальфданцем немного поднял настроение, которое тотчас же упало, стоило узреть сухопарую фигуру Ортензии де Россо. Она явилась в библиотеку, зная, что я нередко провожу там время. Я не ожидала, что пожилая женщина снова захочет побеседовать со мной, особенно учитывая, что за завтраком она не сказала мне ни слова, но сразу догадалась, что разговор ничего хорошего не предвещает.

– Тебе нужно сшить платье и сорочку для первой брачной ночи, а Себастьяну новый костюм. Можно, конечно, заказать полный гардероб, раз уж мой внук надумал ехать с тобой в столицу, чтобы представить королю. Однако, если окажется, что ты нарушила клятву верности, никакой поездки не будет, так не лучше ли пока сэкономить?

Я стиснула зубы. После услышанного вчера от экономки бабушка Себастьяна вызывала у меня не только неприязнь и безотчетный страх, но и более глубокие чувства. Я почти ненавидела Ортензию за то, как она поступила с женщиной, на которой собирался жениться отец Себастьяна, прежний герцог де Россо. Да, его супруга и мать наследника рано покинула мир живых, но неужели он не имел права снова вступить в брак? И неужели та молодая женщина из Хальфдана не могла рассчитывать на безопасность в стенах замка, куда ее привез жених, наверняка давший обещание, что будет любить и заботиться о ней?

После рассказов Яниса я не сомневалась в том, что хальфданки предпочитают выходить замуж по любви, а не по принуждению. Подобная участь постигла лишь нареченную короля Арнальдо, помолвку с которой решено было заключить по политическим соображениям.

Теперь я точно знала, что само по себе обладание колдовским даром не является злом. Его сделали таковым людские фантазии. Ведь не просто так говорится, что у страха глаза велики. Все свои беды, включая ухудшение погоды и плохой урожай, люди предпочитали сваливать на колдуний. Они

осуждали женскую красоту, считая, что она прельщает демонов. Но скверный характер ни сейчас, ни в прежние времена не находился в прямой зависимости от внешности. А колдовство... Его можно обернуть как во зло, так и во благо, и лишь от того, кто родился с этим даром, зависит, как он им распорядится.

Но Ортензия де Россо считала иначе. Она терпела в замке Яниса, потому что тот однажды спас Себастьяну жизнь, но при этом упорно подозревала его. Сначала в шпионаже, потом в том, что он предавал герцога, тайно развлекаясь со мной.

– Я могу отказаться от сорочки и платья? – осведомилась у герцогини. – Так вы сэкономите еще больше. Не правда ли?

– Нельзя, – бросила собеседница. – Обряды требуют, чтобы молодожены надевали совершенно новую одежду. Но никто ведь не говорил, что твой наряд будет дорогим.

Должно быть, Ортензия хотела уколоть меня этими словами, однако мне после жизни в обители не привыкать было к скромным вещам. Даже наоборот – роскошь пугала, я не знала, что с ней делать, и боялась ненароком испортить дорогостоящие вещи. Но бабушка моего мужа этого не понимала.

– Надеюсь, ты не станешь жаловаться Себастьяну, – продолжила она. – Ему сейчас нельзя волноваться. Да и с чего тебе быть недовольной?

– Не беспокойтесь, – буркнула я, еще раз напомнив себе о предупреждении Яниса. – Я ничего ему не скажу. Да и действительно, с чего бы?

Ничего не ответив, Ортензия де Россо поджала губы, направилась к выходу из библиотеки и почти столкнулась с Луиджи. Мальчик не ожидал застать тут хозяйку замка и лишь каким-то чудом умудрился не врезаться в нее на бегу и не наступить на юбку. Я подозревала, что мои уроки с внуком экономки Ортензии не по нраву, но герцог их одобрил, так что запретить нам заниматься она не могла.

– Простите за опоздание! – выпалил Луиджи, когда мы остались наедине.

– Прощаю, – отозвалась я. – Но по замку все-таки лучше не бегать, и не стоит шуметь. Мы ведь не хотим навлечь на себя чей-то высочайший гнев, правда? – добавила, прижав палец к губам и покосившись на дверь.

Мальчишка захихикал с видом заговорщика. Я улыбнулась в ответ. Камень, оставшийся на душе после разговора с бабушкой Себастьяна, исчез и унес с собой неприятное ощущение, вызванное тем, как – и о чем! – она со мной говорила. Постаравшись выбросить недавнюю беседу из

головы, я направилась к полке с нужными для урока книгами. Мелькнула мысль, что, возможно, не такая уж и плохая наставница из меня получилась бы, если бы настоятельница разрешила остаться в обители.

Луиджи нетерпеливо потянулся к раскрытым страницам. Подобной жажды знаний я никогда не видела. Мальчик жадно впитывал все, чему я его учила, хорошо запоминал и тянулся к новому, как былинка к солнцу. А ведь наверняка в знатных семьях с лихвой хватает лодырей и ротозеев, с которыми не могут справиться нанятые родителями гувернеры. Выходит, прав Себастьян, и вовсе не происхождение определяет, каким окажется человек.

Даже удивительно, что, несмотря на воспитание, данное Ортензией, мой супруг отличался прогрессивными воззрениями. Да и баронесса де Кастеллано таких мыслей явно не одобрила бы. Зато Янис был единомышленником герцога во всем.

За обедом и ужином старая герцогиня держала нейтралитет. Я с ней тоже старалась лишний раз не заговаривать. Недостатка в общении я не испытывала, да и бабушка Себастьяна не стремилась к тому, чтобы наши отношения стали более теплыми. Должно быть, уже почти не сомневалась в моей неверности мужу. Ни я, ни хальфданец, по ее мнению, не заслуживали доверия.

А ночью мне приснился сон. Я находилась в замке, но мне предстояло немедленно покинуть его. За мной приехали. Приехали, чтобы забрать, заключить в темницу, а потом зачитать приговор и сжечь на костре. Я видела страх на лицах слуг. Даже Луиджи смотрел на меня с ужасом в широко раскрытых глазах.

Янис сказал, что они с герцогом сумеют защитить меня. Но никого из них не было рядом. Лишь Ортензия де Россо стояла передо мной и указывала на дверь. На ее лице не было страха, как у остальных. Казалось, что она хочет воскликнуть: «Я так и знала!»

Я проснулась в холодном поту, с дрожью во всем теле и странным привкусом пепла на губах.

Днем прибыла портниха – та самая, что шила одежду для Виенны, пока баронесса жила здесь. Немолодая, но наверняка поднаторевшая в своем ремесле женщина сняла с меня мерки и показала нам с Ортензией несколько образцов тканей. В выборе я не участвовала. В глазах портнихи промелькнуло удивление, но она никак не прокомментировала тот факт, что была выбрана ткань не самого лучшего качества. Да и фасон, насколько я могла судить, не отличался изысканностью.

Можно было подумать, что Ортензия де Россо поставила себе цель

сделать меня как можно более непривлекательной для супруга в первую брачную ночь. И платье, и сорочка нехитрого покроя едва ли могли соревноваться с роскошными одеяниями, которые носила Виенна де Кастеллано. Украшений, кроме ленты для волос, также не предусматривалось.

– Несложный заказ, – произнесла портниха, когда бабушка моего мужа удалилась. – Быстро управлюсь. Да и фигурка у вас, ваша светлость, просто загляденье! А что наряд небогатый выйдет, так об этом не печальтесь. Мужчины в уме стоимость одежек не подсчитывают, им совсем не это важно. Истинный бриллиант и в скромной оправе хорош. А дешевый камушек и в золоте не блесит.

– Значит, вы считаете меня бриллиантом? – ответила я, наблюдая за ловкими движениями умелых рук.

– Само собой, ваша светлость, у меня на женскую красоту глаз наметан! А чтобы талию подчеркнуть, я вам поясок сделаю. Под цвет глаз.

Глава 27

Портнихе позволили оставаться в замке до тех пор, пока заказ не будет готов. Слуги дружно наводили порядок во всех комнатах, работали с утроенной силой. Мне же были отданы другие распоряжения.

– Несколько дней ты не должна видаться с Себастьяном, – безапелляционно сообщила Ортензия после очередной трапезы в столовой. – Так положено. За тем, как идет его выздоровление, я прослежу сама.

Я озадаченно уставилась на нее, но герцогиня не соизволила дать никаких пояснений и, не дожидаясь моего ответа, удалилась. Видимо, это правило было необходимым условием тех обрядов, о которых она говорила прежде. Но до чего же несправедливо! Никто не желал рассказывать мне, в чем заключалась суть обрядов. Я ощущала себя жертвенной овцой, которой в скором времени предстояло отправиться на заклание.

Аларик и даже Янис начали меня избегать. То ли Ортензия де Россо запретила ко мне приближаться, то ли по какой-то другой причине. Занятия с хальфданцем пришлось отложить на неопределенное время. Я постоянно чувствовала на себе полные любопытства взгляды слуг и начинала подозревать, что хозяйка велела им за мной шпионить. Даже когда я оставалась одна в своей комнате с вышивкой или книгой, ко мне то и дело кто-нибудь заходил. То находилось какое-то срочное дело в моей спальне или ванной, то звали на примерку к портнихе, то говорили, что ошиблись дверью, и долго извинялись, пытаясь заглянуть мне за спину, как будто я могла кого-то там прятать. Единственной отдушиной в те невеселые дни были уроки с Луиджи, который, благодаря своему возрасту и детскому простодушию, оставался в стороне от досужих сплетен прислуги и ни в чем меня огульно не обвинял.

Готовое платье, как и хотела Ортензия, получилось очень простым. Такое же белое, как и нижняя сорочка, без вышивки и украшений. Насчет пояса портниха не обманула, но он, перехватывая талию поверх наглухо закрытого платья из грубоватой материи, еще больше подчеркивал скромность моего облика.

– Не кручиньтесь! – сказала портниха. – В столице непременно начнете носить пышные наряды. Или я вам их сошью, или тамошние мастерицы! Ах, какая же вы будете красавица! Глаз не отвести!

Добрая женщина представляла меня в роскошных платьях по

столичной моде, однако я ее воодушевления не разделяла и пребывала в полном смятении. Порой так и подмывало задать Ортензии де Россо вопрос о хальфданке, едва не ставшей ее невесткой, но мне не хотелось подводить экономку, которая нарушила запрет старой герцогини и втайне рассказала историю из прошлого.

Я не сомневалась, что, если бы бабушке моего мужа стало известно о моем даре, та незамедлительно сообщила бы куда следует. Янис – другое дело. Он не только чужестранец, но и мужчина, да и Себастьян обязан ему жизнью, а меня Ортензия с первого взгляда невзлюбила. Почему? Может быть, ни с кем не хотела делить любовь и преданность внука? Или считала меня недостойной высокого титула и права называться женой герцога? Неужели на ее месте я сама вела бы себя точно так же?

Выполнив заказ, портниха пожелала мне счастья и, получив причитающееся вознаграждение, уехала из замка. Судя по новостям, которые время от времени приносили горничные, Себастьян де Россо уже не только хорошо стоял на ногах, но и ходил без посторонней помощи, а однажды даже выезжал на конную прогулку, следовательно, больше не имелось препятствий к тому, чтобы привести в исполнение план его бабушки. Той наверняка удалось убедить его, что откладывать обряд больше нельзя, ведь, пока брак заключен только на бумаге, меня нельзя считать настоящей женой.

Выбрали определенный день, но все началось ближе к вечеру. Одевалась я самостоятельно. Надела сорочку и новое платье, дрожащими пальцами завязала пояс, вплела в волосы ленту того же цвета. Я плохо спала накануне, и это выдавали тени под глазами. Пользоваться косметическими средствами я не умела, поскольку в обители это считалось грехом. Холодная вода, от которой ломило руки, помогла, но недостаточно.

– Краше в гроб кладут, – прокомментировала мой вид Ортензия. – Поторапливайся! Вам пора выезжать.

Впервые за несколько дней я снова увидела герцога. Он выглядел гораздо лучше, чем в нашу последнюю встречу. Гладко выбрит, облачен во все новое, как я сама. Он больше не шатался и не держался за стены. Если на его теле и остались шрамы, то их скрывала одежда.

– Куда поедет? – спросила я.

– Скоро узнаешь! – отозвалась бабушка Себастьяна, и мы в сопровождении всех обитателей замка вышли во двор, где для нас уже приготовили двух лошадей.

Ездить верхом я умела плохо. За то время, что жила здесь, пробовала пару раз. Но меня заверили, что лошадка смирная, а ехать недалеко, так что

волей-неволей пришлось подчиниться.

Зато герцог держался в седле так, словно родился в нем. Я залюбовалась его прямой спиной и уверенными движениями. Когда один из конюхов помогал мне взобраться на лошадь, я поймала на себе взгляд Яниса. Северянин украдкой подмигнул мне и улыбнулся. На душе стало легче.

«Я справлюсь, – пообещала ему мысленно. – Я не выдам себя. У Ортензии де Россо не будет поводов выставить меня на посмешище или подвергнуть наказанию».

Сама герцогиня в этом наверняка сомневалась, судя по недовольно поджатым губам и скупым словам, которыми бабушка Себастьяна напутствовала нас в дорогу. Но мне казалось, что я уже далеко и не слышу ее, не привязана больше к замку, в котором жила пленницей все эти дни. В ушах пел песни ветер странствий, а трава, за день нагретая ласковым южным солнцем, пахла так упоительно, что хотелось вдыхать этот аромат всю оставшуюся жизнь.

Мы отправились в путь.

По дороге почти не разговаривали. Я была занята тем, что пыталась удержать равновесие и не повторить судьбу баронессы. К счастью, лошадь действительно попалась терпеливая и послушная, она не пыталась ускориться или стряхнуть неумелую наездницу. И все же мне приходилось нелегко. К физическим неудобствам добавилось смущение из-за того факта, что мы с герцогом остались наедине, и все ждали от нас исполнения положенных в здешних местах обрядов, суть которых мне никто так и не додумался объяснить.

Но обряды были лишь началом, а потом... Ортензия желала убедиться в том, что я сохранила верность супругу. Хотя, учитывая ее весьма откровенные намеки, скорее, она желала убедиться в обратном.

Странно, ведь совсем недавно мы с Себастьяном проводили время вдвоем в его комнате. Беседовали, строили планы на будущее. Тогда я почти не испытывала неловкости и даже начала верить, что все наладится и сложится так, как нам представлялось. Он научит меня танцевать, я поеду с ним в столицу. Не хотелось, конечно, снова встречаться с Виенной де Кастеллано, но можно было надеяться, что та успела перенаправить свое внимание на какого-то другого мужчину – свободного от брачных уз и готового ответить ей взаимностью.

О романтических чувствах я знала только из книг, но почти успела убедить себя в том, что сумею полюбить герцога. Он заслуживал этого – так говорило мне сердце и нашептывала интуиция. Заслуживал того, чтобы

провести долгие годы с женщиной, которая станет не просто смиренно выполнять слова свадебной клятвы, но и всей душой желать ему счастья. С кем-то, кто будет просыпаться с мыслями о нем. С кем-то, кто разделит с ним не только безоблачные мгновения счастья, но и сумрачные тяготы жизни.

Но почему-то напрямую сказать о своих чувствах и мыслях я не могла, а потому молчала, придерживая поводья, и, насколько это получалось, смотрела по сторонам. В замок мы с поверенным прибыли вечером, тогда нельзя было как следует рассмотреть окрестности, так что сейчас такая возможность представилась впервые. Оказалось, что во владениях де Россо очень красиво – много зелени, кое-где уже порыжевшей из-за солнца и приближающейся осени, вдоволь цветов, яркие пятна которых радовали глаз, а мягкая, напоенная недавними дождями земля наверняка была щедрой и плодородной.

– Нравится? – заметив мой интерес к окружающим пейзажам, осведомился Себастьян. Я кивнула и снова смутилась от его внимательного взгляда. Казалось, что он способен видеть меня насквозь, прочесть все секреты, таящиеся в душе, даже те, в которых я и себе-то пока не признавалась. – Ты не устала? Потерпи, скоро приедем.

– Куда мы направляемся? – рискнула поинтересоваться я.

– Есть место, которое посещают представители нашего рода в определенные периоды жизни. Впервые их приносят туда родители, а позже, повзрослев, приходят сами – когда достигают совершеннолетия, женятся, обзаводятся собственными детьми. Считается, что там они просят защиты и покровительства у предков, которых давно нет в мире живых, а предки могут передать все просьбы и благодарственные слова потомков богам. Если близится какая-то опасность, тоже не мешает навестить их. Перед отъездом у меня не осталось времени заехать сюда, и вот к чему это привело... – добавил он.

– Думаешь, тебя ранили, потому что ты не получил благословения предков и не попросил их защиты? – поинтересовалась недоверчиво.

– Кто знает?..

Мы снова замолчали. Я обдумывала услышанное и вспоминала, что говорил Янис про вышитые на варежке руны, которые однажды видела во сне. Размышляла о хальфданской покровительнице удачи. Слова герцога напомнили мне рассказ северянина. Удивительно – наши страны и народы настолько разные, и все же можно заметить немало общего.

– Так обряд и заключается в том, чтобы посетить это место? – задала я вопрос, желая прояснить собственные сомнения.

– Не только, – искоса глянув на меня, отозвался Себастьян.

– А что еще?

– Всему свое время. Однако... Помни, что ничего страшного с тобой не случится.

Я снова подумала о молодой хальфданке, которую хотел взять в жены отец моего мужа. Сейчас у меня уже не оставалось сомнений, что в той запертой комнате когда-то жила именно она. Но почему, оказавшись там, я настолько явственно испытала чужие эмоции? Так, словно они являлись моими собственными? Объяснений произошедшему не имелось даже у Яниса.

– Приехали, – отвлекая меня от размышлений, произнес спутник.

Глава 28

Мы подъехали к поросшим мхом скалам, по которым несколькими тонкими струйками стекала чистая, поблескивающая в лучах закатного солнца вода. Казалось, скалы плакали. Завороженная необычным зрелищем, я остановилась и на несколько мгновений забыла о том, что мы с герцогом явились сюда с определенной целью, а не для того, чтобы любоваться чудесами природы.

Себастьян помог спешиться, и мы, привязав лошадей к ближайшим деревьям, направились к источнику.

– Так это и есть то самое место, куда приходят все представители вашего рода? – вполголоса спросила я. Мне не хотелось говорить громко: здесь тишину нарушали лишь пение птиц да плеск воды. – Испокон веков?

– Да, – отозвался герцог так же тихо. – Мы посещаем его не очень часто. За исключением времен года, тут ничего не меняется. Все остается прежним. Таким же, каким было до нас и будет после нас.

Вопреки смыслу сказанного, от его слов вовсе не веяло обреченностью. Наоборот, я ни на миг не засомневалась в том, что герцог де Россо небезосновательно гордился своими предками и их древними, переходящими из поколения в поколение традициями. Но его гордость была не такой, как у Ортензии, она не подавляла, а воодушевляла.

– Теперь и ты принадлежишь к нашему роду, – добавил Себастьян.

«Если верить твоей бабушке, еще нет», – ответила я мысленно, но вслух ничего не сказала. Доверилась ему, позволив вести за собой и направлять. Мы подошли ближе, преклонили колени и подставили ладони, набирая в них, словно в чаши, холодную воду, а затем – также одновременно – поднесли к губам. Вода оказалась свежей и сладкой. Куда вкуснее самых изысканных лакомств, что мне когда-либо доводилось пробовать.

– Я представляю вам свою жену, – проговорил герцог, после того как мы сделали несколько глотков из источника. Должно быть, он обращался к своим предкам – к тем, кого помнил, и к тем, с кем никогда не встречался. – Прошу принять ее и благословить. Прошу подарить нам долгую счастливую семейную жизнь и много детей. Прошу не позволить никому и ничему встать между нами.

Вслушиваясь в его слова, я молчала, чувствуя, что никогда не забуду того, что происходит этим вечером. Не забуду ни звучания голоса моего

спутника, ни шелеста ветра в древесных кронах над нашими головами, ни легкого ветерка, касающегося моих волос. Ни единого мгновения.

– Теперь твоя очередь, – произнес Себастьян.

– Не знаю, что говорить... – призналась я смущенно.

– Скажи, что захочешь. От сердца. Не думая.

И я сказала. Закрыв глаза и представив, что супруга нет рядом и мои слова не достигают его ушей. Попросила о том, чтобы его прощения исполнились. О том, чтобы мои теперешние испытания закончились и у меня никогда больше не возникало желания оставить за спиной замок де Россо, уйти в никуда и стать свободной. О том, чтобы обрести крепкую семью и настоящее счастье, которое порой казалось далеким и неосуществимым, точно мираж в пустыне.

Когда я замолчала, герцог вытащил из кармана небольшой складной нож и, резко взмахнув, провел лезвием по ладони. Кровь закапала, смешалась с водой, уходя в песок и камни. Я испуганно выдохнула, наблюдая за его действиями, и даже не сопротивлялась, когда, обхватив мое запястье, он проделал то же самое с моей рукой. Боль обожгла кожу, но почти сразу же утихла от прохладной влаги, которая смывала и уносила алые капли. Лишь когда вода снова стала прозрачной, Себастьян нарушил молчание:

– Надеюсь, ты не боишься вида крови? Прости... Мне следовало спросить раньше.

– Не боюсь, просто очень неожиданно, – отозвалась я. – Мне уже совсем не больно. Правда...

– Теперь мы можем возвращаться в замок.

Герцог помог мне подняться и перевязать почти затянувшийся порез чистой тряпицей, которую он так же, как и нож, захватил с собой. Я тоже предложила свою помощь, но он справился сам. Обратная дорога прошла спокойнее. Солнце село, на землю опускались сумерки. Похолодало, и я пожалела о том, что не догадалась захватить с собой накидку.

В замке нас ожидали Ортензия де Россо и все слуги. Даже Луиджи, которому уже пора было ложиться спать. Янис и Аларик тоже оказались среди встречающих.

– Надеюсь, предки слышали ваши слова, – произнесла бабушка Себастьяна с довольно кислым выражением лица. – Во всяком случае, погода не испортилась. Что ж, а теперь...

Одна из горничных проводила меня в мою комнату, хотя туда я могла пойти и сама. Переодеваться мне запретили, я умылась и стряхнула с платья дорожную пыль. В дверь нетерпеливо постучали, и, когда я вышла,

оказалось, что вся толпа ждет в коридоре.

Я думала, что меня поведут в спальню герцога, но сегодня для нас приготовили другую комнату. Кровать там была еще огромнее, чем в моей, и занимала больше половины пространства. Экономка подтолкнула к ней Луиджи, и тот с готовностью прыгнул на покрывало.

– Что это значит? – шепнула я ей на ухо.

– Так нужно, чтобы в браке рождались мальчики, – ответила пожилая женщина не без гордости за то, что именно ее внуку выпала подобная честь.

Мальчишка от души радовался, валяясь на мягкой постели, и я, старательно отгоняя мысли о том, что должно последовать за этим, не удержалась от улыбки. Потом все, кроме Ортензии, вышли. Та развернулась ко мне и с хмурым видом потянулась к шнуровке на моем платье.

– Что вы делаете? – отшатнулась я.

– Стой смирно, я должна тебя раздеть, так положено. Мне эта обязанность тоже не доставляет удовольствия. Но куда деваться, если твоя свекровь не дожила до свадьбы сына? – проворчала она.

Стиснув зубы, я позволила стащить с меня платье. К счастью, хотя бы сорочка осталась на мне. Закончив с раздеванием, старая герцогиня покинула комнату, но мое уединение продолжалось недолго.

В обитель однажды приезжали бродячие артисты. Настоятельница смиловилась, разрешив им показать представление в просторном внутреннем дворе. Я помнила, как смеялись и ахали девушки, глядя на кукол, которыми ловко управляли актеры с помощью привязанных к ним ниточек. Тогда я веселилась вместе со всеми, но в эти минуты было не до смеха, потому что мне пришлось почувствовать себя такой же бесправной и безвольной куклой. Марионеткой в чужих руках.

Неужели все дело во мне? Я не научилась быть ни по-настоящему покорной, как подобает женщине, ни тщеславной, что считалось главным грехом моего пола. Мне не нравилось, когда взоры всех обителей замка были направлены на меня, а ведь даже Луиджи искренне наслаждался всеобщим вниманием.

Вдруг с испугом подумала, что в комнату снова войдут всей толпой, однако никто, кроме герцога де Россо, не пришел. На долгое мгновение мы застыли. Но вот он приблизился, и я поняла, что отступать некуда. По коже пробежал холодок. Камина в комнате не было, а ночи становились все прохладнее, напоминая о том, что лето почти позади. Хоть здесь и не Хальфдан, каменные стены прогревались плохо. Обитель находилась

южнее, и мерзнуть я не привыкла.

– Ты дрожишь... – Себастьян коснулся моей щеки. – Тебе страшно?

– Немного, – честно ответила я.

– Потому что не знаешь, чего ждать?

– На самом деле... – проговорила не без смущения. – Меня предупреждали. Однако...

– Ничего не произойдет, – сказал он, отходя на шаг. – Не сейчас. Только тогда, когда ты будешь готова.

– Но твоя бабушка... – растерялась я.

– Ее я беру на себя. – Герцог заглянул мне в глаза. – Договорились?

Я кивнула, чувствуя облегчение. Но затем решительно тряхнула головой и удержала его, когда он хотел отвернуться. То ли во мне пробудился дух противоречия, то ли я просто устала от подозрений и шепотков за спиной.

– Верно ли я поняла: поскольку погода не испортилась, предки твоего рода приняли меня и согласились передать богам наши просьбы?

– Да, считается, что так, – откликнулся Себастьян.

– Тогда... – Я немного помолчала и, несмотря на то что у меня сводило живот от страха и волнения, продолжила: – Тогда, думаю, будет неправильно, если мы нарушим традиции. Не так ли?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Сделаем то, что должны, – произнесла, надеясь, что голос у меня не дрожит. А секунду спустя в голову закралась мысль, болезненная и унижительная. – Или же... или я совсем не привлекательна для тебя?

– Да что ты такое говоришь, Лили?! – с изумлением отозвался герцог и уставился на меня так, будто видел впервые. – Как ты можешь показаться кому-то непривлекательной? Да если бы ты видела себя со стороны!

Он шагнул ко мне, взял за руки, провел ладонями от пальцев к плечам, заправил за ухо выбившийся из косы локон. Сейчас я дрожала еще сильнее, но уже не от холода. Казалось, время застыло, все окружающее куда-то исчезло, остались лишь двое...

– Ты уверена, что не пожалеешь об этом утром? – выдохнул Себастьян мне в губы, и я ответила на поцелуй. Впервые с того дня, когда мы прощались перед внезапным отъездом супруга, я чувствовала прикосновения ласковых рук и губ и понимала, что в любой момент могу остановить его. Он поставил меня перед выбором. Ортензия наверняка не одобрила бы решение внука. Но теперь мнение женщины, что по-прежнему ни на грош не доверяла мне, не имело значения. Как и все остальное.

Только он и я. Только учащенное биение двух сердец в одном ритме.

Только поцелуи – сначала легкие и нежные, точно касания лепестков цветущей вишни, затем настойчивые, жадные, распаленные. В изменчивых отблесках зажженных свечей я видела, как глаза моего мужа наполняются едва сдерживаемой страстью, и не сразу смогла поверить в то, что именно я послужила тому причиной. Что не Виенну де Кастеллано, не какую-нибудь другую раскованную и соблазнительную женщину из прошлого желал герцог в эти мгновения, а лишь меня – неуверенную и неопытную, нашедшую в себе силы остаться с ним здесь и сейчас, преодолев и боязнь, и стыд.

Сдернутое с кровати покрывало полетело на пол. Перина, застеленная тончайшей батистовой простыней, оказалась мягкой, как копка сена, и пахло от постели так же – сухими цветами и свежестью летних лугов. Сорочку мне сшили со шнуровкой на груди, и та, поддавшись напору ловких пальцев, с легкостью распустилась, позволив стянуть ткань почти до пояса. Снова касания горячих губ – на шее, плечах, ниже... Пугающе, непривычно и в то же время так естественно, что разом вылетели из головы предупреждения сестры Николины о неприятных для женщины ощущениях, которые необходимо перетерпеть в первую брачную ночь. Да и боль, пришедшая следом за обжигающими ласками, почудилась бледной тенью той, что я воображала себе прежде. Накатила, как морская волна на берег, и тут же схлынула, оставив меня в объятиях герцога – трепещущей, ошеломленной и... счастливой.

Глава 29

Утро наступило неожиданно. Вымотанная переживаниями последних дней, я давно не спала так крепко, как в эту ночь. Меня разбудили голоса, негромко переговаривающиеся где-то поблизости. Разлепив веки, я хмуро уставилась на двух горничных, которые стояли в дверях. Увидев, что я проснулась, они синхронно присели в реверансе.

– Доброе утро, ваша светлость! – наперебой прощебетали девушки. – Как спалось? Что желаете на завтрак?

– Кажется, раньше вы не интересовались моим мнением по этому поводу, – пробормотала я, натягивая одеяло повыше.

– А мы вам и ванну уже приготовили! Простите, что разбудили, но... Госпожа Ортензия торопит! – выпалила та из горничных, что была посмелее.

– Что ей нужно?

– Ну... Мы думали, вы и сами знаете... – замялись они. – Она хочет увидеть вашу простыню. Как встала, так и требует. А герцог уехал по делам – вместе с поверенным, который прибыл нынче утром.

Судя по всему, иного выбора у меня не оставалось, так что пришлось подняться и завернуться в одеяло. Девушки ловко свернули простыню и выскользнули за дверь. Я поморщилась, представив выражение лица Ортензии де Россо, но, чтобы не портить себе настроение, отогнала дурные мысли подальше.

Позже я сидела в успевшей немного остыть воде и, прикрыв глаза, перебирала в памяти мгновения прошлой ночи. Взгляд Себастьяна – нежный, сияющий. Такой, какого я никогда прежде не видела. Все еще ощущавшийся на губах вкус поцелуев. Тепло сильных уверенных рук. От этих воспоминаний во всем теле рождалось сладкое, тягучее, как мед, томление. И желание испытать эти ощущения снова.

Сестра Николина, как и другие наставницы, никогда не была с мужчиной, а потому ее слова, сказанные мне перед отъездом из обители, имели мало общего с реальностью. Ничего настолько уж неприятного в первую брачную ночь я не испытала. Да и, несмотря на смущение, просто лежать послушной живой куклой мне тоже не хотелось... Я не только принимала ласки, но и сама целовала герцога, зарываясь пальцами в густые черные волосы, обнимала, касалась упругой смуглой кожи, ощущая ладонями крепкие мышцы под ней. Наверное, меня осудили бы за такое

поведение, но в те минуты я не могла – или не хотела – быть другой.

Я стянула с руки повязку и увидела, что от вчерашнего пореза и следа не осталось. Мой колдовской дар продолжал расти и теперь исцелял меня быстрее, чем раньше. Скрыть такое было бы непросто, поэтому, одевшись, я перетянула ладонь чистой тканью и вышла из комнаты.

После вчерашней суеты замок казался тихим. Я спустилась в столовую и почти не удивилась тому, что опоздала к завтраку. Бабушка Себастьяна уже ушла, как и все остальные, но меня ничуть не огорчило, что пришлось завтракать в одиночестве.

Когда я уже почти закончила с трапезой, в столовую вошел герцог де Россо, а вслед за ним поверенный. Встретившись глазами с мужем, я почувствовала, что заливаюсь краской – очень уж ярко вспомнилось, чем мы с ним занимались ночью. Кое-как взяв себя в руки, я ответила на приветствие его спутника, мысленно гадая, чем вызван его визит и по каким таким делам они с герцогом ездили.

Расторопные горничные тут же подали дополнительные приборы, а я извинилась и под благовидным предлогом урока с Луиджи покинула столовую. В коридоре, у входа в библиотеку, меня перехватил Аларик. Я почти забыла о нем из-за недавней суматохи и подозрений Ортензии, но, увидев высокую фигуру наемника, тут же поняла, что время для разговора, пожалуй, настало.

– Не знаю, как вас благодарить! – произнесла я. – Вы спасли моего супруга, исцелили его. Что мы должны вам за услугу?

– Денежный вопрос мы уже решили с герцогом, – отозвался он. – Вам в это вникать ни к чему. Однако... о помощи просили меня вы, так что у вас я тоже попрошу кое-что взамен.

– Что же именно? – насторожилась я.

– Однажды, когда возникнет такая необходимость, вы простите меня, – непривычно серьезно и твердо произнес мужчина, не отрывая взгляда от моего лица, и мне вдруг стало не по себе.

– Но... за что мне вас прощать? – поразилась я.

– Не спрашивайте сейчас, ваша светлость. Думаю, мы еще свидимся, а пока я уезжаю. Удачи!

– И вам, – откликнулась я, все еще не понимая, к чему относились слова, заронившие в мою душу неясную тревогу.

Через некоторое время меня отвлек Луиджи, которому накануне я пообещала рассказать сказку. Почему-то мне захотелось поведать ему одну из историй о Хальфдане, вычитанных в той книге, которую я в первые дни пребывания в замке случайно обнаружила в библиотеке. Кое-что я меняла,

кое-что рассказывала своими словами, но моему ученику все равно понравилось.

– Со временем прочитаешь эту книгу сам, – улыбнулась я.

– А в Хальфдан поеду? Я хочу увидеть снег! Вы когда-нибудь видели снег, ваша светлость?

– Только во сне, – призналась я.

– Он холодный и белый, а каков на вкус?

– Увы, не пробовала, – засмеялась тихо.

– Гляжу, вам тут весело, – заметил Янис, неслышно входя в библиотеку.

– Вот кто тебе все-все-все расскажет про снег! – сказала я мальчику и тут же замолчала, когда за спиной хальфданца показалась Ортензия де Россо.

Под ее строгим взглядом не только я, но и остальные приумолкли, со всех лиц тут же пропали улыбки. Удивительно – каким образом настолько холодная и строгая женщина, как старая герцогиня, сумела воспитать Себастьяна? Страшно представить, каким бы он вырос, если бы походил на нее характером, привычками и манерой общения.

Вот и сейчас Ортензия с суровым видом выпроводила из библиотеки Луиджи, вслед за которым, бросив на меня извиняющийся взгляд, вышел и Янис. Мы с бабушкой герцога снова остались наедине, и мне невольно вспомнился разговор, который предшествовал брачным обрядам. Что могло прийти ей в голову на сей раз?

– Я видела доказательства, – произнесла она сухо. – Кажется, ты действительно не изменяла мужу... по крайней мере, физически. Что происходит в твоих мыслях, мне неведомо.

– Могу вас уверить, что никогда не думала ни о каком другом мужчине, – ответила я, не отводя от нее взгляда. Промелькнула мысль, что говорю не совсем правду. О Янисе я ведь тоже немало размышляла, но совершенно иначе. Я считала его добрым другом и наставником, восхищалась его колдовским даром и силой воли, благодаря которым он из крестьянского мальчишки превратился в колдуна, и даже северный князь держал его при себе. Но, разумеется, говорить Ортензии правду о моем отношении к хальфданцу не следовало ни сейчас, ни в будущем.

– Себастьян по-прежнему считает, что тебя нужно отвезти в столицу и представить королю, – продолжала собеседница, которая, кажется, не слишком-то поверила моим словам. – Нужно подготовиться. Приедет портниха. Понятия не имею, какова сейчас столичная мода, так что при дворе тебя в любом случае сочтут провинциалкой. Однако мне бы не

хотелось, чтобы ты забыла все, чему я тебя учила, и вела себя вульгарно и недостойно, поэтому неплохо повторить уроки.

– Как скажете, – отозвалась я со вздохом, понимая, что это означает. Наши занятия с Янисом снова придется отложить. Упражняться в самоконтроле я могла и без него, а как быть с тем, до чего мы еще не дошли?

– Надеюсь, ты понимаешь, как тебе повезло. Теперь ты уже не безродная сиротка из обители, – проговорила Ортензия де Россо с видимой неохотой. – Ты – будущая мать наследника. Я, конечно, рада тому, что мой внук не женился на той вертихвостке, будь она хоть трижды титулованной особой, но и от тебя не в восторге. Однако предки нашего рода приняли тебя, так что постарайся не замарать честь семьи.

Слушая ее речь, я вдруг отчаянно захотела поскорее уехать из замка. Пусть там, в далеком большом городе, где никогда прежде не бывала, станут обсуждать мое сомнительное происхождение и немодное платье, а в королевском дворце снова повстречается Виенна де Кастеллано, все равно наш с Себастьяном отъезд принесет перемены и новые впечатления. А еще наконец-то появится возможность отдохнуть от бесконечных нотаций бабушки моего супруга.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она, и я, поспешно согнав с губ неуместную улыбку, приняла серьезный вид.

– Я поняла, что вы хотели сказать. И... постараюсь. А теперь мне можно идти? – с надеждой поинтересовалась у нее.

– Ступай!

Ускользнув от Ортензии, беседа с которой меня изрядно утомила, отправилась на поиски Яниса. Хальфданец обнаружился в гостиной, где, с удобством вытянув ноги, сидел в кресле и лениво перелистывал страницы какой-то книги. Должно быть, за ней он и приходил в библиотеку.

– Что, плохие новости? – осведомился северянин.

– Как сказать, – откликнулась я. – Скоро мы поедем в столицу, и ты с нами, но прежде госпожа Ортензия желает убедиться в том, что я умею вести себя в обществе. И потому наши уроки...

– Главное, что нас с тобой больше ни в чем непристойном не подозревают, – усмехнулся северянин. – А к занятиям мы непременно вернемся. Не тревожься. Да и в столицу я поеду с вами... Если, конечно, возражать не будете.

– Почему я должна возражать? – удивилась и тут же опустила глаза, увидев лукавое выражение на лице собеседника. Вспомнилось, что он тоже находился среди тех, кто провожал и встречал нас с герцогом вчера

вечером. Следовательно, Янису, как и всем остальным в замке, известно, что теперь я прихожусь его другу женой не только по бумагам.

– Тем лучше, – улыбнулся он. – Может быть, мы даже успеем на помолвку короля Арнальдо. Или хотя бы на свадьбу.

– И то верно! – согласилась я. Для меня не устроили настоящей свадебной церемонии, но у короля наверняка все произойдет по-другому. Там будут и торжественная обстановка, и чудесный наряд невесты, и музыка...

Оставив хальфданца отдыхать, я вернулась к себе. Несмотря на то что ночь провела в другой спальне, здесь, где проходила моя жизнь с момента приезда в замок де Россо, мне по-прежнему было уютно. Я привыкла к тому, что могу побыть наедине с собой, вышивая или сидя у окна. Вот и сейчас я открыла окошко, чтобы немного проветрить комнату, и с изумлением уставилась на неизвестно откуда взявшийся букет цветов. Красные и желтые, еще не успевшие завянуть, они притягивали взгляд. Я взяла цветы в руки, вдохнула сладкий аромат и подумала – откуда они могли взяться? Ведь если все знают, что за этим окном находится моя комната, значит, это подарок для меня?..

Глава 30

После обеда, который прошел на удивление мирно и по-домашнему, герцог сказал, что хочет перед отъездом в столицу уладить все дела, так что в ближайшие дни будет очень занят. Погрузившись в размышления о том, откуда взялись цветы, я рассеянно кивнула в ответ и тут же поймала на себе заинтересованный взгляд поверенного. Через некоторое время он догнал меня в коридоре и одарил такой широкой улыбкой, словно несказанно обрадовался нашей встрече.

– Как вы поживаете, ваша светлость? – осведомился мужчина, который не так уж давно доставил меня в замок де Россо. Сейчас наше путешествие казалось настолько далеким, что некоторые детали успели начисто выветриться из памяти. Слишком много всего случилось за прошедшее время, да и я сама уже не была той девочкой, которая боялась покидать обитель, ставшую за проведенные в ней годы родным домом.

– Все хорошо, – промолвила, улыбнувшись.

– Больше не думаете о возможных причинах для развода? – усмехнулся поверенный понимающе. – А ведь я говорил, что вам действительно повезло! Лучшего мужа, чем герцог де Россо, и представить нельзя!

Я нахмурилась. Что-то чересчур часто мне сегодня говорили о моем везении. То Ортензия, то поверенный... А ведь я так и не спросила герцога о том, что в пылу ссоры слышала от баронессы де Кастеллано. Почему она не сомневалась, что Себастьян вынужден был на мне жениться? Только ли из зависти и стремления вбить клин между нами женщина сказала такое? Или имелись другие веские причины?..

– Но, конечно, вашему супругу с вами тоже повезло. Красивая и покладистая жена, к тому же образованная! Да он просто счастливчик!

– А что насчет тех странностей, о которых вы говорили? – напомнила я. Может быть, намеки поверенного касались запертой комнаты и когда-то жившей в ней хальфданки?.. – Вы что-то знаете? О колдовстве и... Пожалуйста, расскажите!

– Полноте, ваша светлость, это всего лишь слухи да суеверия! Поговаривают, что замок герцогов де Россо проклят. И что душа одного из прежних владельцев, покойного мужа госпожи Ортензии, не находит покоя из-за грехов, которые тот совершил и передал потомкам. Что верно, то верно, человек был суровый, все это подтверждают. Однако не только он –

многие в те незапамятные времена старались бороться с колдовством, и, как видите, теперь в нашей стране нет ни одной демонской любовницы!

– Ничего не понимаю, – покачала я головой. – Вы говорите о дедушке Себастьяна? Но разве он...

– Вам еще не рассказали? Сейчас, думаю, вы имеете право знать об истории семьи, к которой принадлежите. Господин Джеронимо де Россо являлся одним из тех, кто разыскивал колдуний и вершил суд над ними, служа этим своей стране не хуже, чем доблестные предки. Сын его этим не занимался, а вот внук, как вам, должно быть, известно, состоит на королевской службе. И когда объявился культ...

– Гаттини! – окликнул его герцог, голос которого прозвучал так, что не только поверенному, но и мне захотелось втянуть голову в плечи. – Кажется, я нанял вас не для того, чтобы вы мололи языком. И сейчас у нас достаточно дел.

– Конечно! – отозвался собеседник, имя которого я наконец-то оживила в памяти, и зашагал к Себастьяну. Герцог в эту минуту выглядел так строго и внушительно, что мои недавние мысли о том, что его воспитанием занималась бабушка, напомнили о себе. Но на меня супруг посмотрел с большей теплотой.

– Я сам расскажу тебе обо всем, что ты должна узнать, – произнес он, и я кивнула, соглашаясь. А что мне еще оставалось делать? Не капризничать же прямо в коридоре на потеху слугам, желая непременно здесь и сейчас дослушать рассказ поверенного, породивший больше вопросов, чем ответов.

Некоторое время я продолжала стоять на месте, глядя в спины уходящим мужчинам. После случившегося на душе стало тяжело, точно навалился огромный камень. Недавнее ощущение счастья и уверенности в будущем постепенно таяло, как снега Хальфдана под палящим солнцем моей родины. Даже цветы, которые я поставила в вазу, уже не радовали. Вернувшись в свою комнату и скользнув по ним мимолетным взглядом, потуже затянула на ладони надоевшую повязку и легла на кровать, прямо на покрывало. Вспомнилось вдруг, как Себастьян заворачивал меня в него в ванной, когда я дрожала от страха и неизвестности. Теперь-то я знала, что в ту ночь мне ничего не грозило, ведь тогда мы еще не совершили положенных обрядов. И все же я чувствовала его мужской интерес ко мне, желание прикоснуться, провести наедине вечер, лучше узнать друг друга.

И, может быть, если бы не внезапный приезд баронессы...

Отогнав воспоминания о Виенне де Кастеллано, я снова подумала о

словах господина Гаттини. Выходит, супруг Ортензии преследовал и казнил обвиненных в колдовстве женщин? А что за культ, о котором упомянул поверенный? Он как раз начал рассказывать о том, что касалось не прошлого, а настоящего времени. И нынешнего герцога де Россо, моего мужа...

У меня голова разболелась от этих размышлений. Янис, помнится, говорил, что сам расскажет Себастьяну о моем колдовском даре и наших с хальфданцем уроках, однако теперь я засомневалась в том, что ему следовало это делать. Ведь если допустить, что герцог разделяет точку зрения своего дедушки и Ортензии, мое положение осложнялось еще больше. Одно дело – состоять в дружеских отношениях с северным колдуном, когда-то спасшим ему жизнь, и совсем другое – быть женатым на колдунье. Не каждый пойдет на такой риск.

Я действительно почти ничего не знала о любви. Меня воспитывала не семья, а обитель, наставницы которой давали обет безбрачия. Но одно я понимала ясно – любовь невозможна без доверия. А пока ни Себастьян не знал обо мне всей правды, ни я о нем. Так, значит, о чувствах между нами еще говорить рано?..

Мой затуманенный слезами взгляд снова остановился на цветах. Это подарок моего супруга? Может быть, он хотел сделать мне приятное и уделить внимание, несмотря на занятость?

В дверь постучали.

– Ваша светлость! – заглянула в комнату горничная. – Портниха приехала и ждет вас. Что такое, вы плачете?

– Ничего подобного, – отозвалась я. – Просто что-то попало в глаз. Передай ей, что я иду.

На сей раз наряды уже не планировалось шить из грубоватого недорогого материала. Портниха привезла все самое лучшее, что смогла отыскать. Должно быть, она ожидала от меня восторгов и благодарностей, однако я мельком глянула на разложенные передо мной рулоны ткани и сказала, что подобрать фасоны они с бабушкой герцога могут и без моего участия.

– Но разве вам не хочется лично распорядиться, каким будет ваш гардероб? – изумилась женщина. – Вы ведь в столицу поедете! С самим королем встретитесь!

– Мерки с меня вы уже сняли, а платит вам госпожа Ортензия, так что с ней вопросы и решайте, – произнесла в ответ. В эти минуты мне было совершенно не до платьев. – А сейчас простите, я нехорошо себя чувствую.

Портниху я оставила, но в свою спальню не вернулась. Мой путь

лежал туда, где когда-то жила молодая женщина из Хальфдана. Как и в прошлый раз, дверь легко открылась, впуская меня. Но сейчас мне не хотелось оплакивать здесь свою и чужую судьбу. Меня обуяла жажда деятельности, и я принялась обыскивать комнату, сама не зная, что именно хочу найти.

Пыль летела во все стороны, пока я обшаривала ящики покосившегося секретера, перетряхивала изъеденную молью одежду в шкафу, переворачивала матрас на поскрипывающей кровати. Увы, ничего интересного не обнаружилось. Когда же я, вконец отчаявшись и чихая от забившихся в нос пылинок, села на постель с выпавшим из шкафа платьем в руках, из его кармана выскользнул и, ярко блеснув, стукнулся об пол небольшой предмет.

Подняв неожиданную находку, принялась жадно ее разглядывать. В моих руках была тяжелая металлическая подвеска на вытертом кожаном шнурке. Должно быть, после того как шнурок порвался, владелица засунула украшение в карман, да там, забыв, и оставила.

Подвеску сделали в виде дерева, ветви и корни которого переплетались в причудливом узоре. В драгоценностях я не слишком-то разбиралась, однако вспомнила, что нечто подобное уже видела. На иллюстрации в книге! А если эта вещица происходила из Хальфдана, наверняка принадлежала когда-то той женщине. Я провела по граням подвески, обрисовывая кончиками пальцев изящную вязь, и внезапно ощутила знакомое покалывание. Колдовство во мне пробуждалось, откликалось на невидимые волны энергии, исходившие от украшения. Держа подвеску в ладони, я чувствовала, что с каждым мгновением становлюсь сильнее, и это ощущение дурманило, наполняло неведомым прежде могуществом и уверенностью в том, что мне все по плечу.

Я снова опустила подвеску в карман, но теперь в свой собственный, и встала. Прибрала в комнате, постаралась придать ей прежний вид. Лишь затем вышла и направилась в библиотеку.

— Ваша светлость, куда же вы запропалились? — всплеснула руками горничная, встретившаяся в коридоре. — Уже ужин закончился, а вы так и не появились в столовой! Госпожа Ортензия недовольна!

— Не важно, — отмахнулась я, даже не удивившись тому, что прошло так много времени. — Я не голодна. А госпожа Ортензия... — проглотив так и напрашивающиеся на язык не самые почтительные слова, я не закончила фразу и, скрывшись за дверью библиотеки, тут же бросилась к полке, на которой стояла книга о Хальфдане.

Нужная мне иллюстрация отыскалась почти сразу. Чтобы не

ошибиться, я даже вынула из кармана подвеску и сверила ее с изображением на бумаге. Теперь сомнений не оставалось.

– Дерево жизни и судьбы... – благоговейно прошептала одними губами. Хальфданцы верили, что оно держит на себе все мироздание. Подвеска, вероятно, являлась не простым украшением, а амулетом. Может быть, несчастье случилось с его прежней обладательницей потому, что из-за порванного шнурка ей пришлось снять оберег? Но отчего мне показалось, что найденный мною предмет тоже узнал меня?..

Глава 31

Похоже, дел у герцога и поверенного в самом деле накопилось немало, поскольку за завтраком они не присутствовали. Это возвращало меня воспоминаниями к тем дням, когда Себастьяна не было в замке. Только я, Ортензия и Янис за слишком большим для троих столом. Несмотря на то что моя невинность подтвердилась и предки рода де Россо меня приняли, отношение ко мне единственной близкой родственницы супруга почти не изменилось. Я то и дело ловила на себе ее хмурые взгляды, от которых портился аппетит.

Хуже всего оказалось то, что она продолжала подозревать, что мы с хальфданцем могли чересчур сблизиться, и ее первостепенной задачей стало не оставлять меня с ним наедине. Я даже не смогла показать колдуну найденный в запертой комнате амулет на порванном шнурке, который продолжала носить в кармане. Перегрузив хозяйственные заботы на плечи экономки, Ортензия де Россо возобновила свои уроки. Она твердила, что теперь я уже не та, что раньше. Что я женщина. Жена. И обязанностей у меня значительно прибавилось, а вот права еще придется заслужить – бабушка герцога произносила эти слова так, точно мысленно прибавляла: «...Только через мой труп».

– Себастьян в отъезде, – сообщила Ортензия, когда мы снова собрались в столовой втроем. Она говорила без тревоги, и я сделала вывод, что поездка носит исключительно деловой характер и не сопряжена с опасностью. К тому же с герцогом де Россо отправился господин Гаттини.

Портниха, как оказалось, пожаловалась старой герцогине, что я проявила пугающее равнодушие к новому гардеробу, за что меня также пристыдили. Очевидно, Ортензия считала, что я повела себя так, потому что в обители меня приучили к аскетизму. Но плохо одетая жена титулованного мужа могла опозорить его при дворе, так что меня взяли в оборот и заставили щупать ткани, навывтяжку стоять перед зеркалом, терпеть уколы булавок, за каждый из которых портниха долго извинялась. Когда с этим на сегодня наконец-то закончили, моих сил хватило только на то, чтобы доплестись до спальни и рухнуть на кровать не раздеваясь.

А на следующее утро все началось сначала. Бесконечные примерки, наставления Ортензии де Россо и снова примерки. Если когда-то в разговорах с другими девушками, вместе с которыми меня воспитывали, я и мечтала о новых нарядах, то сейчас с насмешкой вспоминала о той

наивной девочке, которая и не догадывалась, что ей предстоит.

– Какая же у вас тонкая талия, ваша светлость! – воскликнула портниха, затягивая меня очередным шелковым поясом. – Но это ненадолго, верно, госпожа Ортензия? – хихикнула она, услужливо поклонившись моей суровой надзирательнице. – Мне стоит сшить несколько платьев для, так сказать, особого случая?

– Разумеется! – отозвалась герцогиня. – Однако они понадобятся не сразу. Думаю, к тому моменту молодые уже вернутся в замок.

– Но в столице ведь лекари лучше, – попыталась возразить женщина, но тут же осеклась под строгим взглядом. – Конечно-конечно... Наследник должен появиться на свет в родовом гнезде.

Я скрипнула зубами, рассматривая собственное отражение в потускневшей глади зеркала. Ничего не изменилось. Сама по себе я не имела для Ортензии никакого значения, ее интересовала лишь моя способность произвести на свет мальчика, который будет носить фамилию де Россо.

А для Себастьяна?.. Неужели и ему от меня нужно только продолжение рода? Я прижала ладонь к своему плоскому животу и зажмурилась, чтобы не встречаться взглядом с девушкой в зеркале.

Позже, когда вернулась в свою комнату, меня ждал еще один подарок. Белая ручная голубка в клетке. У меня никогда не было домашних питомцев, поскольку настоятельница запрещала заводить их в обители, но все же я предпочла бы игривого и ласкового котенка, а не птицу, которая напоминала меня саму.

Возможность поговорить с Янисом я все же нашла, прямо во время урока отправила за ним Луиджи. Смышленный мальчишка выполнил поручение в точности. Он даже не сказал, что это я послала его, однако северянин все понял и незамедлительно явился в библиотеку.

Отпустив ученика, вытащила из кармана подвеску и продемонстрировала ее Янису.

– Сомнений нет, ее сделали в Хальфдане, – сказал он, на несколько долгих мгновений задержав украшение в ладони и затем вернул мне.

– Это амулет? – спросила, желая подтвердить свою догадку, и хальфданец кивнул. – Как думаешь, может он стать моим? Или мне нужно вернуть его туда, откуда взяла?

– Почему же нет? Конечно, может. Он тянется к тебе и наверняка пригодится.

– Но... отчего ко мне?

– Я ведь уже говорил, что твой дар – такой же, как у наших северных

колдунов. Не знай я доподлинно, как ты выглядишь и где выросла, почувствовав твою силу, ожидал бы, что увижу девушку с белыми волосами, говорящую на моем языке. Вот и амулет чует в тебе свою, причем сильнее, чем во мне самом, – с ноткой горчащей обиды добавил собеседник.

– Но я ведь ничего специально не делаю, чтобы так выходило! – растерялась я.

– Храни его, – посмотрел в мои глаза Янис. – Вот все, что я могу сейчас сказать. А теперь мне, пожалуй, лучше откланяться, пока госпожа Ортензия не приставила к тебе соглядатаев.

– Ты знаешь что-нибудь об ее муже? – вспомнила я вчерашний разговор с поверенным.

– Нет. Встретиться с ним мне тоже не довелось. А что?

– Он охотился на колдуний! – выпалила я. – А ведь его сын едва не женился на одной из них! А говоря о Себастьяне, господин Гаттини обмолвился о каком-то культе и семейном проклятии. Но я не поняла, что имелось в виду, а он не успел рассказать больше. Неужели... внук пошел по стопам деда?

– Если бы это было так, думаешь, он стал бы приглашать меня в свой замок?

– Ты – другое дело! Пожалуйста, пожалуйста, не говори пока ничего обо мне герцогу! – взмолилась я. – Пусть он узнает, но позже... не сейчас...

– Как скажешь, – серьезно, без улыбки, произнес хальфданец. – Я умею хранить тайны. Только не упusti подходящий момент для того, чтобы сказать правду.

Его слова звучали у меня в голове весь остаток дня. Не упустить момент... Если бы я знала, когда он наступит.

Дни текли один за другим, уроки поведения при дворе вытягивали из меня все соки. Как правильно ходить, говорить, обмахиваться веером... Я подозревала, что многие премудрости, которыми меня потчевала герцогиня, давно устарели, но не возражала, понимая, что это бессмысленно. Меня в любом случае посчитают старомодной провинциалкой. Собственно, таковой я и являлась и ничуть не стремилась к тому, чтобы стать придворной дамой вроде баронессы де Кастеллано, чьи наставления по поводу будущей жизни в столице мне иногда смутно припоминались.

Не имея возможности возобновить занятия с хальфданцем, я продолжала упражняться самостоятельно. Амулет помогал. Давал силу, наполнял уверенностью, поднимал на невидимых крыльях и увлекал за

собой к синей глади небес, к далеким северным фьордам, к безграничной свободе. Я продела в него новый прочный шнурок, но на шее носить не стала, опасаясь, что кто-то может увидеть. Учитывая, что портниха каждый день то раздевала меня до нижней сорочки, то одевала заново, опасения были небезосновательными.

В ту спальню, где прошла моя первая брачная ночь, я больше не заглядывала. Одна из горничных сказала, что там когда-то жили родители Себастьяна. Чем дальше отодвигался вечер, когда мы побывали у источника, тем бледнее становились воспоминания обо всем, что тогда происходило. Временами казалось, что мне все попросту приснилось. И, выполнив по настоянию бабушки супружеский долг, муж обо мне больше ни разу не вспомнил.

В один из дней начались мои женские недомогания, и прислуживающая мне девушка, узнав об этом, сообщила Ортензии. Та выразила недовольство, но от примерок меня освободила. Я думала, ей не понравился вынужденный перерыв в пошиве платьев, однако экономка разъяснила истинную причину недовольства хозяйки.

– Вы еще не в тягости, – сказала она, принеся мне в комнату чай с пряными травами, от которых ненадолго проходила ноющая боль внизу живота. – Госпожа Ортензия недовольна. Хочет во что бы то ни стало дожить до правнуков.

– Кажется, на здоровье она пока не жалуется, – ответила я и едва не добавила: «...Того и гляди нас переживет».

– Что верно, то верно, ваша светлость, так ведь годы все равно свое берут, – вздохнула собеседница.

Минуло еще несколько дней. Возобновились примерки. Гардероб был почти готов – несколько нарядных платьев из дорогих тканей для выхода в свет, более скромные домашние, включая те, что предназначались для располневшей фигуры, а еще сорочки, ночные рубашки и чулки, такие тоненькие, что и прикасаться страшно, так и казалось, что вот-вот порвутся.

Однажды утром я проснулась рано и, стоя у окна, с тоской думала об очередном долгом дне, который обещал стать похожим на предыдущие, словно брат-близнец, но внезапно скрипнула дверь и вошел Себастьян. Я не ожидала увидеть его и изумленно ахнула, когда он шагнул ко мне. Привлек к себе, накрыл мои губы своими, подхватил на руки...

От него пахло ветром дорог, прохладой осенних рассветов, свежестью родниковой воды. Пахло свободой, которая в нашем мире охотно становилась спутницей мужчин, но не женщин. И я жадно вдыхала этот

запах, отвечая на поцелуи, но, когда ощутила под спиной мягкую постель, меня словно что-то больно кольнуло изнутри.

– Подожди... – Я немного отстранилась, уперлась ладонями в грудь мужа. – Скажи... твоя бабушка отправила тебя ко мне?

– Бабушка? – переспросил он недоумевающе, явно не ожидая подобного вопроса. – Почему ты так решила? Я только что вернулся и не успел еще с ней повидаться.

С облегчением выдохнув, я ничего не ответила и сама притянула герцога к себе, приникла к его губам – таким теплым и нежным. Помогла расстегнуть и сбросить одежду. Делилась с ним своим теплом, отдавала всю себя и отчаянно старалась не думать о тайнах, стоящих между нами.

Глава 32

Я сама не заметила, как задремала, а когда открыла глаза, солнце за окном стояло уже высоко. Повернувшись на бок, поймала на себе внимательный взгляд синих глаз Себастьяна. В памяти тут же ожили яркие картины – воспоминания о том, что происходило в комнате некоторое время назад. Как он прикасался ко мне, целовал, шептал нежности. До чего же правы люди, которые утверждают, что певучий язык нашей страны создан для слов любви!

– Кажется, мы проспали завтрак.

– Не важно, – отозвался герцог, лениво потягиваясь. – Для нас могут накрыть отдельно. Или, если хочешь, принесут сюда.

– Ты больше не уедешь? – спросила я.

– Нет. Теперь мы уедем вместе – в столицу. Но сначала...

– Что?

– Сначала я должен выполнить обещание и научить тебя танцевать.

Меня захлестнула волна радости. Он не забыл! А ведь в самом деле гардероб уже готов, значит, можно не откладывать! При мысли, что я снова отправлюсь в дальнюю дорогу и увижу новые места, сердце забилось быстрее. И никакой Ортензии де Россо – только мы с супругом да Янис, который пожелал составить нам компанию.

В дверь постучали, в спальню заглянула одна из горничных.

– Простите, что беспокою! – выпалила она, ничуть не смутившись при виде прикрытого до пояса тонким одеялом Себастьяна в моей постели. – Но госпожа Ортензия... хочет еще раз самолично убедиться, все ли платья вам подходят, ваша светлость.

– Ступай, скажи ей, что скоро буду, – вздохнула я, подождав, пока за девушкой закроется дверь, поднялась, сделала несколько шагов, откинула за спину тяжелую волну не скованных шпильками волос. Запоздало промелькнула мысль о солнечном свете, который мягко струился в окно, обрисовывая каждый изгиб фигуры, но затем вспомнилось, что герцог наверняка и так все уже успел рассмотреть. Я скорее почувствовала, чем услышала, как скрипнула кровать, он приблизился ко мне, обнял сзади.

– Может, ну их, эти платья? – обдавая жарким дыханием, сказал Себастьян. Его губы слегка прикусили мочку уха, целуя, спустились по шее к плечу. – Уверен, ты их уже не раз примеряла...

– Со счету сбилась, сколько! – призналась, чувствуя, как перехватывает

дыхание от его ласк. – Но ничего не поделаешь... Твоя бабушка рассердится.

– Тогда позже буду ждать тебя в зале для танцев, – шепнул он, с заметной неохотой отпуская меня, и начал одеваться. Я скользнула в ванную комнату. Вода успела остыть, но сейчас это оказалось к лучшему – хотелось охладить и разгоряченное тело, и полные смятения мысли.

Разумеется, Ортензия пребывала не в духе, даже возвращение внука ее, похоже, не слишком обрадовало. Может быть, потому, что приближалась еще одна, уже более долгая, разлука? Под кислым взглядом герцогини я снова перемерила все платья одно за другим и лишь после ее милостивого кивка смогла уйти в кухню, чтобы немного перекусить. Луиджи, как обычно, крутился возле поварихи. Заметив его скверное настроение, я поинтересовалась, в чем дело.

– Не хочу, чтобы вы уезжали, – простодушно ответил мальчик, и у меня потеплело на душе. Хоть кто-то здесь по-настоящему ко мне привязан! – Почему нельзя с вами?

– Я вернусь, – заверила его и ласково потрепала взлохмаченную макушку. – Что тебе привезти из столицы? Подумай, пока есть время.

– Хорошо, – повеселел он.

– Вот и молодец!

– Не слишком ли вы его балуете? – пробурчала услышавшая наш разговор повариха, неодобрительно поджав губы. – Он ведь всего лишь младший внук экономки. А вы – жена самого герцога!

– Не слишком, – произнесла я. – Детей нужно баловать. С обидами и несправедливостью они еще успеют столкнуться.

– А по мне, пусть уж сразу узнают, что мир недобр, – хмыкнула женщина. – Чем раньше, тем лучше. Сами поплачут, сами и успокоятся.

– Что ж, можете рассуждать по-своему, а у меня другое мнение, – возразила я решительно и снова погладила Луиджи по голове. Аппетит совсем пропал. – Отдохни сегодня от занятий, ладно?

Зал для танцев, который мне показывали во время экскурсии по замку, оказался пуст. Но ждать долго не пришлось. Себастьян вошел, остановился у двери, посмотрел на меня. Я вдруг пожалела, что не надела одно из новых платьев. Тогда можно было бы представить, что мы на королевском балу.

– Ты ведь не думаешь, что я пошутил насчет урока танцев? – проговорил он, приблизившись ко мне. – Думаю, для начала можно попробовать без музыки. Дай мне руку.

Я послушно вложила пальцы в его ладонь и сделала шаг навстречу. Герцог притянул меня к себе.

– Обычно танцующие не стоят так близко, – заметил он.

– Тогда почему мы нарушаем правила? – осведомилась я.

– Не могу удержаться, – услышала в ответ и постаралась отогнать подальше навязчивую мысль о том, что, возможно, когда-то Себастьян и Виенне говорил то же самое. И так же обнимал ее талию, как сейчас мою. И так же уверенно кружил в танце, все больше сокращая дистанцию. Должно быть, он почувствовал мою скованность, потому что остановился и заглянул в глаза. – Что случилось, тебе не нравится?

– Все в порядке, – откликнулась я. Не говорить же о том, что впервые испытала болезненные укусы того чувства, которое в книгах называлось ревностью? Я подозревала, что после новой встречи с баронессой де Каstellано будет еще хуже.

Возвращаясь к себе, услышала за дверью негромкий шорох. Рассчитывала увидеть убирающую в комнате горничную, но вместо нее передо мной предстал смущенный Луиджи, безуспешно пытавшийся спрятаться за занавеской. В смуглой руке он сжимал букет, который был почти точной копией того, что я уже нашла здесь однажды.

– Ты?! – удивленно вздернула брови.

– Пожалуйста, не сердитесь, ваша светлость! – отозвался мальчишка. – Я не думал, что вы меня застанете! Это сюрприз!

– Сюрприз для меня? – уточнила я.

– Для кого же еще?

– Значит, и те цветы... И голубку... – Я оглянулась на клетку с птицей. – Все принес ты?

– Да, ваша светлость! – закивал мальчик. – Но я не сам все придумал! Меня попросили...

– И кто же? – нахмурилась я.

– Так и знал, что наша хитрость раскроется, – проговорил за моей спиной герцог. Я даже дверь не прикрыла, так что наш разговор с внуком экономки он наверняка слышал. – Помнишь, что я тебе говорил, Луиджи? Все тайное непременно становится явным. Можешь идти.

Мальчик оставил букет на столике и выскользнул из комнаты, а я обернулась к мужу, который с улыбкой смотрел на меня, прислонившись к стене и сложив руки на груди.

– Так, значит, Луиджи передавал мне подарки от тебя?

– Разве эти подношения не пришлись тебе по душе? – спросил он.

– Мне нравятся цветы, – ответила я. – Но голубка... Разве она не тоскует в неволе? Может быть, выпустим ее? – предложила осторожно. Но Себастьян в ответ лишь покачал головой. – Почему нельзя?

– На свободе она уже не выживет, – объяснил он. – Прирученные домашние голуби – совсем не то же самое, что дикие. Да и опасностей хватает, в наших краях водятся хищные птицы, которые с легкостью могут ее поймать.

Мне вдруг подумалось, что такие же слова говорят девушкам, чтобы не позволять им выходить из дома без сопровождения. На дорогах полно разбойников, для которых любая одинокая путница – желанная добыча. А если она в карете, как я на пути из обители, то ее можно еще и выгодно ограбить.

– Если голубка тебя печалит, я прикажу слугам унести клетку, – произнес герцог, но я покачала головой.

– Пусть остается, главное, чтобы ее не забывали кормить, когда мы уедем.

– Не волнуйся, не забудут, – заверил меня муж, обнимая. Я прижалась щекой к его плечу, позволив себе на несколько мгновений расслабиться и отогнать дурные мысли. Янис прав – нужно дождаться подходящего момента, чтобы поговорить с супругом обо всем, что тяжелым камнем легло на сердце.

В дорогу мы отправились на следующий день. С нами поехал не только хальфданец, но и господин Гаттини, который после того прерванного разговора даже не смотрел в мою сторону. Должно быть, Себастьян не на шутку укорил его за длинный язык, и я чувствовала себя виноватой из-за того, что пыталась разговорить поверенного и узнать побольше о прошлом семьи де Россо, частью которой стала.

Я с любопытством смотрела в окно кареты, отмечая, как наступившая осень потихоньку отнимает бразды правления у долгого южного лета. Под копытами лошадей негромко шуршали пожелтевшие листья, пестрым ковром устилавшие путь. Даже дышалось по-другому – свободнее, легче, полной грудью.

Вспомнилось, как расставалась с нами Ортензия де Россо. Она даже не обняла внука на прощанье, хотя, разумеется, знала, что уезжаем мы надолго и возвратимся в замок нескоро. Экономка и та не удержалась от всхлипываний и вздохов, а бабушка герцога и слезинки не проронила. Однако сам он к такому наверняка привык, поскольку не казался огорченным. Луиджи, прощаясь со мной, расплакался, и я клятвенно пообещала ему, что, когда вернусь, непременно продолжу уроки.

На ночевку мы остановились на постоялом дворе, где нас встретили радушно, словно особ королевской крови, и вовсю расстарались, чтобы угостить повкуснее и устроить поудобнее. После сытного ужина я сразу же

заснула и даже не услышала, как ложился спать Себастьян, с которым мы ночевали в одной комнате. А утром нас накормили завтраком, и отдохнувшие за ночь лошади потянули карету дальше, к столице Ирстании.

Я бы солгала, если бы сказала, что совершенно не тревожилась из-за будущего. Страшило все – и представление ко двору, и вероятность того, что снова придется встретиться с баронессой де Кастеллано, и опасение нечаянно выдать себя. Хорошо, что Янис поехал с нами, и я втайне надеялась, что у меня будет возможность возобновить наши занятия с северным колдуном.

Мой новый гардероб мы везли с собой, но в дорогу я надела старое платье, которое не жаль было помять. Несмотря на то что путешествовать осенью оказалось легче, чем летом, я потихоньку мечтала о горячей ванне и мягкой постели, в которой так приятно вытянуть затекшие ноги. И, когда впереди показались очертания городских ворот и башен, с облегчением выдохнула, предвкушая долгожданный отдых в столичном особняке герцога де Россо.

Глава 33

Я никогда прежде не бывала в больших городах. Стены и внутренний двор обители да окруженный дикой природой замок де Россо – вот и все места, что я знала. А потому сейчас прильнула к окну кареты и жадно разглядывала все вокруг, позабыв про уставшие от неподвижного сидения ноги.

А посмотреть было на что. Столица неумолчно гудела, ошеломляла, кружила голову. Виды, звуки, запахи – все казалось иным, совсем не похожим на привычное. Крутились на ветру флюгеры с условными эмблемами ремесел. У сапожника, например, флюгер изображал щегольской сапожок с загнутым носом и высоким каблуком, а на крыше булочной красовался огромный крендель.

Улицы утопали в цветах, которые продавали женщины в ярких платьях и белых чепчиках. Торговки что-то шумно выкрикивали. Прислушавшись, я поняла, что речь идет о короле и его невесте. Приветствуя их близкое обручение, горожане несли во дворец подарки. Значит, помолвка еще не состоялась? И мы на нее успеем!

Наша карета выехала на площадь. Там выступали уличные музыканты. Слышалось на диво стройное пение, а собравшиеся вокруг артистов зрители бросали в шляпу улыбчивого молодого человека мелкие монеты. Некоторые, ничуть не стесняясь, пустились в пляс, радуясь то ли таланту исполнителей, то ли хорошей погоде, то ли приближающемуся событию, радостному для короля Арнальдо, а может быть, всему сразу. Промелькнуло сожаление, что нельзя присоединиться к этим людям и, приподняв юбки, чтобы не наступить на них, закружиться на светлых камнях, которыми была вымощена площадь. В одиночку или вместе с герцогом, ведь некоторым танцевальным правилам и движениям он меня обучил.

подавив вздох, я снова завертела головой, то и дело подмечая что-то новое. То причудливый букет в руках продавщицы цветов, на который бросала мечтательные взгляды пухленькая девушка, неспешно прогуливающаяся под руку с юношей ее лет – должно быть, кузен или женихом. То стайку ребятишек, разместившихся возле бакалейной лавки и с аппетитом уплетавших свежие пряники.

Должно быть, здесь тоже слышали о разбойниках, но от столицы оставалось впечатление, что все опасности остались позади. Постепенно и

я начинала ощущать, как в мою кровь проникает праздничная беззаботность, как желание отдохнуть с дороги сменяется другим – отправиться на прогулку и никуда не спешить, разглядывая столичных жителей, фасады их домов и прочие чудеса, которые хранил шумный большой город. Я так засмотрелась, что не сразу услышала голос поверенного.

– Высадите меня здесь, пожалуйста! Да-да, вот тут! Всего вам доброго и до скорой встречи!

– И вам! – попрощалась я. – Передавайте привет вашим племянникам, господин Гаттини! Уверена, вы успели по ним соскучиться!

Лишившись одного пассажира, карета в очередной раз свернула и въехала в квартал, где селились исключительно богатые и титулованные люди. Об этом я догадалась почти сразу. Величественные особняки с колоннами просто кричали, что простые горожане здесь не живут. Подумала, что королевский дворец наверняка еще больше и роскошнее – неужели я увижу его совсем скоро?..

– Мы приехали, – сообщил Себастьян, и карета остановилась, вкатившись в ворота одного из особняков, размеры и внешнее убранство которого ничуть не уступали остальным.

Через некоторое время мы уже сидели в просторной гостиной, а смуглая ловкая молодая женщина в сером платье и белом фартуке подавала холодные напитки, смущенно извиняясь, что не успела ничего приготовить, поскольку ее не уведомили о нашем возвращении.

– Тут пока всего одна служанка, – сообщил нам с Янисом герцог, и та поклонилась, с любопытством переводя взгляд с меня на хальфданца. – Розита. Но я могу нанять еще кого-нибудь, чтобы вы ни в чем не нуждались.

– Не нужно, – отказалась я. – Камеристка мне ни к чему. Да и хочется отдохнуть от толпы слуг, – добавила, вспомнив, как служанки не давали покоя, шпионя за мной в замке по распоряжению Ортензии де Россо.

– Как скажете, – пожал плечами Себастьян, когда Янис со мной согласился.

Мы утолили жажду, и Розита отвела меня в комнату, где я смогла наконец-то расплести волосы и сбросить обувь.

– Я принесу воды для ванны, ваша светлость.

– Будь добра, – ответила я, дергая за шнуровку платья и предвкушая, как сменю его на домашнее.

– А вы с герцогом давно женаты?

– Не очень, а что?

– Ничего, ваша светлость, простите, что спрашиваю!
– Если тебя интересует, не жду ли ребенка, вынуждена разочаровать.
– Вот так всегда – господам отчего-то боги не спешат даровать потомство, а нам, бедным, почитай, каждый год...
– У тебя есть дети? – поинтересовалась я.
– Двое, – вздохнула собеседница. – А муж умер пять лет назад, сразу после того, как младший родился. Они с моей матерью живут, пока я работаю.

Я посочувствовала Розите. Такая молодая, и уже вдова! Наверняка ей приходилось нелегко после того, как семья лишилась кормильца. А ведь если бы мне стараниями настоятельницы достался менее состоятельный супруг, я вполне могла бы повторить ее судьбу. Вспомнив обитель, я решила, что теперь-то непременно напишу письмо и отправлю его подругам. Если Аньелла еще там, получит его и ответит. Если нет, сестра Николина сообщит мне ее новый адрес.

В особняке было значительно теплее, чем в замке, однако Розита, расстаравшись для новой хозяйки, разожгла камин. Убедившись, что мне больше ничего не нужно, а с купанием и одеждой я справлюсь сама, она ушла готовить ужин и оставила меня в желанном одиночестве. Сбросив одежду, я с наслаждением погрузилась в теплую воду, уже не удивляясь тому, что когда-то принимать ванну мне казалось непривычным.

С Себастьяном и Янисом мы встретились в столовой. Нам подали щедрые порции чечевичного супа с овощами и розмарином, а на второе запеченного цыпленка. Кухаркой Розита оказалась превосходной. Я сама не заметила, как опустошила тарелки, после чего, поблагодарив за угощение, вернулась к себе. Пока больше ни на что не оставалось сил, потому предложенную герцогом экскурсию по дому отложила на завтра. Очень уж клонило в сон.

Утром меня разбудил шум разговоров за стенами комнаты. Встав с кровати, я подошла к двери и прислушалась, стараясь различить знакомые голоса или отдельные слова. Но тут же смущенно отпрыгнула в сторону, почувствовав себя пойманной на чем-то неприличном – в спальню вошла Розита.

– Доброе утро, ваша светлость!
– Доброе! Кто-то пришел? – осведомилась я. – У нас гости?
– Знакомые вашего мужа слышали о его возвращении в столицу и начали наносить визиты, – невозмутимо пояснила женщина. – Так обычно бывает. Наверное, следовало с вечера предупредить вас, что они могут заявиться ни свет ни заря.

– Без приглашения? – нахмурилась я.

– Ага. Им же любопытно, а как же? Хотят вас увидеть.

Я поежилась и поняла, что знакомство со столичными аристократами состоится куда раньше, чем мы окажемся в королевском дворце.

– Может быть, помочь вам одеться? – предложила собеседница, и я рассеянно кивнула в ответ.

Нарядное платье, украшенное изящной вышивкой, село точно по фигуре, и мне почудилось, что из зеркальной глади на меня смотрит незнакомка. Даже прическа – распущенные по плечам локоны – выглядела иначе. Девушка в зеркале будто сошла с гравюры в книге сказок.

– А как же украшения, ваша светлость? – напомнила Розита, когда я направилась к двери. – Такие наряды не носят без украшений, уж я повидала за свою жизнь знатных дам, с юности на них работаю. А на вас только обручальное колечко, и все...

Шкатулка у меня имелаась, несмотря на то, что раньше я ни одну из драгоценностей не надевала. Старинные, фамильные, баснословно дорогие, они лежали, дразня блеском и непривычной роскошью. По лицу Ортензии без труда можно было прочесть, что она не испытывала ни малейшего удовольствия, отдавая их мне, но по-другому поступить не могла.

Выбрав подходящее к платью ожерелье с обрамленным в серебро темным камнем и подошедшее по размеру кольцо, я вышла из комнаты в сопровождении Розиты, которая следовала за мной, как верная фрейлина за королевой, и прошла в гостиную, где герцог принимал гостей. К счастью, их оказалось всего двое. Оба – мужчины лет тридцати.

– И такую красоту ты скрывал от нас столько времени! – воскликнул один из визитеров и, поднявшись с места, приложился к моей руке. – Впрочем, я тебя понимаю, друг мой. Пожалуй, на твоём месте я поступил бы так же – дабы никто не украл у меня жену!

– Добро пожаловать, господин, – смутившись от столь пылкой реакции на мое появление, произнесла я, глядя на пухлощекого кудрявого блондина, который отпустил мою ладонь далеко не сразу после поцелуя.

– Манчини, ваша светлость, Валерио Манчини! Я, конечно, не такого высокого положения, как ваш супруг, однако познакомились мы еще в юности, так что я позволил себе явиться к вам по-простому, не дожидаясь, пока меня пригласят официально. А это мой кузен Бруно.

Обменявшись приветствиями с его спутником, который вел себя куда сдержаннее, я заняла одно из кресел. Ортензия де Россо говорила, что хозяйка дома должна развлекать визитеров приятной беседой, если против ее присутствия при разговоре не возражает муж. Судя по лицу Себастьяна,

возражений он не имел.

– Вы приехали очень вовремя, да-да, – продолжал словоохотливый Валерио, то и дело бросая на меня масляные взгляды. – Ведь помолвка короля на носу. Всех ждет шумный праздник, бал, угощение!

– И как тебе его невеста? – поинтересовался герцог.

– Весьма хороша собой, по-хальфдански хороша, если вы понимаете, о чем я. Но, по правде говоря, иностранки мне не по душе. Наши местные девушки куда лучше, они подобны созревшему под жарким солнцем сладкому винограду, а не тронутым морозом северным ягодам! – Валерио снова уставился на меня, едва ли не облизываясь, точно кот, увидевший миску сметаны. – Но у короля Арнальдо нет выбора.

– Так, значит, слухи о том, что казна пуста и он рассчитывает на богатое приданое хальфданской княжны, правдивы?

– Увы, мой друг! Без этого брака королю грозит полное банкротство, а экономить он не привык. Тут и на гиане женишься, не то что на чужеземке! – добавил он, имея в виду женщин-духов, которые, по народным поверьям, обитали в лесах и пещерах и время от времени заманивали к себе мужчин, чью кровь выпивали до последней капли, а затем производили на свет детей-полукровок.

Глава 34

– Однако... – продолжал Валерио Манчини, и на лице его появилось еще более лукавое выражение, чем прежде. – Королю не приходится скучать в ожидании первой брачной ночи. Ведь при дворе всегда находятся желающие составить ему компанию...

– Может быть, не стоит об этом говорить? – заметил его кузен, покосившись на меня, как показалось, с извиняющимся видом.

– Почему же нет? Ведь сплетни – это то, на чем стоит наша жизнь, не так ли? К твоему сведению, друг мой Себастьян, прелестная Илария получила отставку, и теперь у короля новая фаворитка.

– Вот как? – без особого интереса отозвался мой супруг.

– Не безызвестная тебе баронесса Виенна де Кастеллано!

Я негромко ахнула и тут же зажала рот ладонью, сделав вид, что всего-навсего кашлянула. Взглянула на герцога и обнаружила, что он, услышав новость, сохранил невозмутимость и не показал ни малейшей заинтересованности в судьбе Виенны. Неизвестно, какой реакции ожидал Манчини, но, судя по всему, он остался разочарован.

– Я все же считаю, что напрасно ты упомянул эту женщину, – сказал Бруно и тут же расположил меня к себе проявленной деликатностью. Валерио явно хотел добавить что-то еще более шокирующее, но приоткрылась дверь, и, испросив позволения войти, Розита внесла поднос с кофе и закусками. Видимо, неглупая служанка решила, что гости собираются позавтракать с нами, и она не могла выбрать лучшего момента для того, чтобы появиться в комнате.

Подслушивала или попросту обладала недюжинной проницательностью? Ведь находясь в услужении у герцога де Россо уже несколько лет, Розита наверняка успела неплохо изучить всех его знакомых. Интересно, а приводил ли он сюда баронессу?..

Мысли о Виенне испортили мне настроение. Фаворитка короля... Почти женатого мужчины, пусть даже его брак будет заключен в интересах политики. А я-то надеялась, что баронесса образумится и, может быть, снова выйдет замуж. Но, похоже, у нее самой таких планов на будущее не имелось.

Взяв на себя роль хозяйки, я отпустила прислугу и разлила горячий напиток из кофейника по чашкам. Пригубила, ощутила горьковатый вкус с нотками пряностей, добавила немного свежих сливок. Визитеры дружно

расхваливали мастерство Розиты.

– Так вот, о баронессе де Кастеллано, – вернулся к теме разговора Манчини, которому, кажется, доставляло удовольствие говорить о той, чье имя мне не хотелось произносить даже мысленно. – Никто такого не ожидал, для всех случившееся оказалось сюрпризом. Ведь Илария всегда считала ее подругой. Кто мог предположить, что Виенне вздумается увести у нее мужчину и занять место королевской фаворитки? Ах, женщины, имя вам – коварство, не лучше ли нам держаться от вас подальше?!

– А вы, должно быть, столкнувшись с ядовитой змеей, готовы затаить злобу на всех представителей змеиного племени, даже на тех, кто и кусаться-то не умеет? – вставила я реплику, наблюдая, как лицо собеседника заливает румянец почти свекольного цвета. Любопытно, чего он ожидал? Что я в слезах выбегу из комнаты, услышав, что у нас с невестой короля Арнальдо общая соперница?

– Остроумия вам не занимать, ваша светлость, – улыбнулся Бруно. – Смотри, Валерио, у тебя появилась достойная противница! К чему продолжать мусолить эту не самую новую сплетню?

– Наверное, действительно ни к чему, – уязвленно пробормотал Манчини и отправил в рот большой кусок испеченного со специями хлеба с толстым слоем масла.

– Лилиан вскоре ожидает представление ко двору, – заметил Себастьян. Подумав о том, что мы наверняка встретим во дворце баронессу, я вздохнула, но ничего не сказала. – Думаю, увидимся там.

– Само собой! – Бруно поставил на поднос опустевшую чашку, на круглых боках которой заплясали проникающие сквозь витражное окно солнечные лучи. – Удачи вам, ваша светлость!

– Спасибо, – отозвалась я, действительно чувствуя благодарность к мужчине, который показался мне куда более приятным человеком, чем его кузен, несмотря на то, что обладал довольно непримечательной внешностью – такие практически не запоминаются.

После завтрака гости покинули особняк, и я наконец-то смогла перевести дух. Первая встреча со столичными знакомыми герцога состоялась! Теперь главное – набраться сил и смелости перед тем, что предстояло дальше.

– Я еще не говорил тебе, как ты хороша сегодня? – спросил муж, когда я размышляла, на что мы потратим остаток дня.

– Зато говорили другие, – ответила я. Кажется, мои слова прозвучали немного кокетливо, однако я вовсе не ставила перед собой цель заставить Себастьяна ревновать. – Ты покажешь мне столицу?

– Конечно! Я готов подарить тебе не только этот город, но и весь мир... – вымолвил он, притягивая меня к себе.

Я опустила глаза. Снова нахлынули мысли обо всем, что омрачало наши мгновения наедине. Незаданные вопросы, сомнения, горящие на языке сильнее кофейных зерен, тайна, обжигавшая расплавленным свинцом.

Страх нарушить хрупкое равновесие и оборвать первые ростки чувств между нами не позволял перейти черту.

Не сейчас.

Как и обещал, Себастьян подарил мне Лиарнесс – столицу нашей страны. Вечный город.

Мы гуляли по его улицам и площадям до самого вечера. Только вдвоем – Янис под удобным предлогом отказался, сказал, что еще успеет все посмотреть, ведь не завтра же уезжать. Я уговорила герцога отправиться на прогулку пешком и одеться попроще, как большинство жителей. Так что по внешнему виду никто бы не признал в нас обитателей аристократического квартала. Меня такая анонимность весьма радовала – не хотелось оставаться простой зрительницей, наблюдающей за жизнью большого города из окна кареты.

А так мы могли, растворившись в толпе, где никто не обращал на нас внимания, пройти по узким улочкам и широким проспектам, бросить горсть монеток в искрящуюся на солнце воду фонтана, заглянуть в лавку, где продавались самые вкусные в Ирстании сладости. Хозяин, который самолично стоял за прилавком, посчитал нас молодоженами и добавил к нашему заказу фруктовое пирожное, подобного которому мне никогда прежде не доводилось пробовать. Мы с Себастьяном разделили его на двоих, и он долго смеялся, когда я измазала кончик носа кремом.

Здесь и сейчас, полностью отдавшись настоящему, я чувствовала себя счастливой. Беззаботной, легкой, как пташка, которую выпустили на свободу. Но не в одиночестве, а с тем, на кого можно положиться, кто поможет избежать трудностей, которые ожидают впереди.

Невольно закралась мысль об Ортензии де Россо. Любопытно, а была ли она когда-нибудь так же довольна жизнью, позволяла ли себе хотя бы ненадолго расслабиться? Или для нее существовали только правила и обязанности, которые герцогиня неукоснительно соблюдала? И больше ничего – никаких ярких красок, никаких полутонов между черным и белым? Я вдруг поняла, что жалею ее, хотя, наверное, не смогу никому в этом признаться.

Когда мы с герцогом вернулись домой, у меня гудели ноги, но это была

приятная усталость. Блаженно вытянувшись на кровати, я прикрыла глаза и позволила себе немного отдохнуть перед тем, как переодеться к ужину, который успела приготовить к нашему возвращению Розита. Но слова, которые я услышала от заглянувшего в мою комнату Яниса, мигом испортили настроение.

– Боюсь, что у нас снова гости, и ты их знаешь, – произнес он.

– Снова Валерио и Бруно Манчини? – приводя в порядок одежду, спросила я.

– Увы, нет. Здесь баронесса де Кастеллано. И женщина, которую она представила как свою компаньонку.

– Не может быть!

– Может, – развел руками хальфданец. – Тебе ведь известна ее бесцеремонность. Однако умоляю, не забудь о том, что нужно держать себя в руках.

– Не забуду, – буркнула я.

– Будь осторожна, – добавил колдун. – Эта особа – твой враг. Пусть сейчас баронесса и не охотится за твоим мужем, того, что он женился на тебе, а не на ней, она не простит, и если ей подвернется возможность отомстить, непременно воспользуется этим.

Я кивнула в ответ, понимая, что северянин прав. Колдун разбирался в людях куда лучше меня. Когда он вышел, я сменила платье, на сей раз без помощи служанки. Раздраженно провела гребнем по волосам, не сразу заметив, что причиняю себе боль. Затем, отбросив гребень, отправилась в столовую, где по левую руку от Себастьяна восседала его бывшая любовница. Я словно снова вернулась в замок де Россо, в те дни, когда вынуждена была терпеть ее присутствие. Возле Виенны с хмурым видом сидела женщина чуть старше ее самой.

– Добрый вечер! – с медовыми интонациями поприветствовала меня баронесса – так, словно мы с ней расстались приятельницами, а не врагами. – Надеюсь, вам пришла по нраву столица? Вы ведь наверняка никогда раньше не видели больших городов и даже представить себе не могли, как в них живут люди.

– Откуда вы... – запнулась я.

– Слухи расходятся быстро, – угадав, о чем я хочу спросить, отозвалась собеседница, пожав плечами, обтянутыми зеленым бархатом с золотистой вышивкой. – Мне сообщил о вашем приезде Валерио Манчини, который нанес вам визит. Да, позвольте представить вам Иларию де Коста, мою компаньонку, которая любезно согласилась составить мне компанию сегодня вечером.

Я с изумлением уставилась на ее молчаливую спутницу, которая, потупившись и закусив губу, смотрела на скатерть. Неужели это и есть опальная фаворитка короля? Виенна не могла унижить ее больше – заняв место рядом с его величеством, она сделала эту несчастную едва ли не своей прислугой! Но баронессе, похоже, происходящее доставляло немалое удовольствие. До чего же мерзкая гадина!

Руки сами собой сжались в кулаки, кожа стала горячей. Поймав предупреждающий взгляд Яниса, я сделала глубокий вдох. Нужно успокоиться... Если дар вырвется из-под контроля, плохо будет прежде всего мне самой. Виенна столь удобной возможности расквитаться не упустит.

– Рада, что ваш супруг в добром здравии, – проговорила баронесса, и мне в ее словах почудилось сожаление. Но о чем? О том, что герцог поправился, или о том, что она не задержалась в замке до его выздоровления?..

Глава 35

Вечер в компании баронессы тянулся бесконечно. Не забывая отдавать должное стряпне Розиты, незваная гостья трещала без умолку. Зато ее спутница отмалчивалась и почти ничего не ела – видимо, ей, как и мне, кусок не лез в горло.

Несомненно, Иларию де Коста, как и саму Виенну, называли бесстыдницей. Ведь она состояла в незаконной связи с мужчиной, и будь он хоть тысячу раз титулован и коронован, это дела не меняло. Однако я ей отчего-то сочувствовала. Может быть, потому, что видела, как пренебрежительно относится к ней баронесса де Кастеллано? Если когда-то две эти женщины и были подругами, то сейчас от дружбы не осталось и следа.

Виенна, не скрывая, упивалась своим новым положением и теми привилегиями, которые оно давало. Но, как я заметила, говорить о нареченной короля фаворитка не пожелала, а когда я упомянула о скорой помолвке, недовольно поморщилась. Видимо, северянка оказалась крепким орешком.

Мне очень хотелось поскорее с ней познакомиться. С девушкой из Хальфдана – страны, куда меня влекло с пугающей силой. С княжной, которая покинула родину и, как я сама, не имела в столице близких людей. Возможно, мы даже могли бы подружиться! Наверняка она уже успела выучить наш язык и могла разговаривать с придворными.

Я даже Себастьяну не говорила, что увидеть невесту его высочества мне хочется гораздо больше, чем самого короля Арнальдо.

Когда баронесса и ее компаньонка наконец-то покинули особняк, я вздохнула с облегчением. Пожелав всем доброй ночи, вернулась в свою комнату, где стояла благодатная тишина, особенно приятная после долго звучавшего в ушах голоса баронессы. Убрав со стола, Розита заглянула ко мне, узнать, не нужно ли чего, и я попросила ее приготовить для меня ванну.

Блаженно вытянувшись в горячей воде, благоухающей ароматными маслами, я едва не заснула. Открыла глаза, когда скрипнула дверь и в ванную комнату вошел герцог. Увидев его, вздрогнула и попыталась прикрыться руками, не сразу осознав, что стесняться больше нечего.

Это внезапное появление напомнило мне о нашей первой встрече. О моих волнениях и страхах. О неизвестности, которая ждала впереди.

Теперь я знала куда больше, чем та испуганная девочка, однажды переступившая порог замка де Россо. Мой супруг действительно оказался красивым и благородным человеком, как его и описывал поверенный по дороге из обители. Его лучший друг – северный колдун – стал и моим другом, а с причудами Ортензии можно свыкнуться, если принять во внимание ее почтенный возраст и выпавшие на долю бабушки Себастьяна невзгоды. Ведь она похоронила не только мужа, но и сына, и невестку! Но за то, как старая герцогиня поступила с колдуньей из Хальфдана, я ее простить не могла.

– Думал, что ты уже спишь, но решил проверить, – вымолвил герцог, когда наше обоюдное молчание слишком затянулось. Не спеша приблизился, засучил рукава белой рубашки, взял намыленную губку, про которую я, задремав, совсем забыла. – Позволишь?

Я, чуть помедлив, кивнула и невольно задержала дыхание, когда он провел по моему плечу. Касание получилось совершенно невинным – так могла бы провести губкой и я сама, и служанка, если бы я попросила помочь искупаться, и все же, все же... Вдохнув наконец-то воздух, я подтянула колени к груди и обняла их руками.

От воды поднимался пар. Губка в широкой ладони Себастьяна медленно скользила по моим плечам, спине, рукам. Я почти расслабилась, но вдруг почувствовала, как рука мужа спустилась от шеи к груди, дразняще обвела ее по кругу, затем еще раз. Мои вдохи стали прерывистыми, но прекратить мытье, больше похожее на искушающие ласки, я не пыталась. Просто не нашла в себе сил.

– Закрой глаза... – услышала сказанные хрипловатым голосом мужа слова и покорно сомкнула веки. Все ощущения усилились в несколько раз, стали острее и ярче. Теперь я не знала, где почувствую следующее прикосновение, и эта томительная неизвестность распалая еще больше. – Расслабь руки, положи их сюда, вот так... И не подглядывай!

И снова мягкие касания пахнувшей цветочным мылом губки... Грудь, спина – неторопливое движение сверху вниз, колени, которые наверняка сейчас дрожали бы, если бы я стояла, а не лежала в ванне... Ступни и пальцы на ногах – чтобы провести по ним губкой, герцогу пришлось поочередно приподнять мои лодыжки из воды. Стало немного щекотно – совсем чуть-чуть. Но и приятно тоже...

Я, не сдержавшись, громко ахнула и тут же закусила губу, пытаясь подавить стон, когда губка, обрисовав впадинку пупка, скользнула ниже.

– Можешь кричать не сдерживаясь, – шепнул Себастьян. – Комната Яниса далеко, а комната прислуги – еще дальше. Так что никто тебя не

услышит.

– Кроме тебя... – выдохнула я.

– Кроме меня, – согласился он, ни на мгновение не останавливая сладкую пытку. – Но меня тебе стыдиться не нужно. Так хорошо?

– Так... ох... да!..

Я распахнула глаза и, встретив устремленный на меня взгляд, потянулась к герцогу, уже не заботясь о том, что могу намочить его одежду.

– Прости за визит баронессы, – сказал он позже, когда мы лежали в постели. – Я не хотел, чтобы она сюда являлась. Но теперь ей покровительствует король, а он известен тем, что выполняет все капризы своих фавориток, пока те ему не наскучат.

– Значит, Илария де Коста – не первая...

– И не последняя. Увы. Едва ли женитьба его исправит. Виенна поторопилась, посчитав, что сейчас все в ее руках.

– Не хочу больше ни слышать, ни говорить о ней, – сонно пробормотала, устраиваясь поудобнее. – Пусть живет как знает. Лишь бы нас не трогала.

Ночью пошел дождь. Я проснулась от негромкого шороха, прислушалась, натянув на плечи соскользнувшее одеяло. Огонь в камине погас, в комнате стало прохладно. Сон не торопился возвращаться, и я повернулась на бок, разглядывая в предрассветном сумраке мирно спящего мужа. Во сне он казался моложе и совсем не хмурился, словно все тревоги разом оставили его, позволив немного отдохнуть.

Я вздохнула, невольно вспомнив вчерашнее появление баронессы в особняке. Не предполагала, что захочу этого так скоро, однако мне подумалось, что, пожалуй, буду рада возвращению в замок де Россо. Едва ли Виенна решится отправиться туда снова, а здесь ей ничего не мешает повторить недавний визит.

В полных смятения мыслях я снова вернулась к тайне, которую до сих пор не осмелилась поведать супругу. Я не обманывала его и не предавала в том смысле, который вкладывала в эти слова Ортензия, но умолчала о том важном, что являлось неотъемлемой частью меня самой. Потому что страшилась его реакции. Да, Себастьян дружил с Янисом, но быть женатым на колдунье – совсем другое дело. В нашей стране быть женщиной, наделенной таким даром, опасно не только для нее самой, но и для ее близких. Прежний герцог, едва не женившийся на хальфданке, не пострадал, должно быть, потому, что слава его отца шла впереди него. Но, окажись на его месте обычный человек, он бы не отделался так просто и непременно был бы наказан за связь с обвиненной в колдовстве девушкой.

Лежа и слушая дождь, я призналась себе в том, что меня пугает не только то, что могу быть разоблачена. Я боялась увидеть разочарование в глазах Себастьяна. Осознать, что он думает, что совершил большую ошибку, взяв меня в жены. Жалеет о времени, проведенном со мной. О прошедшем дне, когда мы беззаботно гуляли по Лиарнессу, о сегодняшней ночи...

Смогу ли я такое вынести?..

На глаза набежали слезы. Я не вытирала их, позволила впитываться в подушку, в которую уткнулась лицом, чтобы не потревожить сон герцога. Если бы я его разбудила, едва ли сумела бы объяснить, почему плачу.

А ведь мой муж еще ни разу не сказал, что любит меня...

На этой неутешительной мысли я заснула, а проснулась, когда за окном уже окончательно рассвело и дождливая ночь сменилась погожим днем. Себастьян ушел, в кровати я осталась одна. Через некоторое время, будто почуяв, что уже не сплю, в дверь постучала Розита с вопросом, чего бы мне хотелось на завтрак, а затем сообщила, что герцог и его друг отправились кого-то навестить.

Наскоро перекусив, занялась тем, что давно планировала сделать. Отыскала все необходимое и написала письма в обитель, одно адресовала Аньелле, а второе сестре Николине. Существовала вероятность, что письма попадут в руки настоятельницы, а ей я не доверяла, так что все сведения, касавшиеся моего колдовского дара, о котором догадалась целительница, изложила завуалированно, надеясь, что сестра Николина поймет, о чем речь.

Когда закончила писать, вернулись Себастьян и Янис. Наступило время обеда. После него мой супруг предложил пойти на прогулку вдвоем, а заодно отправить письма.

Мы частично повторили вчерашний маршрут, но и новое по дороге попадалось. Заметив немолодого уличного художника, продающего готовые работы, я, попросив своих спутников немного подождать, приблизилась и, словно споткнувшись от неожиданности, замерла перед одной из картин. Она оказалась меньше и выглядела немного иначе, чем та, что висела в библиотеке замка де Россо, но не было никаких сомнений, что на ней изображено то же самое место.

— Где это находится? — спросила я, замороженно разглядывая море и возвышающуюся над ним белую башню маяка.

— Альмарис, — отозвался художник.

Альмарис... От слова повеяло ароматом свежего ветра, южных цветов и диковинных пряностей. А еще вкусом морской воды, горьковато-соленой,

как слезы.

– Я бы хотела когда-нибудь там побывать, – произнесла негромко, но мужчина меня услышал.

– Не переставайте мечтать, и – кто знает? – может быть, отправитесь туда довольно скоро.

– Могу я ее купить? – удивившись своему вопросу, осведомилась и нерешительно взглянула на герцога. Я никогда прежде не просила у него денег, попросту не нуждалась в них, ведь в замке негде было делать покупки, а мой новый гардероб Ортензия де Россо оплатила сама. Но сейчас мысль о том, что картина окажется в чужих руках, показалась крайне досадной.

– Конечно! Я ее аккуратно заверну, чтобы сподручней было нести. И чтобы дождик не намочил, если вдруг снова начнется.

Себастьян подошел ближе и услышал обрывок разговора.

– Я ведь могу... – смутилась я, глядя на художника, который ловкими движениями заворачивал картину в плотную ткань.

– Можешь даже не спрашивать, – ответил герцог еще до того, как я осознала, что даже цену забыла спросить.

Он заплатил, а хальфданец вызвался нести покупку, так что дальше мы шагали уже с приобретением. Я еще не знала, где повешу картину и повешу ли вообще, но радость от того, что теперь она принадлежала мне, согревала сердце. Я с благодарностью посмотрела на мужа и, поймав его ответный взгляд, улыбнулась.

Глава 36

К счастью, в этот день никто не приходил, зато на следующий нам с Себастьяном назначили аудиенцию у короля. Янис не мог сопровождать нас, однако Себастьян пообещал, что попросит для хальфданца приглашение на помолвку. Герцог, который не в первый раз посещал королевский дворец, выглядел совершенно спокойным, зато я волновалась за троих.

Картину повесили в моей комнате – так, чтобы, просыпаясь, я могла ее видеть. Художник писал Альмарис в хорошую погоду, и казалось, что солнечный свет над бескрайним морем, переливаясь через тесную для него раму, озарял все вокруг. Я не находила ответа на вопрос, чем именно неизвестное место так меня притягивает, но подолгу не могла отвести взгляд от картины – так же, как от той, другой, что висела в библиотеке замка.

Замок де Россо по контрасту с шумной столицей вспоминался все чаще. По Ортензии я не скучала, но по Луиджи и его бабушке – безусловно. Неужели родовое гнездо супруга стало и моим домом, по-настоящему – моим? Вместо другого, потерянного, воспоминаний о котором у меня не осталось. Если бы я еще могла быть искренней с Себастьяном...

Янис сдержал слово и не торопил меня, ожидал, когда я решусь поведать мужу свою тайну. Я верила, что он не выдаст, но меня с каждым днем сильнее тяготило, что герцог знает обо мне далеко не все. Впрочем, я о нем тоже. Вспоминался краткий разговор с поверенным Гаттини, из которого я узнала кое-что про дедушку Себастьяна. Если муж Ортензии де Россо действительно охотился на колдуний, то нет ничего удивительного в том, что она не признала невесткой девушку из Хальфдана, за которой в замке могли подметить что-то странное.

Как не признала бы и меня, если бы ей стало известно о моих уроках с северным колдуном...

Нарядиться для приема во дворце мне помогла Розита. Платье оттенка спелой вишни, украшенное некрупным цветочным узором на поясе, выглядело куда сдержаннее других моих нарядов, и все же я остановила свой выбор именно на нем. Моя помощница полностью его одобрила и вызвалась уложить волосы.

Лучшим зеркалом, в котором я увидела восхищение и желание, оказался взгляд герцога, встретившего меня за порогом спальни. Он тоже

нарядился, надел парадный темно-синий камзол. Таким я его еще не видела.

Чтобы добраться до резиденции короля Арнальдо, нам не понадобилось много времени. Сердце колотилось так сильно, что Себастьян, который сидел рядом в карете, наверняка это слышал. Положив руку на мою ладонь, он сжал пальцы, молчаливым жестом показывая, что будет рядом и мне не придется оставаться наедине с совершенно чужими людьми.

По дороге я старалась не думать о баронессе де Кастеллано, но у меня не получалось. Интересно, она не огорчилась, узнав, что герцог жив и здоров? Не пожалела, что сбежала из замка? Ведь теперь она фаворитка короля, хотя у того скоро свадьба... Однако у Виенны нет ни малейшего шанса стать королевой.

Карета плавно въехала в парк, и я залюбовалась аккуратно постриженными кустами, которым королевские садовники придали различную диковинную форму. Несмотря на то что столица находилась южнее, чем замок де Россо, листья здесь тоже начали желтеть и шуршали под колесами. Мне вдруг захотелось очутиться где-нибудь в лесу, вдохнуть свежего, пахнущего осенью воздуха, и я рассказала о своих мыслях Себастьяну.

– Можно устроить, – отозвался он невозмутимо.

– Правда? – обрадовалась я.

– Почему бы и нет?

Он кивнул на что-то за окном, и я повернулась, успев увидеть впечатляющего размера фонтан. Его украшала скульптура, изображавшая влюбленную пару, застывшую в ставших вечными объятиях. Казалось, будто длинная юбка девушки с белой пеной мраморных кружев развевается на ветру.

– Какая красота! – восхитилась я.

– Удивительное мастерство, – согласился со мной герцог. – Ее создали при короле Сильвано. Говорят, что он распорядился поставить статую здесь в знак любви к королеве Доротее.

«Значит, и короли иногда женятся по любви, – подумала я, решив найти возможность, чтобы получше рассмотреть фонтан и скульптуры. – Или они полюбили друг друга только после свадьбы? Как... как мы».

Эта мысль заставила меня смущенно опустить взгляд, но мой спутник, кажется, ничего не заметил. А ведь он действительно еще не говорил мне о своих чувствах, так почему же у меня оставалось все меньше сомнений? Разве правильно делать выводы, не узнав, что на душе у другого человека?

Но ведь о таком не спрашивают... Хотя бы из страха услышать в ответ совсем не то, что хотелось бы.

– О чем задумалась? – поинтересовался Себастьян.

– Даже не верится, что вот-вот увижу короля и его невесту! – отозвалась, надеясь, что не покраснела от своей невинной лжи. О его величестве и хальфданке я тоже, разумеется, думала, да и волновалась, как пройдет наша встреча, но сейчас мысли о них отошли в сторону, сменившись другими. Такими, в каких я пока не осмелилась бы кому-то признаться.

– Уверен, ты им понравишься.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что ты не можешь не нравиться.

Сердце пропустило удар. Ведь эти слова можно посчитать тем самым признанием? Или только предисловием к нему?

– Тебе так кажется, – сказала я вслух. – К примеру, твоей бабушке я не нравлюсь. И она совсем не пытается притвориться, что дело обстоит иначе.

– Однажды и она поймет, что я за всю жизнь не сумел бы отыскать никого лучше тебя, – произнес герцог, и мне вдруг показалось, что время остановилось. Так хотелось сохранить это мгновение в памяти навсегда. Спрятать в шкатулку, чтобы когда-нибудь, когда мне станет грустно, достать и снова ощутить то же, что и сейчас. Со всей полнотой удивительного мига, с каждым замирающим на губах вздохом, с каждой горячей искоркой, вспыхнувшей на губах, когда Себастьян придвинулся чуть ближе и поцеловал меня. Мы оба не сразу заметили, что приехали. – Нам пора, – шепнул он, заправляя мне за ухо выбившийся из прически локон. – Но я запомню, на чем мы остановились...

Королевский дворец оказался именно таким, каким я его представляла. По сравнению с крепким, как скала, мрачноватым замком моего мужа резиденция короля Арнальдо производила впечатление легкости и воздушности, будто ее не изваяли из камня, а соткали из солнечных лучей и осенних паутинок. Любуясь, я ненадолго остановилась, а переступая порог, даже зажмурилась и украдкой ущипнула себя, чтобы убедиться, что это не сон.

Безродную девушку, воспитанную в обители и ничего не помнящую о собственном прошлом, пригласили на прием к самому королю?..

Гладкий паркет, огромные окна, в которые свободно проникал дневной свет, обтянутая парчой мебель... Крепко державший меня под руку спутник точно знал, куда идти. Одна я тут наверняка заблудилась бы.

– Герцог де Россо и его супруга! – звучно объявил о нашем прибытии

стоящий у входа в тронный зал мужчина в ливрее, распахивая перед нами дверь.

Подняв глаза на короля Арнальдо, я тут же скромно потупила взор и сделала реверанс, но увидеть смогла достаточно. Наш монарх обладал типичной внешностью южанина – вьющиеся темно-каштановые волосы, карие глаза. Он носил усы и короткую бородку, одежду предпочитал неярких цветов, но с изысканной узорчатой вышивкой.

– Наслышан о вас, – проговорил король, глядя на меня с нескрываемым любопытством. – Но, признаться, не ожидал, что герцогу так повезло с женой. Вы станете украшением нашего двора.

– Ваше величество... вы мне льстите, – пробормотала я, засмуцавшись.

– Прелестно! Она и смущаться еще не разучилась! Что же, а сейчас позвольте представить вам мою нареченную – княжну Эльсу из Хальфдана!

Девушка, на которую король небрежно кивнул, назвав ее имя, взглянула на нас. Эльса оказалась истинной северянкой, какими мне описывал их Янис. Светловолосая, белокожая. Но хрупкой княжна не выглядела. Ей гораздо больше подошли бы одежды из шкур, заросший можжевельником лес, остро наточенный нож в руке, чем тонкая вышивка наряда, блеск драгоценных камней и роскошь королевского дворца.

– Мое почтение, – с поклоном приветствовал ее Себастьян, и я последовала его примеру.

– Добро пожаловать! – почти без акцента ответила девушка.

– А теперь мне хотелось бы поговорить с герцогом де Россо наедине, так что я на какое-то время украду вашего супруга, – сказал король Арнальдо. – Вы можете прогуляться по дворцу. Уверен, придворные не дадут вам скучать.

С этими словами король вышел, и герцог последовал за ним. Растерянно оглядевшись по сторонам, я покинула тронный зал и остановилась в коридоре, не зная, куда идти. Все вокруг сверкало позолотой, но от мраморных колонн веяло холодом и равнодушием.

Мне здесь не нравилось.

– Ваша светлость! – услышала я и скрипнула зубами, узнав знакомый голос. Виенна де Кастеллано! – Теперь и вы среди нас!

Подняв взгляд, я посмотрела в лицо женщины, стараясь не выдать своей досады. Баронесса улыбалась – казалось бы, вполне дружелюбно, но мне сразу вспомнились рассказы о хищных рыбах с острыми зубами. Приблизившись, она схватила меня за локоть.

– Пойдемте, я познакомлю вас со всеми! Если Себастьян с королем,

это надолго. Им многое нужно обсудить. Не стоять же вам тут, как бедной родственнице, – усмехнулась она. – Милостыню не подадут, не надейтесь.

Оглянувшись и не обнаружив за спиной никого, кто мог бы отвлечь Виенну или заговорить со мной, я последовала за баронессой, посчитав, что среди белого дня ничего плохого случиться не может. Шли мы недолго. В следующем зале нам встретилась стайка разодетых девушек. Все они приветствовали баронессу реверансами. Должно быть, положение королевской фаворитки поднимало ее на особую высоту.

– Придворные дамы! – объяснила Виенна. – Будущие фрейлины королевы, демоны бы ее побрали... Не желаете присоединиться к ним в ближайшем будущем?

– Но я замужем!

– Это не имеет значения. Если король Арнальдо отдаст распоряжение, герцогу придется примириться с вашей службой при дворе. Или... дорого выкупить возможность от нее отказаться.

Глава 37

Наверное, для кого-то слова о том, что есть возможность получить место при дворе, прозвучали бы чудесной музыкой, но меня услышанное напугало. Судя по хитрой улыбке, которая змеилась на губах собеседницы, именно такой реакции Виенна де Кастеллано и ожидала. Едва ли она, успев некоторое время пообщаться со мной в замке де Россо, могла считать, что служба фрейлиной – предмет моих мечтаний. Чтобы согласиться на это предложение, следовало соответствовать окружающей обстановке так же, как соответствовали ей эти девушки, которые, ничего не говоря и не пряча любопытства, наблюдали за нашим с баронессой разговором. Но не я.

– Значит, вас не порадовала такая возможность? – спросила она, и в ответ я покачала головой.

– Неслыханная дерзость! – фыркнула одна из девиц, скривив губы. – Разве от такого отказываются? Его величеству это не понравится!

– Не понравится, – с блеском в глазах повторила Виенна, и мне вспомнились слова короля Арнальдо, что я стану украшением его двора. Неужели и он считал, что я должна здесь остаться? А как же Себастьян и возвращение в замок?..

– Или вы не хотите служить нашему монарху? – осведомилась у меня все та же девица, задрав чересчур длинный нос.

– Хочу, но не так, – отозвалась я.

– Не та-а-ак? – протянула она, и ее спутницы громко прыснули. – Кажется, она метит на ваше место, дорогая баронесса... Будьте осторожны!

Осознав, на что сейчас намекнули, я почувствовала, что к лицу прихлынула кровь. Да как она смеет?! Если все фрейлины спят и видят, как бы оказаться в постели короля, вовсе не значит, что и я должна мечтать о том же!

Развернувшись и даже не предполагая, что могу заблудиться в лабиринтах длинных коридоров, я бросилась прочь. Мне не хватало воздуха. Стены будто сдвигались, грозя сомкнуться и замуровать меня тут навечно.

Едва не поскользнувшись на паркете, я остановилась и огляделась по сторонам. Вокруг было тихо и безлюдно, но место выглядело совершенно незнакомым – кажется, здесь я раньше не была. От бархатной занавески, за которую уцепилась, чтобы не упасть, резко пахло залежавшейся пылью. Очарование королевского дворца таяло на глазах. Все окружающее

казалось фальшивкой, декорацией, лишенной жизни, света, искренних чувств.

Мне подумалось: а каково же северянке, которая вынуждена будет провести тут остаток жизни? После холодных просторов далекого Хальфдана, после детства и юности, проведенных там, где девушек воспитывали не слабыми и зависимыми, как в Ирстании, а свободными и имеющими право выбирать свою судьбу... Княжне и так пришлось смириться с тем, что будущего мужа она выбрала не по велению сердца, но, должно быть, никто не предупреждал ее, насколько вольные нравы при дворе короля Арнальдо. А король совершенно равнодушен к невесте! Иначе не стал бы заводить отношений с баронессой де Каstellано, которая вела себя так, словно не Эльса, а она вот-вот станет королевой!

– Я не хочу здесь оставаться... – сказала самой себе за неимением других собеседников. Мне все сильнее хотелось вернуться в замок. Обнять Луиджи, научиться как следует ездить верхом, попытаться найти общий язык с Ортензией. Хотелось простой, мирной жизни с тихими вечерами в библиотеке, где я еще не успела прочесть много занимательных книг. Жизни рядом с мужем.

– Боюсь, пока у вас нет выбора, ваша светлость, – произнес рядом чей-то голос, и я, от испуга едва не оборвав занавеску, уставилась в смутно знакомое лицо. – Я услышал обрывок беседы герцога с его величеством. Совершенно случайно, поверьте, у меня нет привычки подслушивать чужие разговоры.

– Господин Бруно Манчини? – вспомнила я имя неприметного человека, который приходил в особняк в компании говорливого кузена.

– Рад, что вы меня не забыли, – усмехнулся он.

– Так что вы слышали?

– Его величество король Арнальдо желает, чтобы вы и ваш супруг задержались в его резиденции до помолвки, а может быть, и до свадьбы.

– О нет! – воскликнула я, не сдержавшись. – Поселиться во дворце? Не возвращаться в город?

– Именно так.

– И... король сам этого захотел? – спросила, гадая, не Виенна ли это подстроила.

– Чего не знаю, того не знаю, – пожал плечами собеседник. – Вам тут не нравится? Не вижу на вашем прекрасном лице радости от возможности какое-то время пожить во дворце, который многие считают произведением искусства.

– Я не отрицаю, дворец действительно великолепен, – признала

неохотно. – Но я едва успела привыкнуть к нашему городскому особняку. А здесь так много людей...

– Понимаю, мне тоже порой бывает не по себе, – согласился Бруно. – Но вы ведь не одна. Уверен, ваш муж не даст вас в обиду.

– Вы с вашим кузеном совсем не похожи, – заметила я, припомнив, что именно Валерио Манчини рассказал баронессе о нашем приезде в столицу.

– Все так говорят. А теперь, пожалуйста, вытрите слезы, я провожу вас, куда пожелаете. Может быть, в сад?

Слезы? Я и не заметила. Смущенно провела ладонями по щекам и кивнула.

– Да, пойдемте в сад. Мне хочется поближе рассмотреть скульптуру. Ту, которая украшает фонтан.

– Не удивлен, что вы обратили на нее внимание – она того заслуживает.

В сопровождении Бруно, который превосходно ориентировался во дворце, я спустилась по лестнице и направилась в сад.

Баронесса раздосадованно смотрела вслед жене герцога. Кто бы мог подумать, что она сразу убежит и даже не побоится заблудиться в королевской резиденции, где оказалась впервые? Все развлечение испортила.

– Похоже, у вас не получилось с ней поиграть, – подтвердила ее мысли одна из придворных дам, и Виенна бросила на нее не предвещающий ничего хорошего взгляд.

– Посмотрим, это лишь первый день.

– А если нажалуется супругу?

– Я тоже могу пожаловаться. Да кто она такая, чтобы отказываться от места фрейлины? Принцесса?

Фыркнув, баронесса де Кастеллано отвернулась к окну. Она злилась сейчас, когда девчонка находилась во дворце, еще сильнее, чем раньше. Лилиан изменилась – взгляд стал тверже, в осанке и движениях появилась уверенность, которой Виенна прежде не замечала. Возомнила, что может стать достойной соперницей? Рановато.

Отвратительное настроение усугублялось воспоминаниями о проведенной в королевских покоях ночи. Увы, любовником его величество оказался никудышным. В постели он думал лишь о собственном наслаждении, ничуть не заботясь о том, чтобы удовлетворить женщину. Очевидно, потому, что считал: его высокого статуса достаточно для того, чтобы любовница оказалась на седьмом небе. Виенна делала вид, что всем довольна. А по ночам, когда Арнальдо засыпал, все чаще тосковала по

жарким объятиям герцога де Россо. По его рукам, губам...

Если бы она знала, что Себастьян выживет и вернется в столицу таким же, как и тогда, когда они встречались. Нет, даже лучше!

Но теперь он не один. Их брак с Лилиан наверняка консуммирован, и безродная нахалка вцепилась в мужа еще крепче. Но при дворе у баронессы куда больше возможностей расправиться с девчонкой, которой выпала удача стать женой Себастьяна. Главное – не отпускать их. О том, чтобы молодожены задержались во дворце, Виенна уже позаботилась, побеседовав ночью с королем. К счастью, монарх совершенно не ревнив. Или уверен в том, что фаворитка никуда от него не денется, пока он сам к ней не охладает.

Внезапно ее привлекло что-то за окном, и баронесса взгляделась повнимательнее. Ну и ну! Вокруг фонтана, стоящего со времен правления короля Сильвано, расхаживала супруга герцога, а с ней – Бруно Манчини, каждому при дворе известный как молчун и нелюдим. Почему герцогиня отправилась в сад именно с ним, а не с его кузеном Валерио? Тот стал бы прекрасной кандидатурой на роль любовника, а этот даже флиртовать не обучен, так что никто не поверит, если выставить невинную прогулку как прелюдию к адюльтеру.

Но взять на заметку происходящее стоило, и Виенна довольно улыбнулась. Быстро же Лилиан отыскала себе кавалера! А Манчини-то как восхищенно на нее смотрит, как старается услужить!

«Я должна от нее избавиться, – сказала себе баронесса. – Должна вернуть Себастьяна и стать его законной женой. А король пусть остается с северной дикаркой».

Теперь, когда баронессе удалось занять место Илари и воспользоваться всеми выгодами нынешнего положения, Виенна не сомневалась в том, что для нее нет ничего невозможного.

Еще некоторое время понаблюдав за прогулкой неожиданной парочки, баронесса де Кастеллано зашагала к своей спальне – следовало подготовиться к вечеру. Арнальдо ее сегодня к себе не позовет, так что можно нанести приватный визит герцогу. И напомнить об их прошлом.

Но какое надеть платье? Синее, под цвет его глаз? Или красное, цвета страсти? В каком она будет выглядеть наиболее соблазнительно? Поразмыслив, Виенна остановила выбор на белой нижней юбке из тонкой прозрачной ткани и нежно-персиковом платье с глубоким декольте по моде и тонкой вышивкой. Порок и невинность – изумительное сочетание.

Мужчине не устоять!

Распорядившись, чтобы камеристка приготовила к вечеру платье,

баронесса зашагала к тронному залу. Похоже, разговор короля с герцогом де Россо еще не закончился. А невеста-северянка отправилась к портнихе – на очередную примерку. На то, в чем она приехала из своего Хальфдана, смотреть страшно. Если все тамошние женщины одеваются так же, их мужей остается только пожалеть.

И все же – Виенне непросто оказалось это признать – Эльса пугала ее. Тем, как смотрела, словно замораживала взглядом. Тем, как уверенно держала нож за столом, как ловко стреляла из лука – однажды баронессе удалось посмотреть на ее тренировку. Княжна ничем не походила на местных девушек. Разумеется, она знала или догадывалась о том, какие отношения между баронессой де Кастеллано и его величеством, однако пока не показывала своего отношения к их связи. Как и того, что думала об Арнальдо. Нареченная говорила с ним безупречно вежливо, тщательно подбирая слова на чужом языке, но на предпринятые попытки сблизиться реагировала так, словно в ее жилах текла не кровь, а холодные воды омывающих берега Хальфдана морей.

Глава 38

Прогулка в компании Бруно Манчини немного подняла настроение после встречи с Виенной и несколько примирила с резиденцией его величества короля Арнальдо. Вблизи скульптура над фонтаном оказалась еще прекраснее, чем представлялось из окна кареты. Я несколько раз обошла вокруг, любуясь и с трудом веря, что такое совершенство может быть созданием человеческих рук.

Я почти забыла о времени, но мой спутник напомнил, что пора возвращаться, и проводил меня во дворец. Вернулись мы вовремя – Себастьян как раз закончил беседу с королем, и тот отпустил его. Но, увы, с условием, что до помолвки мы проживем во дворце.

– Не хочу здесь оставаться, – вздохнула я. – Мне неуютно... И фрейлиной быть тоже не хочу.

– А кто сказал, что ты должна стать фрейлиной? – насторожился герцог.

– Ну... мне на такую вероятность намекнули, – ответила уклончиво, еще не решив, нужно ли выдавать баронессу де Кастеллано, намерения которой пока оставались загадкой, но явно не сулили ничего хорошего.

– Я против, – твердо заявил супруг, и его лоб прорезала хмурая складка. Похоже, гораздо лучше меня зная нравы и окружение короля, муж не питал по отношению к большинству придворных никаких иллюзий. – Ты вернешься со мной в замок де Россо.

– Осмелюсь заметить, что полностью согласен с вами, – произнес Манчини, о котором я почти забыла – настолько тихо и неприметно он держался, оставаясь поблизости. – Вы не созданы для этого места, ваша светлость. Оно не для вас.

– А вы что тут делаете? – обратился к нему Себастьян, и тот, пожав плечами, улыбнулся в ответ.

– Помог вашей жене не заблудиться и показал ей фонтан в саду.

– Очень благодарна за помощь, – прибавила я.

– Присоединяюсь к благодарностям, но сейчас мне хотелось бы поговорить с Лилиан наедине, – сказал герцог, и Бруно деликатно отошел, поклонившись на прощанье. – Я отправлю к Янису слугу с запиской. Он привезет наши вещи.

– Янис будет собирать мои платья? – округлила я глаза.

– Думаю, он предоставит эту возможность Розите. Не волнуйся. Долго

мы тут не пробудем. Помолвка совсем скоро. И то, что нам придется пожить некоторое время во дворце, не означает, что нельзя гулять или, как ты хотела, отправиться в лес.

– Правда? – воодушевилась я. – Но ведь после помолвки назначена свадьба. На нее нам тоже надо будет оставаться?

– Посмотрим, – отозвался Себастьян. Он выглядел озабоченным, и я не сказала ему, что успела пообщаться с Виенной. – А теперь пойдем, я покажу тебе наши комнаты.

Две со вкусом обставленные просторные спальни располагались рядом друг с другом, однако я бы не возражала, если бы нас, как на постоялом дворе по пути в Лиарнесс, поселили в одной комнате. Но аристократы живут не так, как простые люди. В их среде заведено, что супруги селятся в разных комнатах и время от времени проводят ночи вместе. Меня бы не поняли, если бы я начала требовать общую спальню в королевском дворце.

Осмотревшись и выпив принесенный горничной прохладительный напиток, пообещала себе, что со всем справлюсь. Что не стану поддаваться на провокации баронессы, которая наверняка продолжала на меня злиться. Что буду вести себя так, как подобает жене герцога из древнего рода, и не позволю ни Себастьяну, ни Ортензии де Россо, чья незримая тень висела над моей головой, за меня стыдиться.

Обещания звучали гордо, однако на деле я не чувствовала уверенности ни в чем. Я словно стояла на ненадежной поверхности плота, балансирующего на волнах, которые с каждым мгновением становились больше. Меня терзали дурные предчувствия, а сонное спокойствие, наполнявшее резиденцию короля Арнальдо, казалось затишьем перед бурей. И все же я верила – если не в себя, то в своего мужа. В того, кто, как я надеялась, сможет со временем принять меня вместе с моей тайной, не оттолкнуть, не оставить в беде, как когда-то сделал с девушкой из Хальфдана его отец.

Обедали мы вдвоем в комнате Себастьяна. К счастью, сегодня нас не заставили трапезничать в общей столовой вместе с другими придворными, и я надеялась, что у меня получится избегать их общества. С кем бы мне хотелось поговорить, так это с невестой его величества, но, несмотря на то что нас друг другу представили, подойти к ней я бы не осмелилась, нужно было, чтобы кто-нибудь помог нам как следует познакомиться.

Ближе к вечеру приехал Янис с вещами. Нести их помогал слуга, с любопытством посматривавший на северянина. Похоже, наш друг огорчился из-за того, что ему предстояло остаться в особняке одному, и я его чувства полностью разделяла. Раньше думала, что мы нанесем визит во

дворец и уедем, а возвратимся сюда лишь в день помолвки, но король Арнальдо решил по-своему. Уж не для того ли, чтобы угодить Виенне, которая, судя по всему, жила здесь безвыездно, несмотря на то, что в столице у нее имелся собственный дом? Но неужели его величеству приятно осознавать, что герцогу придется делить кров с бывшей любовницей, ставшей королевской фавориткой? Нет, никогда мне не понять этих людей и того, что ими движет!

– Ты уверена, что сможешь находиться рядом с баронессой? – поинтересовался хальфданец, когда я вызвалась проводить его к выходу из дворца, чтобы переброситься несколькими словами наедине. Слуга следовал за нами на почтительном расстоянии, так что нашего разговора не слышал. – Справишься?

– А у меня есть выбор? – вздохнула я. – Постараюсь. Ты ведь знаешь – если кто-то что-то заметит или догадается, мне несдобровать...

– Я-то рассчитывал, что мы наконец возобновим наши уроки, – проговорил собеседник, и я кивнула в ответ, поскольку сама на это надеялась. А теперь о занятиях с колдуном оставалось только мечтать. В замке мешали Ортензия и шпионящие за мной слуги, здесь – король, баронесса де Кастеллано и куча придворных, которые наверняка не упустили бы возможности обвинить меня в колдовстве, если бы им представился хоть малейший повод для таких подозрений. В окружении надменных лиц и показной роскоши я чувствовала себя чужачкой и самозванкой. Казалось, вот-вот услышу, что воспитанная в обители безродная девчонка напялила дорогое платье, возомнила себя герцогиней, но ослица в нарядной сбруе никогда не станет скаковой лошадью. Так сказала Виенна, адресуя свое замечание обо мне Иларии, когда они покидали особняк после ужина с нами. Уверена, баронесса знала, что я ее слышу.

Когда мы спустились на первый этаж, нам встретилась нареченная короля Арнальдо в окружении нескольких фрейлин. Должно быть, они возвращались с прогулки. На будущей королеве было платье для верховой езды, удобное, подчеркивающее гибкость фигуры. Слуга следовал за ней, держа в руках лук и стрелы. Хальфданка еще и стрельбой из лука увлекается? Мое восхищение возросло в несколько раз. Еще сильнее захотелось отыскать возможность поговорить с ней наедине.

Янис вдруг остановился и устоял на приближающуюся королевскую невесту. Мне пришлось толкнуть его в бок и заставить поклониться. Но перед тем как сделать реверанс, я с изумлением успела заметить, что хальфданка тоже смотрела на колдуна так, точно перед ней

явилось привидение.

«Да что происходит?» – подумала растерянно. Процессия двинулась дальше, а северянин продолжал стоять на месте, глядя вслед будущей королеве. Я дернула его за рукав.

– Эльса... – пробормотал он и зашагал вперед, как сомнамбула, озадачив меня еще больше. Я помнила, что имени северянки ему не называла. Откуда он его узнал?..

На мои расспросы северный колдун отвечать не пожелал. Торопливо попрощался и сел в карету. Похоже, и у него появились тайны.

После ужина я уединилась у себя, но долго мое одиночество не продлилось – неожиданно мне нанесла визит Илария де Коста. Она заявила, что пришла поболтать, и тут же завалила меня ворохом местных сплетен. Знакомых имен не звучало, и я почти сразу потеряла нить разговора.

– Кажется, я слышала, что вас зовет муж, – сообщила опальная фаворитка, на минутку выскользнув в коридор, а затем вернувшись обратно. – Думаю, вам нужно идти к нему. А я пойду к себе, уже поздно.

– Доброй ночи.

Удивляясь, почему Себастьян не вошел ко мне сам, я направилась в его комнату. Открыла незапертую дверь, потянулась к бархатной занавеси и... замерла, услышав женский голос. Затем осторожно отодвинула край занавески и заглянула за нее.

Моему взору открылась картина, которую я никак не ожидала увидеть: герцог стоял спиной ко мне, напротив кровати, на которой, как у себя дома, расположилась Виенна де Кастеллано. Шевеления занавески она не заметила, потому что как раз наклонила голову, да едва ли что-то могло отвлечь ее внимание от моего супруга, для встречи с которым любовница короля сюда заявила. Должно быть, Иларию ко мне прислала тоже она, не подумав, что та воспользуется удачной возможностью поквитаться с новой фавориткой.

Я видела, как баронесса медленно наклонилась, еще больше открыла грудь в глубоком вырезе легкого светлого платья, потянула вверх подол, обнажая ноги выше колен. Неспешным выверенным движением провела ладонью от ступни до бедра. Подняла взгляд и кончиком языка прикоснулась к карминово-красным губам.

– Должно быть, ты уже заскучал, проводя время с девчонкой. Тебе нужна опытная женщина. Ты ведь знаешь, я умею доставить мужчине удовольствие, – вымолвила она с придыханием, не отрывая жадного взгляда от герцога, на которого старалась произвести впечатление.

– Я не хочу знать, чего ты пытаешься добиться, между нами давно все кончено, – ответил мой муж. Слова прозвучали спокойно, даже равнодушно, совсем не так, как хотелось бы Виенне. Теперь не только она, но и я знала, как меняется его голос в порыве страсти. Но страсти к этой женщине он больше не испытывал.

Ее лицо исказила гримаса и мигом разрушила обольстительный образ, а я, не желая подсматривать, ускользнула. Вернулась к себе в комнату и задержалась у зеркала, вглядываясь в собственное отражение. Расшнуровала платье, позволила ему упасть к моим ногам.

А что, если баронесса права? Моя фигура не могла похвастаться выдающимися округлостями. Она изящная, скорее девичья, чем женская. Небольшая грудь, тонкая талия, хрупкие ключицы... Но ведь Себастьяну нравилось все, что я видела в зеркале! Нравилось больше, чем соблазнительное тело Виенны, которое она ему только что предлагала!

Глава 39

Себастьян пришел в мою спальню позже, когда за окнами сгустилась ночная тьма. Я притворилась, что сплю, свернувшись под одеялом. Боялась выдать себя неосторожным словом или взглядом, дать понять, что невольно оказалась свидетельницей его встречи с Виенной.

Я не сомневалась в его верности, но теперь мне стало гораздо тревожнее. Своим отказом провести ночь с баронессой и пренебрежением герцог нанес ей смертельное оскорбление, но виновницей случившегося женщина наверняка посчитала не его, а меня. Меня – ту, которая перешла ей дорогу. Баронесса де Кастеллано слишком высоко ценила собственную персону и ни за что не согласилась бы забыть ни вчерашний позор, ни то, что ей предпочли простую девушку без титула и влиятельной семьи за спиной. Даже сейчас, когда у нее было особое расположение короля, она не находила себе места от злости, убедившись, что Себастьян де Россо больше ее не хочет. Это она еще не знала, что я наблюдала за ними! Любопытно, что Иларии известно о планах Виенны, ведь неспроста бывшая фаворитка сначала отвлекала меня, а затем обманом вынудила заглянуть в соседнюю комнату?

Повсюду интриги! Сплетаясь в густую паутину, они словно ползли из темных углов, грозя взять в кольцо и раздавить. Где та крепость, в которой до меня не смогут дотянуться?..

С этими невеселыми мыслями я и заснула, а наутро герцог ушел. Стоило позвонить, та же немногословная горничная, что прислуживала вчера, принесла мне завтрак и помогла одеться, хотя я справилась бы сама. А затем меня ожидал сюрприз.

Раздался стук в дверь, и на пороге отведенной мне комнаты появилась княжна Эльса. Сама пришла! На сей раз ее не сопровождали фрейлины, лишь слуга, как и накануне, нес лук и стрелы.

– Вы здесь?! – Я обрадовалась и растерялась одновременно, приветствуя неожиданную гостью.

– Доброе утро! Хочу предложить вам присоединиться к моей прогулке, – спокойно произнесла невеста короля. – Я собираюсь пострелять из лука.

– Но... я не умею, – смущенно отозвалась я.

– Можете для начала попробовать, – вдруг улыбнулась она, и ее красивое лицо перестало казаться суровым, как у владычицы зимы из

хальфданской легенды.

Времени для переодевания не осталось, и я порадовалась тому, что на мне вполне удобное, не сковывающее движений платье. Хороша бы я была, если бы облачилась в наряд, подобный тому, в котором вчера навевывалась Илария де Коста! Я, наверное, и пошевелиться лишний раз в таком не осмелилась бы, боясь, что открытый лиф лопнет или сползет к талии.

В сопровождении молчаливого слуги мы спустились по лестнице и вышли в сад. Поглядывая на невозмутимую спутницу, задалась вопросом, уж не считаюсь ли я с этого дня ее фрейлиной? От Виенны можно ожидать всего.

Помедлив, решила озвучить вопрос.

– Фрейлиной? – приподняв тонко очерченные брови, переспросила северная княжна. – Разумеется, нет! Согласившись составить компанию, вы оказали мне услугу, но у вас есть право передумать.

– Почему я должна отказываться? – ответила, с облегчением выдохнув. – Мне приятно, что вы выбрали меня для прогулки. Должно быть, вам здесь одиноко? – спросила и тут же устыдилась сказанного, но понадеялась, что собеседница не посчитает, что я пытаюсь добиться от нее откровенности.

– Полагаю, вам тоже? – отозвалась она. – Вас отрывали когда-нибудь от родины? От близких людей, от мест, которые знакомы с рождения?

– Возможно, но... я не помню, – призналась ей.

– Как такое может быть?

Вкратце рассказала о себе. О девочке, которая помнила лишь собственное имя, когда ее привезли в уединенную обитель и оставили там на долгие годы. Я так тосковала по родителям, которых не знала, выплакала столько слез, дала столько клятв, надеясь на то, что однажды семья меня отыщет, но память ко мне так и не вернулась. Вспоминать об этом сейчас было не так больно, как раньше. Но где-то в глубине души я никогда не переставала надеяться на встречу с родными, и меня все сильнее беспокоили воспоминания о тех странностях, с которыми я в последнее время столкнулась. Почему картина с Альмарисом в библиотеке замка казалась мне знакомой? И та комната, где жила колдунья-хальфданка, тоже...

Постаравшись отвлечься от воспоминаний, вызванных словами Эльсы, я глубоко вдохнула прозрачный осенний воздух. День выдался нежаркий, но солнечный. Под ногами шуршали листья, которые не успевали убирать садовники, свежий ветер норовил растрепать волосы.

Моя спутница тоже, не скрывая, наслаждалась осенью. Шелестом

желтеющей листвы, голосами птиц, ветром. Бруно Манчини обмолвился вчера, что королевский дворец мне не подходит, но ведь то же самое можно было сказать и о будущей королеве!

Только я вернусь в замок де Россо, а ей придется остаться здесь...

Для тренировок княжна выбрала удачное место в глубине сада, куда, как мне думалось, редко заглядывали придворные. Да и нравилось ли им вообще гулять? С восхищением наблюдая, как ловко северянка управляет с луком, как недрогнувшей рукой натягивает тетиву, как пускает стрелы, я вспоминала рассказы Яниса о его соотечественниках. Сильные, бесстрашные, они наверняка могли сражаться с врагом не хуже любого мужчины. Вот только как вышло, что столь отважная девушка согласилась на замужество с чужеземцем, которого даже не знала раньше? Не захотела идти против воли родителей? Но есть ли надежда, что когда-нибудь его величество устанет от фавориток и обратит внимание на будущую супругу?

– Ваша очередь, – протянула мне лук Эльса.

– Я даже держать его правильно не умею, – вздохнула, прикоснувшись к смертельному оружию, которое выглядело в моих руках вполне безобидно.

– Я покажу. Вот так, осторожнее, выпрямите спину... Цельтесь вон туда, в дерево.

Собеседница отошла в сторону, знаками показывая, чтобы я сделала выстрел. Цель находилась не слишком далеко, однако я очень сомневалась, что попаду в нее. Вероятно, хальфданская княжна училась стрельбе из лука с детства, как я вышиванию, потому столь сложное для меня занятие казалось ей простым и естественным. Но мне вдруг отчаянно захотелось попытаться – выстрелить и увидеть, как полетит стрела. Узнать, что чувствуешь в такие мгновения, которых у меня прежде не бывало.

Вышедших из-за деревьев Иларию и Виенну я заметила, когда тугая тетива уже выскользнула из пальцев. Баронесса успела с громким криком отшатнуться в сторону, а ее приятельница застыла на месте, зачарованно глядя на летящую к ней смертоносную стрелу. Ее разум понимал опасность, но тело от страха отказалось повиноваться.

Сейчас времени у меня было еще меньше, чем когда Луиджи падал с лестницы. В это мгновение я не размышляла – действовала. Уставилась на выпущенную стрелу, беззвучно шевеля губами и ни на секунду не отрывая от нее взгляда.

Когда стрела вильнула в сторону и, совсем чуть-чуть не долетев до того места, где стояла Илария, упала на землю, я позволила себе выдохнуть. Заморгала, чувствуя, как слезятся глаза от ветра и сильного

напряжения, положила на траву лук, дрожащими руками пригладила растрепавшиеся волосы. И осознала, что я только что сделала.

Чуть не убила человека. Спасла жизнь. Раскрыла свой колдовской дар.

Видел ли кто-нибудь, догадался ли? Княжна Эльса? Находящийся поблизости слуга? Замершая в ужасе Илария? Либо – что хуже всего! – баронесса де Кастеллано?

Откуда они вообще здесь взялись?

Если бы выстрел сделала не я, а моя опытная спутница, стрела полетела бы туда, куда нужно. Близко к тому месту, откуда появились женщины, но не в них. А оружие, оказавшееся в моих неумелых руках, чуть не оборвало человеческую жизнь.

Я смотрела, как опальная фаворитка тяжело осела на землю, как Виенна подошла к ней, что-то сказала. Не расслышав слов, закрыла лицо ладонями. Эльса приблизилась, коснулась моего плеча.

– Все обошлось, – произнесла она мягко.

– Но... вы видели? – Я посмотрела на нее. – Видели, что случилось?

– Что я должна была увидеть? Мог произойти несчастный случай, но его удалось избежать. Поглазеть на мои тренировки приходят не в первый раз, не у всех хватает здравого смысла держаться подальше. По правде говоря, я думала, что придворным это уже надоело. Но, как сами видите, не всем.

– Не всем, – глухо повторила я. Интересно, за кем из нас следила Виенна? Должно быть, она собиралась невзначай подойти к нам, вот только выбрала неподходящее время для того, чтобы объявиться.

– Все в порядке, – продолжала утешать княжна. – Вам надо отдохнуть, прийти в себя. И позже сделать еще попытку...

– Думаете, я осмелюсь когда-нибудь снова взять в руки лук?

– А вы хотите просто так сдаться?

Я промолчала, глядя на Иларию, которую баронесса уводила прочь. Обе не оглядывались, но на душе у меня стало тяжелее, чем минуту назад. Если одна из них наблюдала за летящей стрелой и поняла, что произошло... Ведь я сама наверняка не сочла бы произошедшее случайностью, если бы стала свидетельницей чего-то подобного. Да любой, имеющий глаза, заподозрил бы неладное.

– Простите, но я не могу остаться, мне нехорошо. Лучше вернусь во дворец, – сказала невесте короля. – С вашего позволения...

– Подождите! – окликнула меня северянка, когда я уже зашагала по аллее. – Молодой человек, который вчера вечером был с вами... Кем он вам приходится?

– Это Янис, – ответила я, вспомнив вчерашний эпизод. – Друг моего мужа. Он хальфданец.

«И колдун», – добавила про себя. Однако любопытно, почему эти двое так отреагировали друг на друга, увидевшись случайно? Неужели они были знакомы раньше? До того, как северянин приехал сюда, а княжна дала согласие на брак с королем Арнальдо? Но что их могло связывать?

Янис всегда вел себя на редкость сдержанно, что в немалой степени отличало его от темпераментных уроженцев нашей страны. Ни разу, за исключением того дня, когда Себастьян чуть не умер, мужчина не проявлял сильных эмоций, но вчера он был сам не свой. Выходит, Эльса решила узнать, что он здесь делал? И с этой целью пригласила меня на прогулку?..

Глава 40

Я шагала, не глядя по сторонам, и едва не столкнулась с герцогом, который шел мне навстречу.

– Что-то случилось? – обхватив меня за плечи, спросил он. Я заставила себя улыбнуться и покачала головой.

– Невеста короля пригласила меня на прогулку, но я уже возвращаюсь.

– Одна?

– Я... – Лгать не хотелось, но рассказать правду о случившемся я не могла. – Я ей больше не нужна.

– Что ж, если ни у кого из нас нет других дел, мы можем, как ты хотела, поехать в лес.

– Прямо сейчас?

– Сейчас лучшая пора для этого. Погода нежаркая, а хищные звери в окрестностях столицы не водятся. И потом, я всегда выполняю свои обещания. Ты желаешь переодеться? Или отправимся так? Я кое-что прихватил с собой. Можем устроить пикник.

– Не хочу переодеваться, – отозвалась я, и Себастьян, взяв меня за руку, повел к конюшням, которые скромно прятались на задворках королевского дворца. По такому случаю я готова была даже смириться с тем, что придется ехать верхом, и понадеялась, что мне дадут спокойную лошадь, но супруг посадил меня перед собой и поддерживал за талию.

Оказалось, что лес недалеко от столицы, которая заметно разрасталась и скоро обещала значительно потеснить дикую природу. Но пока вокруг Лиарнесса еще встречались тихие, нетронутые городской цивилизацией местечки. В одно из них мы и направлялись. Жадно вдыхая свежий, пахнущий осенью воздух и отгоняя воспоминания о произошедшем в королевском саду, я прижималась спиной к широкой груди мужа и жалела, что эти мгновения нельзя растянуть на целую вечность.

– Ты сказал, что хищных зверей тут нет, а как же разбойники? – вдруг забеспокоилась я, вспомнив дорогу из обители.

– Ближе к столице они не промышляют, – успокоил меня герцог. – А если все же появятся, я сумею защитить тебя. Не волнуйся.

Я вздохнула, подумала, что едва ли не сильнее возможного столкновения с лиходеями меня беспокоит другое. Кто из свидетелей того, что я сделала с летящей стрелой, мог догадаться, в чем причина чудесного спасения Иларии? И чего мне это будет стоить?..

«Не думай сейчас, – сказала себе, как посоветовала бы в этой ситуации кому-нибудь другому. – Тревогами о том, чего уже нельзя изменить, ты отнимаешь у себя радость от того, что происходит сейчас».

Себастьян легко ссадил меня на землю и, спрыгнув с коня, привязал того к дереву. Подняв глаза к небу, которое только в погожий осенний день смотрится настолько синим в золотисто-багряном обрамлении лиственного кружева, почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Казалось, я прощаюсь со всем, к чему уже успела привязаться невидимыми нитями. Торопливо смахнув со щеки соленые капли, позволила супругу взять меня за руку и повести за собой. Под ногами шуршали листья, слышались негромкие голоса птиц, которые перекликались между собой в вышине над кронами деревьев.

– Тебе понравилась невеста короля? – поинтересовался муж, и я задумалась, нужно ли рассказывать ему о наблюдениях, касающихся Эльсы и Яниса. Не выдам ли я чужую тайну? Впрочем, герцог с хальфданцем лучшие друзья, может быть, ему известно куда больше, чем мне самой?

– Понравилась, – ответила я, осознав, что пауза чересчур затянулась. – Но я почему-то сомневаюсь в том, что она сумеет прижиться здесь. Янис не обманывал, когда говорил, что девушки на его родине совсем другие, не такие, как у нас.

– У нее нет выбора, – пожав плечами, заметил Себастьян. – Придется привыкнуть. Учитывая, как важны для нашей страны ее приданое и хорошие отношения с Хальфданом, не думаю, что его величество станет обижать жену.

– Не обижать и любить – разные вещи, – сказала я и тут же испуганно замолчала. И кто меня за язык тянул? Разве следовало сейчас заговаривать о любви?..

– И как же, по-твоему, я отношусь к тебе – люблю или всего лишь не обижаю? – отозвался на мои слова герцог, резко остановившись и развернув меня лицом к себе. Я закусила губу. Под его пытливым взглядом стало неудобно, как на экзамене. – Скажи мне, Лилиан.

– Я... я не... – запнулась, понимая, что любые уловки будут выглядеть наигранно и беспомощно. Оставалось сказать правду. Признаться – и ему, и себе самой. – Я люблю тебя, Себастьян де Россо. А ты меня?

– Разве мои поступки еще не сказали тебе об этом? – наклонив голову так, что наши волосы перепутались, а лбы почти соприкоснулись, проговорил он. – Обязательно требуются слова? Что ж, тогда слушай – ты нужна мне. Нужна, как дыхание, как твердая почва под ногами, как глоток холодной воды в жаркий полдень... И, если это не любовь, то кто скажет,

как это называть?

Я не успела ответить. Герцог притянул меня к себе, накрыл мои губы своими, прижал к сильному телу. Я потеряла счет времени, растворилась в страсти и нежности поцелуя.

Мы, останавливаясь и целуясь на каждом шагу, вернулись к месту, где привязали коня. Когда Себастьян расстелил на мягком ковре из листьев захваченное с собой покрывало, я соскользнула на него. Приподнялась, чтобы помочь мужу расшнуровать и стянуть с меня платье, жадно протянула руки к его рубашке, желая провести ладонями по упругой смуглой коже, а затем повторить прикосновение губами. Резко выдохнула, когда, покрыв обжигающими поцелуями мою грудь и живот, он спустился ниже. Вцепилась пальцами в мягкую ткань, выгнулась навстречу бесстыдным ласкам, жадно глотая сладкий, как самое изысканное лакомство, лесной воздух.

Все смешалось, как в бесконечном вращении ярмарочной карусели – земля и небо, прикосновения теплых губ и чуть прохладного ветерка к разгоряченному телу, учащенное биение двух сердец и стремительный бег облаков... Осталось одно желание – быть с ним, принадлежать ему полностью, душой, телом, сейчас, сегодня, завтра... всегда. Я стонала и, кажется, даже кричала, но вокруг на несколько миль никого не было, так что единственными свидетелями нашего тайного свидания оставались птицы и молчаливые деревья, шатром окружавшие уголок леса, где мы находились.

А затем герцог укутал меня в покрывало, и я лежала в его объятиях, чувствуя удивительную гармонию с этим местом, которому довелось стать частью моей – нашей – истории. Мы беззаботно смеялись, кормили друг друга, грелись под лучами неожиданно щедрого осеннего солнца. Я никогда прежде не бывала на пикниках, и для меня оказалось приятным сюрпризом, что аппетит на свежем воздухе может разыгаться куда сильнее, чем в изысканной столовой.

Наступило время возвращаться. Мне не хотелось думать о следующей встрече с Виенной, однако, чем ближе была королевская резиденция, тем тяжелее становилось на сердце. А что, если баронесса уже сделала выводы и рассказала о них всем во дворце? Что сможет защитить меня от обвинения в колдовстве? Как доказать, что обвинение ошибочно, если это не так? Кто поверит, что я никогда не использовала свой дар во вред людям? В нашей стране любая колдунья считалась опасной угрозой, от которой нужно избавиться побыстрее, как от сорняка в огороде, чтобы даже ее тень не падала на других.

Миновав коридоры, мы не встретили ни новую фаворитку короля Арнальдо, ни его предыдущую пассию. Постаравшись, чтобы Себастьян не заметил, как ухудшилось мое настроение, я удалилась в свою комнату. Провела гребнем по волосам, в которых запутались желтые листочки, и услышала стук в дверь.

Неожиданной визитершей оказалась Виенна де Кастеллано. Оттеснив меня с дороги, она вошла в спальню и вздернула голову, с прищуром глядя мне в лицо. Баронесса явно чувствовала себя хозяйкой положения, и ее вызывающее поведение еще до ее первых слов подсказало, что мои недавние опасения оправдались.

– Что вам нужно? – спросила я.

– Обрадовалась, что никто ничего не заметил? Сегодня в саду, – усмехнулась Виенна. – Поверь, я не сводила с тебя глаз и поняла, что случилось со стрелой, которую ты выпустила. Я уже видела такое однажды – родители говорили, что нам показывают всего лишь фокусы, но я-то знала, что у того циркача был особый дар, а не просто ловкость рук. Давненько у нас никого не сжигали за колдовство...

– Что бы вам ни почудилось...

– Ты совершенно не умеешь лгать, – окончательно забыв о вежливом обращении, бросила баронесса. – К тому же у меня есть свидетель. Думаешь, слуга, который таскается за княжной, откажется от прибавки к жалованью?

– Чего ты от меня хочешь? – без церемоний спросила я.

– Другой разговор. Ты бросишь Себастьяна. Напишешь записку, чтобы тебя не искали, и покинешь столицу, оставив обручальное кольцо и разрешение на развод.

– Но... как я это объясню?

– Скажешь, что встретила другого мужчину и убежала с ним.

– Он не поверит!

– Могу найти тех, кто с готовностью подтвердит каждое слово.

– Лжесвидетелей?! – Я прижала ладонь к губам, но собеседницу мое замешательство только развеселило.

– Ты ничего не знаешь о том, как обстоят дела при дворе. Слышала о подводных течениях, которые нельзя увидеть, глядя с берега? Разумеется, вся власть сосредоточена в руках короля, однако и мы, те, кто его окружает, можем не меньше, правда, действуем иначе, без официальных распоряжений, законов и уставов.

– Мне некуда ехать, – произнесла я, втайне надеясь, что этот разговор – всего лишь дурной сон, который облачком дыма развеется

утром. Но все происходило наяву. – Если вернусь в обитель, герцог станет первым делом искать там, да и... сомневаюсь, что меня примут обратно.

– Страна большая, найдешь, где укрыться, – передернула баронесса плечами, с которых едва не соскальзывал лиф ярко-алого бархатного платья. – Не моя забота. Однако я готова подыскать тебе сопровождающего – нашего старого знакомого.

– Кого? – непонимающе уточнила я.

– Аларика, конечно. Мы с ним недолюбливаем друг друга, но за достойное вознаграждение наемник мне не откажет. А я готова заплатить, чтобы избавиться от тебя. Но если ты напишешь Себастьяну письмо или как-то еще дашь о себе знать, я тут же все расскажу королю Арнальдо. И не сомневайся, слуга подтвердит, что тоже видел, как ты управляла летящей стрелой. А ведь каждый знает, что это невозможно сделать без злонамеренного колдовства.

– Злонамеренного? – опешила я. – Но я же спасла человека! Если бы стрела не свернула, Илария де Коста могла погибнуть!

– Вот видишь, ты даже не отрицаешь, – хмыкнула Виенна. – Ну, допустим, раздумала в последнюю секунду. Главное, что имел место факт применения колдовских чар, а для убийства или для спасения – дело десятое. Кто станет выяснять? Всех колдуний давно искоренили, но одна отыскалась, и не думаю, что его величество откажется развлечь народ публичной казнью накануне будущей женитьбы.

– Но в Хальфдане колдовать не запрещают, и его невесте такое может не понравиться! – возразила я.

– Здесь Ирстания, а не Хальфдан, да и старый закон о том, что женщины с колдовским даром не должны жить, никто не отменял, – напомнила баронесса де Кастеллано. – Я милостиво даю тебе право выбора – или ты покидаешь столицу, или умираешь. Подумай. Учти, что я делаю это не для тебя. Не хочу, чтобы твоему мужу, который при таком раскладе сразу станет бывшим, пришлось участвовать в судебном процессе и ставить под угрозу свою репутацию.

– А если я сбегу, его репутация не пострадает?

– Не настолько. Ты еще не знаешь, какие поручения он выполняет для короля Арнальдо? Себастьян борется с культом фанатиков, которые хотят вернуть колдовство и с его помощью захватить власть в стране. Именно они и ранили его. Он продолжает дело своего знаменитого предка, а разве такой человек может быть женат на колдунье? Сама посуди. И решайся поскорее, мне не хочется тратить время на уговоры.

Глава 41

Слова Виенны напоминали разящие стрелы, каждое било точно в цель, напоминая о моих собственных тревогах и опасениях.

– Ты еще сомневаешься? Думаешь, если Себастьян дружен с хальфданским колдуном, сможет принять и тебя? Смешно. Это мужской мир, девочка. И мужчинам в нем позволено куда больше, чем женщинам. Тема о колдунах мужского пола всегда замалчивалась. Как считаешь, почему?

– Не удавалось поймать? – предположила я.

– Подозреваю, что колдунов всегда было мало, и прежние короли попросту держали их при себе. Нам очень повезло, что фанатики – всего лишь сборище безумных. Никто из них не умеет колдовать. Они силятся призвать демонов, приносят жертвы и, говорят, даже пытаются пить человеческую кровь. Но что за гримаса на твоем милом личике? Тебе неприятно о таком слышать? А ведь они признали бы тебя своей королевой или даже богиней.

– Пожалуйста, прекрати! – взмолилась я, зажимая уши, чтобы спастись от яда, который лился с языка баронессы.

– Ни один здравомыслящий человек, воспитанный в традициях нашей страны, не пожелает видеть матерью своих детей колдунью. А герцога де Россо вырастила его бабушка, не так ли? Вдова того, кто всю жизнь боролся с колдовством.

Я – не в первый уже раз – представила реакцию Ортензии, и мне показалось, что в комнате вдруг похолодало.

– Рассчитываешь на благородство Себастьяна? Что ж, допустим, он встанет на твою сторону. Но неужели ты хочешь сделать его изгнанником? Лишить расположения короля, который наверняка обвинит герцога в измене, если тот от тебя не отречется... Такой участи ты желаешь для своего супруга?

– Ты... думаешь... он вернется к тебе? – онемевшими губами пробормотала я. – Но его величество! Ведь ты же...

– Не невеста ему, не жена и не мать его детей, – презрительно фыркнула Виенна де Кастеллано. – Всего лишь фаворитка. А он их с момента восхождения на престол много сменил, да и ревнивостью никогда не отличался. Женский век недолгий. К тому же при дворе то и дело появляются молоденькие красотки.

– А если бы у тебя родился от него ребенок?

– Бастарда на трон все равно не посадят.

На губах собеседницы промелькнула горькая усмешка. Я молчала, вспоминая девочку из обители, воспитанную книгами и ушедшими от мира женщинами. Девочку, которой жизнь в королевском дворце казалась настоящей сказкой, полной чудес. Но сейчас воздушные замки разрушились, не выдержав столкновения с действительностью. Рассыпались серым пыльным облаком, разлетелись на мелкие осколки, которые даже с помощью колдовства не получилось бы склеить.

Но в моей жизни появилась другая сказка. Пусть короткая, но только моя. Любовь Себастьяна, мгновения счастья с ним, уроки с Луиджи, знания о колдовстве и собственном даре, что я получила от Яниса.

И этого у меня никто не отнимет.

– Я пришлю к тебе Аларика, – сказала Виенна. – Он как раз сейчас здесь. Выполнял для короля какое-то поручение и явился за деньгами, нахал прожорливый.

– Разве я согласилась?

– Что ж, немного времени на раздумья я тебе дам. Только не надейся, что колдун из Хальфдана поможет. Он здесь никто, даже не посол. Всего лишь чужеземец. И, пока он находится в Ирстании, обязан подчиняться местным законам. Пусть скажет спасибо, что король Арнальдо еще ничего о нем не знает. А иначе могут выслать из страны – в лучшем случае.

Баронесса вышла, а я осталась стоять посреди комнаты. К горлу подступил комок, но слез не было. Только тяжесть на сердце сдавливала грудь и не позволяла свободно дышать.

Вспоминая недавние слова Виенны, я осознавала, что не все они предназначались для того, чтобы меня запугать. В них имелся и свой резон. О том, что близких колдуньям людей, не желающих отречься от них, подвергали строгому наказанию, я знала и раньше. Ортензия, выдавая ту девушку-хальфданку, наверняка прежде всего думала о безопасности семьи и репутации герцогского рода, а не о мелкой мести чужестранке, на которую положил глаз отец моего мужа. Так герцогам де Россо удалось сохранить все, что веками накапливали их предки, и не упасть в глазах тогдашнего короля.

А сейчас на троне его величество Арнальдо, и кто знает, не захочется ли ему повторить все, что делали его предшественники? Показать своим подданным, что он готов защитить их от угрозы колдовства, что прежние законы не ушли в прошлое. Да, возможно, его нареченная будет против, но что она может сделать, не успев стать королевой? Когда они поженятся,

Эльсе придется не только принять здешние законы, но и дать клятву повиновения супругу. Так что мне она не заступница, даже если сама по себе ничего против таких, как я, не имеет.

Стать изгнанником, потерять расположение короля, опозорить свой род... Боги свидетели, такого я не пожелала бы Себастьяну даже тогда, когда мы с ним еще не познакомились. А теперь и подавно... Я видела от него и Яниса только добро. Разве могла я ответить им черной неблагодарностью и подставить под удар? А еще Ортензию и всех тех людей, которые служат герцогу, зависят от него. Не их вина, что я родилась с особым даром там, где испокон веков на колдуний велась охота, и не им за это платить.

Когда через некоторое время я услышала стук в дверь, все уже было готово. Даже руки почти не дрожали, когда писала записку. Обручальное кольцо никак не хотело сниматься, я с трудом стянула его, положила на стол возле сложенного несколько раз листка бумаги.

Аларик почти не изменился с тех пор, как мы не виделись. Небритое смуглое лицо, собранные в короткий хвост волосы, удобная немаркая одежда. Я даже ощутила что-то вроде благодарности к баронессе де Кастеллано за то, что именно он будет моим спутником.

– Вы собрали вещи, ваша светлость?

– Только самое необходимое.

– Разумно. Мы постараемся покинуть дворец незаметно. Конечно, лучше всего уезжать под покровом ночи, но сейчас подходящий момент – король собрал своих советников и прочих важных персон у себя. Ваш муж тоже там. Сейчас он вас не хватится.

Обстоятельства явно благоприятствовали Виенне. Я бросила короткий взгляд в зеркало и накинула на голову и плечи плотный шарф. При необходимости им можно закрыть лицо, да и вместо одеяла он тоже годится.

Из королевской резиденции уходила не оглядываясь. Торопливо, точно сбегала. Впрочем, так оно и было, ведь теперь меня ожидала судьба беглянки, отверженной, всюду чужой и вечно одинокой. Может быть, получится прибиться к какой-нибудь обители? Я могла бы стать в ней наставницей или же, если в этом будет отказано, попроситься туда хотя бы служанкой...

Меня ждала закрытая повозка. Не такая уютная, как карета, но хорошо скрывающая пассажиров от посторонних глаз. Аларик посмотрел на меня, помог пристроить узелок с одеждой.

– Куда бы вы хотели отправиться?

Я ни на мгновение не задумалась перед тем, как ответить:

– В Альмарис.

– Что ж... Придется проделать далекий путь. Но это ближе, чем замок де Россо, так что к завтрашнему утру доберемся.

Дальнейшее слилось в памяти в одно бесконечное тоскливое переживание. Дорожная тряска, пробирающаяся в повозку вечерняя прохлада (вот тут-то и пригодился шарф!), слабость во всем теле. На привале, который сделали, чтобы лошади могли немного отдохнуть, а мы размять ноги и сходить по нужде в ближайшие кусты, наемник предложил мне перекусить, но я отказалась, и он, не уговаривая, поел без меня.

Затем наступила ночь, и я забылась недолгим беспокойным сном. Когда открыла глаза, первая мысль была о Себастьяне. Поверил ли он тому, что я написала в записке? Конечно, имени другого мужчины там не указано, но он ведь знал, что я почти ни с кем не общалась. Или баронесса действительно постаралась отыскать лжесвидетелей, которые охотно подтвердили, что видели меня с любовником?..

Я покрепче укуталась в шарф, свернулась клубком и сама не заметила, как опять задремала. А проснулась, когда уже рассвело. Повозка стояла.

– Мы прибыли, ваша светлость! – услышала я.

– Не называйте меня так больше, – попросила Аларика, когда он помог мне выбраться. Наемник не спал всю ночь, однако держался вполне бодро. Должно быть, привык подолгу обходиться без сна.

– А как же вас называть?

– Просто Лили, – сократила я свое имя. – Мы уже в Альмарисе? Правда?

– Разве вы не чувствуете?

Я сделала глубокий вдох и ощутила непривычный запах. Соленый, насыщенный. Так пахло море.

Еще не до конца осознав, что оказалась в незнакомом месте, которое прежде видела только на тревожащих душу живописных полотнах, я растерянно взглянула на мужчину. Его очередное задание выполнено, скоро он вернется в столицу, а я? Что будет со мной?..

– Вы не знаете, есть тут где-нибудь поблизости обитель? – спросила я.

– Для начала нанесем визит моему старому знакомому, – отозвался спутник. – Вот его дом. Не королевские хоромы, конечно, но место для такой пичужки, как вы, найдется.

– Вы уверены, что ваш знакомый согласится меня приютить? – засомневалась я.

– Он мой должник, – сказал Аларик. Прозвучало это так, что

дополнительных вопросов я задавать не стала.

Дом действительно выглядел добротным жилищем, где не знали роскоши, но и не бедствовали. Его окружал небольшой ухоженный сад, а дверь, которую открыла средних лет женщина в простом сером платье и длинном фартуке, производила вполне солидное впечатление. Не обшарпанная и покосившаяся, а довольно крепкая и надежная. Внутри тоже оказалось неплохо – скромно, но опрятно и даже уютно. Видно, хозяева относились к дому с любовью и заботой.

Приехали мы вовремя. Знакомый моего провожатого – коренастый мужчина с заливхватски закрученными усами – служил боцманом на судне и как раз сегодня собирался уходить в море. Легенду наемник сочинил правдоподобную, представил меня как вдову своего знакомого, которой некуда идти, потому что, воспользовавшись бездетностью, родственники покойного мужа выставили ее вон. Рассказывал он столь красноречиво, что жена моряка даже поднесла к глазам край фартука, вытирая выступившие слезы. Я бы и сама расчувствовалась, если бы не знала, что это всего-навсего выдумка.

Перед тем как уехать, Аларик, отказавшись от предложения задержаться на обед, ненадолго остался со мной наедине и протянул увесистый кошель, в котором громко звенели монеты.

– Он ведь не от баронессы? – подняв глаза, спросила я.

– Какая разница? – ответил наемник, который когда-то попросил меня простить его. Но за что? Это по-прежнему оставалось загадкой.

Стоя на крыльце, я наблюдала, как человек, фамилии которого я не знала, насвистывая какую-то мелодию, запрягал лошадей. Вскоре он уехал. А я осталась.

Глава 42

Дни текли один за другим, и я почти потеряла им счет. Когда-то мне втайне мечталось, что в Альмарис мы отправимся вместе с герцогом и я своими глазами увижу то, что было запечатлено на картинах. И море, и маяк, и утопающие в пышной южной зелени домики из белого камня.

Моя мечта сбылась, но не полностью, что разом лишило ее очарования. Башня маяка располагалась совсем недалеко от дома, в котором я жила, и море плескалось у самых ног, когда я ходила на прогулки. Но в душе поселились тоска и одиночество. Верные незримые спутники, которые никогда не оставляли меня. Даже когда я возвращалась в дом, и жена боцмана, добродушная женщина по имени Микела, кормила меня обедами и ужинами, журчание ее голоса – а поговорить она любила – не могло отогнать их прочь.

Постепенно я привыкала к месту, где поселилась. К запаху соли и водорослей, вкусу свежельвленной жареной рыбы и морепродуктов, которые здесь не считались деликатесами. К шуму моря за окном – он уже не казался похожим на ворчание большого пугающего зверя, а помогал бороться с бессонницей. Каждую ночь, перед тем как сомкнуть веки, я мысленно желала доброй ночи людям, которых мне пришлось оставить. Мужу, нашему общему другу-хальфданцу, маленькому Луиджи, к которому я так и не вернулась, хотя обещала.

Должно быть, кто-то осудил бы меня, если бы услышал эту историю, и даже мой внутренний голос нередко говорил, что совершенный мною поступок – малодушие. Но я заставляла себя верить в то, что сделала все возможное для спасения людей, чья судьба заботила меня больше моей собственной. Я согласилась выполнить требования баронессы, чтобы никто не пострадал. Теперь, даже если она поведает обо всем королю, тот не станет наказывать Себастьяна, ведь муж так и не узнал правду обо мне. Мой супруг полюбил не колдунью, умеющую менять траекторию полета стрелы и выжигать на двери отпечаток ладони, а простую девушку-сироту, которой меня считал.

Прежде я думала, что для того, чтобы любить, нужно быть рядом. Но ошибалась. На расстоянии чувства стали еще сильнее. С каждым днем я тосковала все больше и не находила сил отгонять воспоминания, которые стали мне утешением. Они да еще мысль, что мои близкие в безопасности, а наемник, учитывая особенности его профессии, умеет хранить тайны.

О собственном будущем пока старалась не думать.

Тем утром я, как обычно, проснулась, привела себя в порядок и вышла к завтраку. Вставала я почти так же рано, как в обители. Помогала Микеле по хозяйству, иногда ходила с ней в храм, задаваясь вопросом, имею ли на это право. С хозяйкой мы подружились довольно быстро. Та предпочитала говорить, я слушать, к тому же она, желая проявить деликатность, не расспрашивала меня о подробностях сочиненной Алариком легенды. Порой я задумывалась, уж не переиначил ли он немного хорошо известную ему правду? Ведь если бы наемнику не удалось вылечить герцога де Россо после ранения и я стала вдовой, Ортензия наверняка нашла бы возможность выставить меня из замка.

Осень приходила в Альмарис позднее, холодало лишь по ночам, и Микела все еще одевалась легко. Вот и сейчас она пришла из кухни в собственноручно сшитом льняном платье и, водрузив на стол чайник, принялась разливать по чашкам ароматный напиток. Я отвернулась от окна, возле которого стояла, любуясь на полосу приboя, и приблизилась к столу.

– Чай с розовыми лепестками, – произнесла хозяйка дома. – Угощайтесь! Должны же они хоть на что-то сгодиться.

Я протянула руку к чашке, и меня вдруг замутило от насыщенного цветочного запаха. Как странно... Раньше мне аромат роз нравился.

– Не желаете? – спросила Микела.

Усилием воли я заставила себя сделать небольшой глоток, все еще недоумевая, почему некогда любимый запах вдруг стал вызывать такую реакцию. А потом собеседница начала пересказывать соседские новости и прочие сплетни, совершенно не обращая внимания, пью я чай или нет. Так что остаток напитка я просто выплеснула за окошко, дождавшись момента, когда женщина на минутку вышла из комнаты.

– Снова пойдете гулять? – поинтересовалась она, вернувшись. – А сегодня на площади ярмарка. Забегите непременно! Может, что-нибудь присмотрите для себя. Да и разные увеселения там тоже будут.

Поначалу мне не хотелось следовать совету. Больших скоплений людей, пусть даже незнакомых и не проявляющих ко мне повышенного интереса, я старалась избегать. Однако, заслышав звучание флейты и волынки, все же решила ненадолго заглянуть на ярмарку, где собрались торговцы, уличные музыканты и фокусники.

Песня, которую исполняли на площади, была мне незнакома, но простые ее слова неожиданно заставили остановиться и прислушаться.

Я в дорогу отправился поздней весной,

Но не ведал тогда, что случится со мной.
А теперь все иначе, мой друг дорогой.
Уж не тот я, что был, а совсем я другой.

Не ропщу и не плачу я в дождь проливной
И не жалуясь летом на пыль и на зной.
Знай, мой друг, я доволен такою судьбой,
Ведь и счастье, и горе делю я с тобой.

«И счастье, и горе...» – повторила мысленно, и мне вдруг показалось, что песня и обо мне тоже. Вот только я осмелилась вообразить, будто сумею забрать себе все горе, а любимому оставить одно счастье. Но разве так бывает?..

– Жареные каштаны для прекрасной дамы! – услышала вторгшийся в мои невеселые размышления голос одного из продавцов, и в ноздри ударил исходящий от жаровни сладковатый запах, который наверняка мог бы показаться приятным. Но не сейчас. Зажав нос и рот ладонью, я отшатнулась, едва не опрокинула чей-то лоток и начала заваливаться назад. И упала бы, если бы руки торговца каштанами меня не подхватили. – Эй, кто-нибудь, позовите врача! – крикнул он, и народ вокруг засуетился.

Одета я была не роскошно, но вполне прилично, так что производила впечатление особы, которая может отблагодарить незнакомцев за услуги и оплатить помощь медика. К нему меня доставили почти сразу – привели, поддерживая под руки, чтобы не упала снова. Врач оказался степенным мужчиной, который по возрасту годился мне в отцы и отчего-то сразу вызвал безотчетное доверие. Выпроводив провожатых за дверь, он поинтересовался симптомами и задал несколько вопросов. Затем пощелкал языком и внезапно широко улыбнулся.

– Ничего страшного с вами не происходит, госпожа. С моей женой такое тоже случалось, когда она ждала первенца. Со вторым-то ребенком должно быть полегче.

– Что вы... – нахмурилась я. – Ребенок? Но как... откуда?

– Уж это вам лучше знать, – развел руками собеседник.

– И вы уверены, что не ошибаетесь?

– Пока все признаки указывают на мою правоту. Но, если все будет хорошо, в дальнейшем вы и без меня справитесь. Отыщите только хорошую повитуху.

Я растерянно поморгала, пытаюсь осознать услышанное. Повитуха,

первенец... Мне ведь всего лишь стало дурно из-за сильного запаха! Разве может такая мелочь указывать на столь серьезное обстоятельство? Хотя... имелись ведь и другие признаки. Просто мне было не до того, вот и не обратила внимания, не сопоставила с тем, что слышала в замке де Россо от экономки. А сейчас, когда лекарь спросил, тут же вспомнила...

– Вижу, поздравлений вы не ждете, – заметил лекарь. – Ну-ну, не волнуйтесь! Все женщины через такое проходят, а кто-то и весьма часто, м-да. Так уж природа задумала. Разве в силах мы с нею спорить?

Кто бы мог подумать, что желание Ортензии де Россо, чтобы у нее появился правнук, исполнится? Так поздно и так не вовремя! Я чувствовала себя ошеломленной и раздавленной новостью, которая вознесла бы меня на седьмое небо, не случись того злополучного выстрела в королевском саду. Еще вчера мне казалось, что я смогу справиться, постепенно отыщу для себя место в мире – поселюсь в одной из обителей либо останусь у Микелы в качестве помощницы по дому или приемной дочери, ведь своих детей супругам боги не дали. Но тогда я не сомневалась, что отвечаю лишь за собственную судьбу, а сейчас... сейчас...

– От тошноты помогает имбирь, – добавил врач. – А вообще, климат у нас хороший, что тоже пойдет вам на пользу. Солнечных дней куда больше, чем пасмурных.

С моих губ сорвался горький смешок. В самом деле, откуда моему собеседнику знать, что в жизни его случайной пациентки с недавнего времени все дни стали сумрачными?

Расплатившись с врачом и людьми, которые ради меня временно оставили свои дела на ярмарке, я вернулась в дом Микелы. К моему облегчению, чай из лепестков роз она допила сама, а мне оставила щедрую порцию поленты^[1], которая, к счастью, неприятных ощущений не вызвала. Однако кусочек свежего имбиря я на всякий случай все-таки сжевала.

Мне предстояло подумать, что делать дальше. Ситуация усугублялась тем, что посоветоваться было не с кем. Приютившая меня женщина казалась хорошим человеком. Возможно, она даже обрадовалась бы, услышав, что в скором времени под крышей ее дома зазвучит детский смех. Но что скажет ее муж, еще не вернувшийся из дальнего плавания? Что скажут соседи, чье мнение имеет для нее немалое значение? Если кто-то усомнится в том, что я вдова, как можно будет доказать обратное? Ведь у меня даже обручального кольца не осталось, да и никаких других украшений, кроме найденного в замке амулета хальфданки, я с собой не взяла.

В обитель с маленьким ребенком не примут, особенно если родится

мальчик. Одна я могла хоть на что-то рассчитывать, но теперь все во много раз усложнилось. И все же следовало найти выход, и поскорее, пока со стороны моя беременность еще не заметна.

«Может быть, все-таки рассказать Микеле? – подумала я, бросив взгляд на хлопотавшую по дому хозяйку. – Но, не посоветовавшись с супругом, она все равно ничего не решит окончательно. А то еще спросит, почему бы мне теперь, когда выяснилось, что я не бездетна, не отправиться на поклон к родственникам покойного мужа? И что я на это отвечу?»

Глава 43

Именно это Микела и сказала, когда два дня спустя, так больше ничего и не придумав, я смущенно поведала ей о словах лекаря. Добрая женщина почти сразу же начала уговаривать меня поехать к родным супруга, причем желательно поскорее, пока мое самочувствие еще позволяет путешествовать. Нужно наступить на свою гордость и подумать о тех, кому мой ребенок напомнит о его отце.

Знала бы она, что дело вовсе не в гордости, а мой муж на самом деле жив!

– Но у меня нет сопровождающего, – заметила я собеседнице.

– Верно, – погрустнела хозяйка. – Женщине одной путешествовать опасно. Тут у нас пока тихо, но слышала, что на дорогах немало разбойничьих банд.

Затем Микела предположила, что ее супруг мог бы доставить меня куда необходимо, но сначала нужно дождаться его возвращения. Помедлив, я согласилась. Так я получала некоторую отсрочку и дополнительное время на размышления о собственном будущем.

Может быть, действительно рискнуть и возвратиться в обитель? Попросить помощи у тех, кто меня вырастил? Ведь не выгонят же меня... Сестра Николина знала мою тайну, а как объяснить настоятельнице, почему я ушла от богатого и родовитого мужа? Да еще в таком положении! Не подумают ли они про меня то же, что когда-то думала Ортензия де Россо? Что я действительно повинна в супружеской измене, а ребенка жду от другого мужчины?

У меня голова разболелась, а полезных идей так и не родилось. Будь я одна, все складывалось бы куда проще. Нет, о новом замужестве я, разумеется, не думала, но при мне оставались знания, которыми я могла делиться с другими, как делала это с Луиджи. Да и с Микелой могла бы остаться. Ей ведь все равно одиноко, когда хозяин надолго отправляется в море, да и помощь в хозяйстве не помешала бы.

Но теперь все изменилось. До чего же странно... Ребенок еще не родился, не имел имени, я даже не знала, мальчик будет или девочка. Но он уже существовал, требовал заботы о его будущем, и только я – я одна! – за него отвечала. Учитывая, что у меня даже домашних питомцев, если не считать подаренную мне в замке голубку, никогда не было, осознавать это оказалось более чем необычно.

Я невольно задумалась над тем, что сказал бы герцог, узнав эту новость. Обрадовался бы? Разочаровался бы, если бы на свет появился не наследник, а наследница? Ортензия наверняка рассердилась бы. Но не ее мнение являлось для меня главным, а мнение ее внука.

Пугало меня и то, что дети нередко отличались хрупким здоровьем, а по непониманию и непослушанию рисковали своей жизнью куда чаще, чем взрослые. Ведь из детей, которых родила мать моего супруга, кроме Себастьяна, не выжил никто. Даже у королевы Доротеи, как обмолвился на прогулке у фонтана Бруно Манчини, кроме Арнальдо, была дочь, которая погибла в детстве. Сестра его величества! Должно быть, не только смерть мужа, но и потеря девочки заставила мать нынешнего короля покинуть столицу и поселиться в уединенной обители.

А если и мой будущий ребенок родится слабым? Или заболеет, или даже... Да и смогу ли я в одиночку уследить за ним, если вокруг столько опасностей?

Вот хотя бы море... Купальный сезон подошел к концу, но ребятишек это ничуть не смущало, и они бесстрашно лезли в соленые волны. Не умея плавать, я смотрела на них со страхом, понимая, что едва ли смогла бы спасти утопающего, а попытавшись, наверняка не выжила бы.

Кто мог подумать, что у родителей столько забот и тревог! Каким счастьем было бы разделить их с Себастьяном... Разделить и счастье, и горе, как пелось в той песне, вместе увидеть беззубую улыбку нашего малыша, его первые шаги, вместе придумать ему имя.

Если бы не тот случай в саду, не хитрость Виенны и не простодушие, сослужившее мне плохую службу, сейчас мы предавались бы мечтам о будущем. О том, как вернемся в замок де Россо. О том, как будем жить там всей семьей, которой предстояло увеличиться на одного человечка. Ортензия наверняка смягчилась бы со временем. Ведь дети – если судить по внуку экономки – всегда вносят оживление и заставляют взрослых улыбаться.

Вспоминалось, как по дороге из обители в замок я мечтала о свободе. О том, что смогу оставить навязанного мне супруга и жить самостоятельно. А теперь, когда так и получилось, обретенная свобода отдавалась горечью на губах, и вместо того, чтобы позволить раскрыть крылья, придавила к земле и ничуть не радовала. И не только из-за ребенка, которому предстояло расти сиротой при живом отце. Но и потому, что сейчас я особенно ясно понимала – мой брак оказался не тесной золотой клеткой, а подарком судьбы, шансом жить в любви, отдавать ее другому, не отмеривая на весах, а щедро и радостно. Шансом, который выпадал далеко

не каждому. Ведь даже баронесса де Кастеллано... Возможно, если бы ей повезло с мужем и тот любил бы ее так же, как Себастьян де Россо любил меня, она не была бы настолько подлой и себялюбивой. Или Виенна такой родилась? А может быть, стала такой по вине собственных родителей?

Размышляя об этом, я пообещала себе, что буду любить моего ребенка очень-очень сильно, чтобы он не ощущал нехватки отца и других родственников и не озлобился со временем. Что воспитаю его хорошим человеком, каким и сам герцог, и его строгая бабушка смогли бы гордиться.

– Вы уверены? – Виенна недоверчиво уставилась на седовласого придворного лекаря. – Я не умираю?

– Сейчас точно нет, – отозвался он.

– И меня не отравили завистники?

– Помилуйте! Конечно же нет! Как вам такое в голову пришло?

Пальцы баронессы сжались в кулаки. Как подобная неприятность могла с ней произойти? Она ведь всегда была осторожна и исправно глотала отвратительное на вкус снадобье, которое готовила старая служанка, хранившая верность еще ее родителям. Правда, та говорила, что оно действует не всегда. И если хоть разочек забыть его принять...

Почему все случилось именно сейчас, когда ей наконец-то удалось избавиться от наглой безродной девчонки и добиться свободы для Себастьяна?!

– Думаю, вам следует рассказать новость его величеству, иначе я буду вынужден сам с ним поговорить, – добавил мужчина.

Почти не слушая его, она погрузилась в размышления. Что теперь будет? А ее талия? Что станет с фигурой, которой баронесса де Кастеллано так гордилась? Пока ничего не заметно, но пройдет немного времени, и никто не назовет ее стройной!

Как быть? Заткнуть рот медику и соблазнить герцога де Россо. Так, чтобы он поверил, что Виенна ждет его дитя, а вовсе не королевского бастарда, который никому не нужен!

Ей приходилось слышать о стране, в которой монарх заводил нескольких жен, и все они считались законными. Но тут все иначе. Королева одна, и ею станет северянка. Народ должен увидеть ее, полюбить и быть благодарным за те выгоды, которые сулит стране союз с Хальфданом. Образец супружеских отношений для людей – король Сильвано и его возлюбленная Доротей. Их сыну Арнальдо придется делать вид, что он всей душой привязан к супруге. А известие о внебрачном ребенке – явно не то, что ему сейчас хочется услышать.

– Сколько вы хотите за молчание? – подняв взгляд на собеседника,

холодно осведомилась баронесса.

– Помилуйте! – снова воскликнул лекарь, но приумолк, когда понял, что она говорит всерьез. – Я умею хранить секреты... но не бесплатно. Положение обязывает, знаете ли.

– Знаю. Потому и спрашиваю, – ответила Виенна, чувствуя все большее раздражение от того, что ей приходилось договариваться с этим старым болваном, который так кичился своей должностью при дворе. – Так сколько? Имейте в виду, что не только король Арнальдо не должен ничего узнать. Другие тоже.

– Разумеется, но осмелюсь полюбопытствовать... Что вы собираетесь делать? Уехать в отдаленное имение, произвести ребенка на свет, подыскать для него приемных родителей, а затем вернуться в столицу? Однако, боюсь, за это время его величество успеет не только забыть о вас, но и обзавестись другой фавориткой. Желающих много даже сейчас, накануне его помолвки.

Баронесса стиснула зубы с такой силой, что они громко скрипнули.

– Не ваше дело! – выпалила она, рывком поднимаясь с места. От резкого движения снова стало нехорошо. Закружилась голова, платье сдавило грудь, а шпильки в прическе превратились в острые иглы.

Беседа закончилась тем, что лекарь наконец-то пошел на уступки и назвал цену, после чего Виенна, расплатившись, удалилась к себе. Накричала на нерасторопную камеристку, которая слишком долго готовила ванну. Почти с ужасом посмотрела на себя в зеркало, в котором выглядела бледной и больной. Ничего соблазнительного. Ужасно, невыносимо!

С момента отъезда Лилиан минуло несколько дней. Из придворных сплетен баронесса де Кастеллано узнала, что та оставила записку, которую герцог прочел, тут же скомкал и бросил в камин. Виенна собиралась прийти к нему с утешениями, но выжидала, решив не торопить события. В прошлый раз он отказался провести с ней ночь, но, разумеется, не потому, что не желал ее. Она не сомневалась в том, что Себастьян отверг ее из чувства долга, поскольку не хотел становиться неверным мужем. Однако, если жена изменила ему первая, да еще и сбежала, его прелюбодеяние не будет грехом. И женитьба на другой тоже...

Даже хорошо, что герцог столь высоко ставит долг и ответственность. Он не будет пытаться отвертеться и откупиться от нее, как, несомненно, сделал бы его величество, да и большинство придворных кавалеров тоже. Разве такой человек, как герцог де Россо, захочет, чтобы его сын вырос без отца?

А теперь следовало поспешить, ведь у нее так мало времени, чтобы объявить его отцом ребенка. Пусть все думают, что малыш появился на

свет раньше срока. Такое нередко случается, а в их кругах подавно. Если у кого-то и возникнут сомнения, то подтвердить их все равно никто не сможет. А король Арнальдо... Демоны с ним, пусть женится на хальфданке! Второе место в чьей-то жизни баронессе не нужно. Теперь ее главное желание – стать для мужчины единственной законной супругой, а не просто любовницей. Ради этого можно потерпеть даже расплывшуюся талию. Результат того стоит.

Глава 44

Герцог де Россо спал странным беспокойным сном, и ему казалось, что его пытаются разбудить. Словно чья-то прохладная ладонь касалась его щеки. Так легко и невесомо, точно это было не прикосновение человека, а мимолетная ласка ветра.

– Лили... – пробормотал он, пытаясь схватить жену за руку, но та исчезла, стоило ему пошевелиться. Всего лишь привиделась? Вместе с движением пришла боль в затылке, в перетянутых веревками руках и ногах.

– Очнулся! – услышал незнакомый голос Себастьян. – Крепкая же у него черепушка! Даже зависть берет.

– Нашел кому завидовать, – отозвался второй голос, хриплый, то и дело срывающийся на кашель. – Ну и что, что крепкая? Все равно ему недолго осталось жить.

Герцог осознавал, что речь шла о нем, однако мысли и воспоминания путались, не желая складываться в единую картину. Его ударили по голове. Подкравшись со спины и одновременно хитроумно отвлекая его внимание, чтобы не услышал шагов сзади.

Но что случилось до этого?..

Одна мысль тревожно билась в сознании, пульсируя и вспыхивая – ярко, как звезды на августовском небе. Лилиан! Он должен найти ее, обязательно должен найти!

Все началось с записки. С листка бумаги, испещренного буквами, смысл которых дошел до него не сразу. Казалось, послание списали со страницы какого-то сентиментального романа. «Прости меня. Я встретила другого человека и уезжаю с ним».

Разве его жена могла так поступить? Только не сейчас! Не после всего, что они пережили вместе, не после их признаний в лесу...

Себастьян не поверил ни единому слову. Скомкал и выбросил в огонь записку – так, будто она жгла ему ладонь. А затем, когда испуганная его поведением горничная скрылась, вдруг заметил сдвинутую крышку шкатулки с драгоценностями и, отбросив ее, обнаружил еще один листок бумаги с торопливо выведенными на нем словами. «Я уезжаю ради тех, кто мне дорог, с тем, кому я благодарна. Пожалуйста, не ищите меня».

Это послание, которое напоминало загадку, гораздо больше походило на правду. Но что имелось в виду? Ради тех, кто дорог, с тем, кому благодарна?..

Разумеется, герцог де Россо не стал сидеть на месте, посыпав голову пеплом. Он немедленно развернул поиски, которые не принесли никаких результатов. Лично допросил девушку, которая прислуживала в покоях жены. Та долго твердила, что ничего не знает, а затем и вовсе ударилась в слезы. Отправил надежного человека в обитель, где воспитывалась Лилиан. Другие люди обыскивали столицу, расспрашивая всех, кого можно. А сам он, переговорив с Янисом, который глубоко задумался и повел себя как-то странно, отправился к поверенному.

Гаттини долго хмурился, дергал себя за бороду, после чего произнес:

– Вы ведь помните письмо вашего отца, которое я передал вам однажды? Письмо, где говорилось, что вы должны взять в жены девицу по имени Лилиан, воспитанную в обители вблизи городка Витвальд. Таким было последнее распоряжение герцога, и от него зависело, получите ли вы часть завещанного им имущества.

– Но какое значение...

– Простите за то, что осмеливаюсь перебивать вас, однако, боюсь, ситуация не терпит отлагательств. Дело в том, что герцог оставил не одно, а два письма. И второе вы должны открыть в том случае, если с вашей супругой произойдет что-то необычное. Думаю, ее исчезновение вполне можно счесть необычным... Не так ли, ваша светлость?

– Где это письмо? – спросил герцог, мысленно проклиная склонность собеседника к многословию. – Оно у вас? Нужно сейчас же его вскрыть!

– К сожалению, письмо находится в том месте, где его написали. В вашем родовом замке. В моих бумагах, которые я храню там, поскольку не нуждаюсь в них постоянно.

Себастьян сжал кулаки, гневно глядя на поверенного, который понуро склонил голову. Гаттини давно служил их семье и умел хранить тайны. А еще старался досконально следовать распоряжениям.

– Только, прошу вас, не посылайте никого в замок! Ваш отец очень настаивал, чтобы посторонние не прикасались к письму. Даже его мать ничего не знала о письмах, ведь в том, которое вы прочли ранее, он просил не рассказывать ей об истинной причине вашей женитьбы.

Герцог де Россо подавил вздох. Да, бабушке он действительно не сказал, почему именно воспитанница уединенной обители стала его супругой. И другим тоже. Лишь однажды случайно обмолвился в разговоре с Виенной, что для него брак с Лилиан тоже стал вынужденным. В тот момент дело так и обстояло, но со временем все изменилось, и сейчас Себастьян понимал, что никакую другую девушку он не пожелал бы видеть рядом с собой...

Только Лили.

Он найдет ее, чего бы это ему ни стоило.

– Вам нужно поспешить, – с понурым видом добавил Гаттини.

– Так вы не знаете, что в том письме? Отец не показывал вам его, как предыдущее? Даже случайно не читали?

– Конечно же нет! – не на шутку оскорбился поверенный. – Разве стал бы я подглядывать через плечо герцога? Могу лишь сказать, что он выглядел очень взволнованным, когда писал его.

Себастьян позволил себе ненадолго задуматься. Он мало помнил об отце. Тот всегда был занят и редко находил свободные минуты для сына. В памяти сохранились лишь разрозненные детали, из которых складывался образ человека, прежде носившего титул герцога де Россо. Мозоли на широких ладонях от тренировок с мечом, усталый взгляд внимательных светлых глаз, глубокий голос.

Для Себастьяна до сих пор оставалось секретом, отчего отец выбрал ему в жены именно Лилиан, но первое его письмо на этот вопрос не отвечало.

Может быть, ответит второе?

– Я отправляюсь в замок де Россо, – проговорил он решительно.

– Вы возьмете меня с собой? – осведомился Гаттини, всем видом выражая готовность последовать за герцогом.

– Не нужно, я поеду один. Верховом, не в карете. По Герэльскому тракту, чтобы сократить путь.

– Но, ваша светлость, та дорога опасна! – воскликнул собеседник. – Разве не в тех краях находится гнездо культистов? Эти безумцы едва не убили вас в прошлый раз, когда вы ездили усмирять их по приказу его величества, а теперь вы сами собираетесь отправиться к ним в лапы!

– Им тоже досталось, – отозвался Себастьян. – Но так я доберусь намного быстрее. Захватчу с собой артефакт Яниса, который тогда помог вам с Лилиан избавиться от разбойников.

– Непокойно у меня на душе, – вздохнул поверенный. – Но кто я такой, чтобы с вами спорить? Что от меня требуется?

– Несколько человек ищут мою жену в столице и ее окрестностях. Еще один поехал в обитель. О результатах поисков, пока меня нет в Лиарнессе, они будут докладывать вам, а вы должны все тщательно записывать – даже если покажется, что в их сведениях нет ни малейшей зацепки.

– Будет исполнено, ваша светлость! Я помолюсь за вас. И за супругу вашу, разумеется, тоже.

Выходя из дома поверенного, герцог увидел пышную свадебную

процессию, которая двигалась к ближайшему храму. Громко играла музыка, с лиц не сходили улыбки. Сочетаться браком осенью, да еще в хорошую погоду, считалось большой удачей.

А ведь у них с Лили даже не было настоящей свадьбы. Они всего лишь подписали необходимые бумаги, каждый отдельно. А затем она приехала в замок, где в честь их женитьбы так и не устроили празднества, не созвали гостей, и молодожены не открыли бал первым танцем в давно пустующем зале.

Торопясь пройти мимо веселящихся людей, чье праздничное настроение столь резко дисгармонировало с его тревогой, Себастьян пообещал себе, что, когда Лилиан найдется, он непременно распорядится организовать свадебный пир. Пусть ей уже не положено белое платье и символизирующая невинность девушки фата, не важно. Главное, что теперь клятвы, которые традиционно произносят брачующиеся, в его устах прозвучат со всей искренностью, на которую он способен.

Янис так же, как и Гаттини, предложил сопровождать его, но герцог отказался. Он попросил хальфданца оставаться в столице – надеялся, что Лили вернется. Дворец и общество придворных не пришлись ей по душе, однако городской особняк, как и замок де Россо, оставался домом, где ее ждали.

Уличные музыканты, которых наняли развлекать гостей на свадьбе, затянули песню, слова которой достигли ушей Себастьяна, на несколько мгновений заставили его остановиться и прислушаться.

Где ты, моя весна? Радость моя и боль.
Снятся твои глаза, даже когда не сплю.
Слышу твои шаги в отзвуках за окном.
Где ты, моя любовь? Пуст без тебя мой дом.

Небо в сто раз синей, если со мною ты,
А без тебя все мрак и не цветут цветы.
Где ты? Вернись скорей, счастье мое и свет.
Тщетно молю богов мне подарить ответ.

Незатейливая слезливая песенка, в которой говорилось о тоске влюбленного, с точностью отражала его мысли. В очередной раз она напоминала о том, что Себастьян потерял после исчезновения Лилиан. Об этом ему напоминали улицы, по которым они ходили вместе. Платья,

хранящие ее запах. Герцог де Россо ускорил шаг, пытаясь уйти подальше от праздной толпы, но песня еще долго летела за ним, бередя душу.

А на следующее утро, уведомив короля Арнальдо о том, что ему придется уехать, герцог отправился в дорогу. Накануне вечером пришел посыльный от баронессы де Кастеллано – она просила бывшего любовника нанести визит в ее столичный особняк – но Себастьян написал записку с отказом. После недавнего случая, когда Виенна неожиданно явилась в отведенную ему спальню во дворце и решила напомнить о былом, видеть ее не хотелось, а уж сейчас, когда Лили могла угрожать опасность, он и вовсе не желал тратить время на встречи с бывшей любовницей.

Если бы герцог раньше знал, как могут осложнить жизнь подобные связи... Но молодая кровь требовала своего, и, разумеется, у него имелись нормальные мужские потребности, а прибегать к услугам продажных женщин, как порой делали его неразборчивые знакомые, не хотелось. Уже тогда Себастьян знал, что после достижения Лириан совершеннолетия им придется пожениться, а нежелание баронессы повторно связывать себя узами брака сыграло на руку обоим. Кто мог предположить, что необременительные отношения, которые он пытался разорвать, приведут едва ли не к преследованию с ее стороны? Виенна не оставляла его в покое даже теперь, когда стала королевской фавориткой!

Герэльский тракт заслуженно пользовался дурной славой. Дорога оказалась безлюдной. На пути не встретилось ни карет знати, ни крестьянских телег. Погоняя жеребца, герцог спешил в замок, стараясь не думать о том, что прочтет в письме, но его конь вдруг обо что-то споткнулся. Наезднику удалось не упасть. Он спешился, успокоил животное, огляделся по сторонам и вдруг услышал громкие женские крики. Первым порывом было броситься на помощь. Себастьян привязал коня к дереву и направился в ту сторону, откуда раздавались призывы о помощи. И, лишь ощутив сильный удар сзади, падая в темноту, успел подумать, что угодил в расставленную ловушку, даже не успев воспользоваться лежащим в кармане колдовским артефактом.

Глава 45

Боль в голове потихоньку отпускала, как будто разжимался невидимый кулак. Попробовал немного осмотреться. Герцог наполовину сидел, опираясь на крепкий древесный ствол, и видел склонившиеся над ним нижние ветви облетающего пожелтевшего дерева, которые почти касались его лица. А вот людей пока не видел, только слышал. Но различил ясно, что новый голос, вторгшийся в разговор двух первых доносившихся до него голосов, явно принадлежит его заклятому врагу – Уго Карлуччи, предводителю культистов.

– Ба, да кто это у нас здесь? Никак герцог де Россо? Старый знакомец! И куда же вы так торопились? – с сарказмом осведомился главарь разбойников, подошел ближе и склонился над пленником. Лицо мужчины пересекал безобразный шрам, который когда-то оставил ему Себастьян. Но льнущую к Уго женщину в платье с большим вырезом его уродство, судя по всему, ничуть не смущало.

Видимо, это она кричала на дороге. Ловушка, расставленная для одинокого путешественника. Наверняка они даже не подозревали, что им окажется человек, которого этой шайке и без того давно хотелось стереть с лица земли.

Герцог пошевелился. Его обезоружили, но пока не обыскивали. Артефакт, по виду напоминавший невзрачный кусочек глины, остался в кармане. А в сапоге был запрятан нож. Вот только пока дотянуться до них не было ни малейшей возможности.

Себастьян понимал, что поступил опрометчиво, отправившись в замок в одиночку по Герэльскому тракту. Уж кому, как не ему, знать об опасности этого пути! Но по окружной дороге ехать в два раза дольше. Что же касается сопровождения, то своих надежных людей он уже послал на поиски Лилиан, а набирать наемников было некогда. К тому же он и не подозревал, что фанатики, которых разогнали не так давно, успели подтянуть к тракту новые силы.

Кем они были? Обезумевшими от горя братьями, мужьями и сыновьями казненных по обвинению в колдовстве женщин? Или расчетливыми негодяями, которые считали, что смогут свергнуть с престола короля Арнальдо и сумеют держать в страхе суеверных людей? Или среди разношерстной братии имелись и те и другие?

– Я слышал, вы недавно женились, – продолжал глумиться

Карлуччи. – И где же супруга? Мои ребятки не отказались бы с ней поразвлечься.

Герцог скрипнул зубами. Попытался повернуть голову и застонал от напомнившей о себе боли. Промелькнула мысль, что пока с ним поступали почти милосердно. Всего лишь ударили, чтобы он потерял сознание, а затем связали по рукам и ногам. Но не били и не пытали.

Почему-то данное открытие не так уж и радовало. Почти наверняка оно означало, что для герцога де Россо, который, неся службу королю и стране, не первый год боролся с желающим возродить колдовство культом, фанатики задумали что-то особенное. В прошлый раз они едва не убили его, но и сами понесли немалые потери.

– Пусть он пока поваляется здесь, а нам надо готовиться, – подтвердил его подозрения Уго Карлуччи. – На этот раз все должно получиться. Неужто какой-нибудь демон, привлеченный нашей жертвой, откажется от моей девочки?

Его спутница угодливо захихикала. Себастьян попытался пошевелиться и поморщился от нового приступа боли. Под «девочкой», видимо, подразумевалась размалеванная вульгарная особа, которую культисты надеялись сделать колдуньей с помощью нечестивой связи с демоном, а вот роль жертвы явно уготовили герцогу. Можно было даже предположить, что именно с ним собирались сделать. К примеру, положить на алтарь и выпустить кровь.

Как бы то ни было, при свете дня такие дела не делались. Культистам наверняка требовалась ночная тьма, свечи – подходящая обстановка. Значит, у него еще есть время до момента, в который намечено принести пленного в жертву. Этим временем следует распорядиться с умом. Пока они готовятся к ритуалу, нужно найти способ сбежать.

Артефакты, изготовленные Янисом, действовали безотказно, но, увы, даже сам северный колдун не сумел бы привести их в действие одной силой мысли. Чтобы повергнуть неприятелей в паническое бегство, требовалось стиснуть предмет в ладони и произнести несколько слов на хальфданском. К счастью, Себастьян помнил их наизусть.

Уго с женщиной и остальными бандитами отошли в сторону. Видимо, сочли, что герцог никуда не денется. Пользуясь уединенностью и недоброй славой здешних мест, они даже рот ему не заткнули – звать на помощь бесполезно. Да и не хотелось тратить силы на крики.

Закрыв глаза, Себастьян принялся обдумывать свое незавидное положение.

Несмотря на то что герцог осознавал совершенную им ошибку,

желторотым юнцом он не был и во врагах не обманывался. Однако он знал, что фанатики, не первый год портившие кровь королю Арнальдо, до которого доходило немало слухов о культистах, были не совсем обычными разбойниками. Они преследовали другие цели, потому и нападали на людей не ради грабежа и насилия. Некоторых им удавалось обратить в свою веру, сделать единомышленниками, а остальных, судя по всему, ожидала такая же участь, как и Себастьяна. Если он не придумает, как добраться до ножа и артефакта.

Связывали пленных культисты на совесть. Попытки освободить хотя бы одну руку ни к чему не привели, зато герцог убедился, что недруги за ним особо не смотрят. Тело затекло и нещадно болело, что не прибавляло ловкости.

Прикосновение к лицу показалось легким, как перышко. Снова что-то примерещилось? Себастьян раскрыл глаза и, как на мираж, уставился на склонившуюся над ним девушку.

Она в самом деле напоминала волшебное видение, порожденное фантазией вдохновенной природы. С чуть тронутого нежным румянцем лица смотрели огромные глаза цвета золотистого янтаря, губы алели, как маки, а в водопад медовых волос вплетались цветы. Одевание поражало воображение удивительной чистотой красок и мастерством оттеняющей изысканность наряда вышивки, которую ни одна человеческая мастерица не сумела бы повторить.

– Гиана... – пробормотал герцог.

– Догадался, – ответило диковинное создание. Дух лесов и пещер, рукодельница, способная предсказать будущее и поведать, где найти клад. Но и убить тоже.

Раньше он считал, что такие, как она, существуют только в легендах и сказках.

– Скажи, человек, что мне сделать? Помочь тебе освободиться? – спросила гиана, и голос ее прозвучал, словно плеск лесного ручейка. – Или взять тебя с собой, сделать своим мужем, а затем забрать твою жизнь?

– Помоги мне, – негромко попросил Себастьян. Посмотрел ей в глаза. – Пожалуйста.

– Но почему я должна это делать? Что ждет тебя на свободе? Кому нужна твоя жизнь?

– Моей жене, – выдохнул он. – Я должен... отыскать ее... Ей грозит беда, а если что-то случится, я не смогу жить.

– Человеческая жизнь коротка, – усмехнулась гиана. – А ты уже готов с ней расстаться. Ведь твой отец смог жить после смерти твоей матери, а

затем и той, другой женщины. Да, он не сумел простить себя, но дышал до тех пор, пока смерть не пришла за ним. Если ты не так уж сильно дорожишь своей жизнью, отчего нельзя отдать ее мне, а не твоей жене?

– Потому что я люблю ее, – отозвался герцог, почти не удивившись тому, что гиана знала не только о грядущем, но и о минувшем. – Потому что она верит мне. А я верю ей и знаю, что Лили не сбежала бы просто так, да и записка, говорящая, что она уезжает ради тех, кто ей дорог, подтверждает мои опасения.

– Тогда... – задумчиво протянула его чудесная собеседница, – ответь мне еще на один вопрос. Как ты поступишь, если узнаешь о ней нечто, о чем раньше не догадывался? Не отвернешься? Не пожалеешь, что рисковал жизнью ради того, чтобы найти?

– Я приму ее со всеми тайнами, – произнес Себастьян твердо. Перед внутренним взором предстало лицо Лилиан, которая смотрела на него с надеждой и сочувствием. – Потому что знаю – она не могла совершить ничего плохого. Сердце у нее чистое, как исток горной реки, и ничто не заставит меня в ней усомниться.

– Что ж, любопытно увидеть твое лицо, когда правда откроется, – проговорила гиана и, скользнув за его спину, провела кончиками тонких пальцев по связывающей руки веревке. Легко коснулась ладони – будто бабочка задела крылом. Крепкие веревки начали тлеть от невидимого огня и превратились в прах, но на коже пленника не осталось ожогов. – Дальше действуй сам. Но помни о своих словах, что сможешь принять и простить жену. Люди далеко не всегда поступают правильно... даже если живут не первую жизнь. Ибо забвение милостиво.

Девушка исчезла так же внезапно, как и появилась. Он даже не успел поблагодарить ее. Не успел, но верил, что гиана знала, как он ей признателен... раз уж ей известно все и обо всех.

Торопясь, пока не вернулись фанатики, Себастьян потер запястья, размял руки и начал развязывать веревку на ногах. Та поддалась не сразу, но, ослабив ее, он сумел вытащить нож и перерезать путы. Покачнувшись, неуклюже поднялся и услышал возмущенный крик за спиной.

Кричала женщина. Она пришла одна, без Уго Карлуччи. Но тот, несомненно, был где-то рядом. Как и остальные культисты.

Поклявшись, что не оставит на здешних землях и тени отравляющей их заразы, герцог де Россо вытащил из кармана колдовской артефакт. Сжал в ладони. С губ сорвались слова заклинания, которым его и поверенного обучил хальфданец.

Себастьян не впервые видел, как работает эта вещица, однако каждый

раз дивился эффекту, который та производила. Женщина удирала быстро, только пятки сверкали да юбка колыхалась вокруг коротких ног. Радиус действия артефакта был большим, так что не только она, но и остальные культисты сейчас почувствовали неконтролируемое желание оказаться как можно дальше от человека, который держал в руке небольшой глиняный предмет.

Своего коня герцог нашел привязанным к дереву. На животных артефакт не влиял, так что жеребец беззаботно пощипывал пожухшую траву, а заслышав шаги, громким ржанием приветствовал хозяина. Отвязав жеребца и потрепав по холеной гриве, Себастьян вскочил в седло и продолжил путь к замку де Россо.

На сей раз без приключений.

Глава 46

Как и следовало ожидать, обитатели замка несказанно удивились внезапному появлению герцога, а особенно тому, что он приехал один, без жены и хальфданца. Не отвечая на посыпавшиеся со всех сторон вопросы, Себастьян коротко приветствовал бабушку и, распорядившись, чтобы его не беспокоили, поспешил в комнату, которую в замке де Россо занимал поверенный. Дернул за ручку потайного ящичка секретера и на миг замер, не решаясь прикоснуться к пожелтевшему от времени конверту.

Что он узнает из второго отцовского письма? Правду о том, почему он выбрал в жены для единственного сына именно эту девушку? Ведь в первом письме не было никаких разъяснений, лишь строгие сухие инструкции – как следует поступить следующему герцогу де Россо, чтобы стать полноправным наследником.

Вспомнились слова гианы. Она видела не только будущее, но и прошлое, на которое намекала в беседе с взятым в плен культистами Себастьяном. И говорила о какой-то тайне, которую ему вскоре предстояло узнать.

О тайне, непосредственно касающейся его молодой жены...

Сделав глубокий вдох, он решительно сломал сургучную печать. Глаза забежали по неровным строчкам. Похоже, Гаттини все запомнил верно, отец действительно сильно волновался, когда писал.

Второе послание разительно отличалось от первого. В нем Арманд де Россо не просто излагал свою волю и велел ее исполнить, а обращался к сыну как к равному. Как к тому, в ком надеялся однажды найти понимание, а может быть, и получить прощение.

«Мне нелегко решить, с чего начать свой рассказ. Наверное, с того дня, когда я, вдовец с маленьким сыном и грузом ответственности на плечах, возлагаемым титулом и долгом, встретил северянку по имени Сигрун. Мне неизвестно, довелось ли тебе к моменту, когда ты прочтешь это письмо, повстречаться с людьми, родившимися в Хальфдане. Но поверь, они совсем не такие, как мы. Колдовство совершенно не пугает их, потому что они не считают, что способности к нему могут дать только демоны. Их девушки независимы и свободолюбивы, точно вольные птицы.

Сигрун приехала в нашу страну с отцом. Он сильно болел, и ему порекомендовали перебраться из холодного климата в теплый, на побережье, чтобы можно было дышать морским воздухом. В Хальфдане

море холодное и суровое, не то что у нас. Они отправились в Альмарис, где купили уютный домик. А через некоторое время после их переезда я приехал туда, чтобы погостить у старого друга, и, гуляя вдоль берега, увидел девушку.

С тех пор я не мог думать ни о ком, кроме нее.

Не сразу, но она ответила мне взаимностью. Даже ее отец принял меня и согласился отдать мне дочь. Наши отношения не перешли через границы приличий, ведь я действительно собирался на ней жениться. Такой брак считался бы мезальянсом, но это меня ничуть не заботило. В Альмарисе мы провели самые счастливые дни – светлые, беззаботные.

А затем опустилась тьма. Сначала отцу Сигрун стало хуже. Лекари разводили руками и говорили, что климат лечит, но совсем тяжелая хворь не ушла, лишь затаилась на время. Он кашлял кровью и почти ничего не ел. Я предлагал невесте нанять для больного сиделку, но она отказалась и проводила рядом с отцом все время, уговаривая немного поесть или хотя бы на четверть часа подняться с постели, чтобы выйти в сад.

Его не стало однажды утром. Я уговорил Сигрун продать дом и поехать со мной в замок де Россо. А еще подарил ей картину, которая должна была напоминать о месте, где мы познакомились. Эта картина до сих пор висит в библиотеке замка. Лишь сейчас понимаю, почему моя любимая выбрала полотно со штормом и горящим маяком. Таким маяком стала для меня Сигрун, она развеяла мрак моего одиночества. А я ее не сберег.

Моя мать, твоя бабушка, с первого взгляда невзлюбила невесту, считала ее северной дикаркой и при каждом удобном случае напоминала, что девушке оказали великую милость, позволив здесь поселиться. Я говорил матери, что мне не по душе ее поведение, однако не мог уследить за внутренней жизнью замка, ведь у меня, как у тебя сейчас, имелись и другие обязанности. Да и Сигрун никогда не жаловалась.

Мы готовились к свадьбе, но Ортензия де Россо вообразила, что меня приворожили. Она начала более пристально следить за Сигрун и однажды, волнуясь, заявила, что та колдунья. Нашлись свидетели того, как моя невеста надевала свое северное украшение, и металл, соприкоснувшись с кожей, вдруг на мгновение засветился.

Разумеется, я не поверил. Но мать настаивала, чтобы я как следует побеседовал с Сигрун. Так я и сделал. Посмеялся и сказал, чтобы не обращала внимания, ведь совсем скоро мы поженимся, и все сплетни и домыслы постепенно забудутся. Но каково было мое изумление, когда она подтвердила правоту матери!

Сигрун поведала, что колдовской дар передается в их семье из поколения в поколение, но только по женской линии. Отец ее колдуном не был. А у нее отсутствовали редкие способности к исцелению, потому она и не смогла спасти родителя от болезни. Зато собственные легкие хвори, порезы и ушибы ее тело излечивало мгновенно.

Меня ошеломило ее признание, но Сигрун уверяла, что мне нечего бояться. Никогда она не использовала свой дар во вред живым существам и не собиралась этого делать. Воспитанный отцом, который всю жизнь посвятил борьбе с колдовством, я пребывал в смятении.

Я не знал, что наш разговор подслушивали приставленные матерью слуги. Они немедленно доложили обо всем герцогине, и та, воспользовавшись старыми отцовскими связями, послала за людьми, которые продолжали охоту на колдуний. Они приехали в замок поздней ночью, как кошмарные видения. Пригрозили, что в случае, если я окажу сопротивление, мне самому не избежать наказания, и забрали Сигрун.

Моим первым желанием было сделать все возможное, чтобы спасти возлюбленную. Поспешить в столицу, броситься в ноги его величеству, умолять о пощаде. Я так и поступил, но король Сильвано был неумолим. Он хотел доказать народу, что колдуньи не заслуживают ни малейшего снисхождения, и собирался присутствовать на казни вместе с женой. На мои слова, что Сигрун чужеземка, следовательно, наши законы не должны ее касаться, король усмехнулся и сказал, что, поскольку она сначала постоянно жила в Ирстании, а затем обручилась с его подданным, иностранкой считаться никак не может.

Возможно, будь я смелей и отчаянней, нашел бы способ освободить невесту. Нанял бы людей, устроил побег. Но всем было бы ясно, что это сделал я, ведь никого больше судьба моей нареченной не интересовала. А я помнил об ответственности. За людей, служащих семье де Россо. За мать, несмотря на ее поступок. За тебя. На одной чаше весов оказалась Сигрун, а на другой – все остальное. Сделать выбор было невыносимо трудно.

Но сейчас, читая эти строки, ты уже знаешь, как я поступил. Я выбрал долг и родных. Я не сумел уберечь от гибели ни твою мать, ни Сигрун, но надеюсь, что ты не повторишь моих ошибок.

Ее сожгли в городе Риент. Толпа собралась посмотреть на костер, и его величество с супругой тоже наблюдали, как умирала девушка, которую я любил и предал. Та самая последняя казнь по обвинению в колдовстве, которая вошла в учебники истории. Ты наверняка о ней знаешь, ведь я распорядился, чтобы мой сын получил наилучшее образование. Надеюсь, ты научился думать самостоятельно и делать собственные выводы. На

смену прошлому приходит будущее, и мне хочется верить, что оно лучше того времени, в которое выпало жить мне самому.

После смерти невесты я превратился в бледную тень. Ненавидел себя и не мог видеть свою мать. Лишь ты, сам того не зная, служил для меня утешением. Будь у нас с Сигрун сын или дочь, ты был бы не один в этом мире. Но я так и не прикоснулся к ней, ожидая свадьбы.

После казни Сигрун я думал, что в моей жизни больше ничего не изменится, но однажды мне велели срочно прибыть в королевский дворец. Меня встретил король Сильвано, на лице которого я увидел безмерную тревогу. Когда нас оставили наедине, он рассказал мне о ее причине.

В то время, когда Сигрун попала в лапы охотников на колдуний, королева Доротея ожидала ребенка. Не первенца, ведь их сын Арнальдо примерно твой ровесник, но не менее желанного ребенка. Она хотела произвести на свет девочку, такую же красивую, как и сама. На казни Доротея присутствовала уже беременной – лекари потом это подтвердили. Думаю, если бы она раньше узнала о беременности, не согласилась бы идти с супругом на казнь в Риенте.

Как королеве и мечталось, у нее родилась девочка. Самая красивая, как восторженно заявляли придворные. Принцесса обещала стать прекрасной девушкой, если бы не странные обстоятельства, которые дали о себе знать, как только она начала говорить. Повышенный интерес к колдовству – о нем болтали суеверные слуги. А еще чужое имя, которое она назвала однажды, указав на себя пальчиком.

«Меня зовут Сигрун». Не могу представить ужас венценосных родителей, которые это услышали. Поначалу они хорошенько допросили прислугу, предположив, что кто-то мог ненароком поведать малышке о казни, но слуги отпирались. А принцесса начала рассказывать про Хальфдан так, словно лично бывала там. И про Альмарис...

Порывшись в королевской библиотеке, отыскали книгу о северном колдовстве. Сказочную, однако наводящую на некоторые мысли. В ней говорилось, что хальфданские колдуны и колдуньи в момент смертельной опасности, когда душа отделяется от тела, могут настолько сильно пожелать, чтобы их жизнь продолжилась, что душа не отлетает к небесам, а переселяется в кого-то, кому предстоит появиться на свет.

Так и произошло. Душа Сигрун обрела приют и снова родилась в теле принцессы. Внешне девочка походила на мать, но в душе была хальфданкой, к которой постепенно возвращалась память о предыдущей жизни.

Перепуганная королевская чета не находила себе места. Какая ирония

судьбы! Душа казненной перешла к дочери того, кто подписал указ о казни!

Король Сильвано и королева Доротея больше всего боялись того, что в девочке проявятся способности к колдовству. Они приняли решение растить ее не в столице, а подальше от досужих сплетен, вездесущих ушей и любопытных глаз придворных. Заявив, что у малышки слабое здоровье, спрятали ее в доме среди леса, но понимали, что вечно такая жизнь продолжаться не может.

Тем временем наладились отношения с Хальфданом, и, посоветовавшись, родители надумали отправить дочь туда. С семейной парой – опекунами, которые стали бы для девочки приемной семьей и воспитали ее как собственное дитя. Обставить отъезд решили так, чтобы принцессу считали умершей. Король с королевой находились в столице. В условленный час наемники подожгли дом в лесу. Слуг убили, чтобы впоследствии никто не проболтался.

Королевскую дочь должны были немедленно забрать из леса и отвезти в Хальфдан те самые опекуны. Но что-то пошло не по плану. То ли лошадь по дороге захромала, то ли семейная пара приболела в пути. Они задержались, а к моменту, когда прибыли на место, девочки там не оказалось.

Официально принцессу признали погибшей во время пожара. По всей стране объявили траур. Тогда я еще ничего не знал, а услышав новость, остался равнодушным, как и почти ко всему, что происходило в мире.

Позже королевской тайной службе удалось выйти на след принцессы. Выяснилось, что некие сердобольные люди, проезжавшие мимо леса, нашли ее и отправили на воспитание в обитель. А еще – что она ничего о себе не помнит.

Та супружеская пара, которая собиралась взять девочку, уже уехала в Хальфдан, а искать новых доверенных людей, готовых навсегда покинуть страну, после объявленного траура казалось рискованным. Король и королева пришли к выводу, что потеря памяти стала благом для их дочери, и решили обратиться за советом к тому, кто знал и любил Сигрун при жизни, то есть ко мне. Рассказав правду, они разделили со мной тайну и ответственность, и я поверил им.

Вместе мы решили, что пока оставим все как есть. Пускай девочка растет в отдаленной от Лиарнесса обители. Может быть, со временем она вовсе не станет колдуньей, ведь у нее тело не хальфданки, а уроженки нашей страны. Но упускать ее из виду нельзя, о дальнейшей судьбе принцессы следует позаботиться. Обитель подыскивает воспитанницам мужей, так почему бы не договориться о будущем браке заранее? Решение

напрашивалось само собой. У меня рос сын, который впоследствии мог жениться на девушке и хоть немного загладить мою вину перед Сигрун.

Я написал эти два письма. С настоятельницей обители связывался тоже я. Заплатил ей и попросил, чтобы твою будущую невесту не показывали другим мужчинам.

Теперь вы уже женаты. Если ты читаешь мое письмо, значит, что-то случилось. К Лилиан вернулась память? Или колдовской дар все же проявился? В любом случае я прошу тебя позаботиться о ней. А в крайнем случае, если потребуется, показать письмо Арнальдо – а также второй лист бумаги, который найдешь в этом конверте. Он подписан его родителями и подтверждает каждое мое слово. Наследник престола не знает, что его сестра жива, ведь мы поклялись унести тайну в могилу и никому не раскрывать правду о происшедшем, если не вынудят обстоятельства.

Полагаю, так и произошло. Если способности хальфданской девушки Сигрун перешли к принцессе, тебе нужно попытаться понять и смириться с этим. И, оказавшись в том же положении, в каком когда-то был я, принять другое решение.

Мое здоровье все хуже, так что едва ли я доживу до твоей свадьбы. Однако мне почему-то кажется, что даже с душой Сигрун маленькая Лили – новый человек. Ведь у нее появились свой опыт и собственные суждения, которые прибавились к тем качествам, что уже имелись в момент появления на свет.

Возможно, тебе нелегко осознавать, что твоей жене даны такие силы, которых нет у тебя. Но знай, сын мой, что тебе доступно другое волшебство – любовь. Она сильнее сословных предрассудков, козней врагов и любых сомнений, что могут поселиться в твоём сердце. И, если ты действительно всей душой полюбишь эту девочку, не отпускай ее. Заботься о ней, оберегай и защищай, как величайшее сокровище в мире.

Ты обещаешь?»

Глава 47

Себастьян не знал, сколько прошло времени. В комнате стояла тишина. Герцог сидел за столом, сжимая в руке отцовское письмо. Пытался понять, свыкнуться с тем, как много он не знал о своем отце Арманде де Россо, королевской семье и собственной жене.

Теперь ему стали понятны загадочные слова гианы. Дух природы, она знала все. И о том, что человеческая жизнь может оказаться не первой, и о том, что его отец жил дальше, потеряв обеих женщин, которых любил.

Вот только жил он недолго и несчастливо.

Встрепенувшись, герцог де Россо посмотрел в окно, за которым сгущались вечерние сумерки. Нужно найти Лилиан! Теперь он, кажется, знал, где ее искать.

Послышался торопливый стук в дверь, и в комнату заглянула одна из горничных.

– Ваша светлость, в замке пожар! – воскликнула она. – Прошу вас, поспешите! Скорее же!

Себастьян бросился за ней. Горничная побежала по лестнице вниз, в одно из отдаленных подсобных помещений. Но, несмотря на ее слова, особой суеты в коридорах герцог не заметил.

– И это вы называете пожаром? – скептически осведомился де Россо, глядя на тлеющие на каменном полу гусиные перья и сухие осенние листья.

– Ох, я так испугалась, ваша светлость, так испугалась, когда увидела, что отсюда валит дым! – запричитала девушка. – У страха глаза велики! Наверняка все это Луиджи устроил, мелкий негодник!

– Впредь попрошу не беспокоить меня по таким пустякам, – произнес герцог, морщась от запаха жженных перьев. Не зря именно с помощью этого запаха потерявших сознание людей приводили в чувство. – Тут вы и сами можете разобраться, а доложить следовало не мне, а экономке.

– Простите... – опустила глаза горничная, заливаясь краской.

Герцог направился в комнату поверенного. Миновал коридоры, лестницы. И... замер на пороге, увидев лежащую на полу Ортензию де Россо. В руке она сжимала письмо, которое Себастьян второпях оставил на столе. Когда внук кинулся к бабушке, ее ресницы слегка дрогнули.

Жива!

Старую герцогиню перенесли в спальню, переодели в ночную рубашку. Слугу отправили за лекарем. Герцог, в такие минуты особенно

остро чувствовавший собственное бессилие, сидел у постели больной.

– Ты ведь останешься со мной?.. – слабым голосом спросила она, когда внук коснулся ее пальцев. Бабушка всегда казалась ему крепкой, нестигаемой. Она вырастила его, железной рукой управляла большим хозяйством. Но, видимо, потрясение, вызванное письмом, оказалось слишком сильным. Историю с пожаром тоже выдумала Ортензия – подослала молоденькую горничную, чтобы заставить внука отлучиться, а в это время заглянуть в бумаги, которые тот изучал в комнате поверенного.

– Я останусь, – склонившись к бабушке, ответил Себастьян. – Не волнуйся. Конечно же я буду рядом.

– Уехал?! Что значит – уехал?.. – вспыхнула Виенна, получив известие, что герцог де Россо отбыл из столицы в свой родовой замок. А ведь накануне она посылала к нему слугу, предлагала встретиться. Себастьян ей отказал.

– Слышал, он повсюду разослал людей, чтобы они искали его супругу, – проговорил Валерио Манчини, который и принес эту новость. Главный придворный сплетник всегда знал все обо всех. Но о том, почему Лилиан уехала, ему было неизвестно, а рассказывать баронесса де Кастеллано не собиралась.

– Убирайся! – приказала она, и Манчини, пожав плечами, скрылся.

Неужели все пропало? Неужели ее план выдать королевского бастарда за дитя герцога провалился? И все из-за безродной девки, которая, даже отсутствуя, ей мешала!

– Если не выйду замуж, я не хочу этого ребенка, не хочу, не хочу! – в ярости выкрикнула баронесса, швырнув попавшуюся под горячую руку вазу в зеркало. По стеклу разбежались трещины. Во все стороны брызнули осколки.

У порога раздался громкий вскрик.

– А ты что тут делаешь? – бросила Виенна, увидев Иларию. Впрочем, не слишком удивилась. Опальная фаворитка почти не отходила от баронессы де Кастеллано, прицепилась к ней, как плющ. Неужто действительно считала ее лучшей подругой? И простила за то, что Виенна увела у нее короля Арнальдо?

Только такое ничтожество, как Илария де Коста, могло безропотно проглотить подобную обиду!

– Я не ослышалась? – спросила бывшая фаворитка, подходя ближе. Осколки хрустнули под каблуками туфель. – Ты ждешь ребенка?

– Ты ведь никому не скажешь? – вскинулась баронесса.

– А мне поверят? – горько усмехнулась собеседница. – Скажут, что

выдумываю из зависти. И... ты в самом деле его не хочешь?

– С чего бы мне его хотеть? – фыркнула Виенна.

– Тогда... – волнуясь, произнесла Илария. Ее голос вдруг стал заискивающим, а взгляд почти застенчивым. – Может быть, ты отдашь его мне?

– Что?!

– Я воспитаю его как своего. У меня есть средства, ты же знаешь... Я бы могла уехать и поселиться подальше от столицы. Пусть люди думают, что я вдова.

– Глупости! – расхохоталась баронесса. – Что это ты придумала? Сейчас притворяешься паинькой, а затем станешь шантажировать меня этим выродком! А может, не только меня, но и его величество? Думаешь, испугавшись, что о бастарде накануне королевской помолвки узнают все, он снова возьмет тебя в свою постель?

– Так бы поступила ты, – побледнев, ответила бывшая фаворитка. – Но не я. Мне просто хочется...

– Знать не желаю, чего тебе хочется! – выплюнула ей в лицо Виенна. – Но моего ребенка ты не получишь! Я лучше избавлюсь от него, чем отдам тебе!

Когда Илария де Коста ушла, баронесса крикнула слугам, чтобы убрали осколки зеркала и разбитой вазы, а сама отправилась в спальню и забылась беспокойным сном.

Проснувшись от стука в дверь.

– Опять ты? – буркнула Виенна, увидев на пороге Иларию с подносом.

– Если ты не передумала, то я... Я все равно уеду. Не могу больше здесь оставаться.

– Воля твоя. Не передумала и не передумаю. А на короле свет клином не сошелся – ты могла бы найти при дворе и другого любовника.

– Выпьем на прощанье?

Милостиво кивнув, баронесса потянулась к одному из стоящих на подносе бокалов. Ее любимое вино. В меру сладкое, терпкое. Но сейчас в нем ощущалась странная горечь. Наверное, всему виной проклятая беременность – даже вкусом вина насладиться не даст.

Компаньонка сидела напротив и задумчиво смотрела на Виенну, поглаживая кончиками пальцев дорогой хрусталь.

Когда опальная фаворитка ушла, баронесса поднялась на ноги. Покачнувшись, схватилась за стену. Ее снова тошнило.

За дверью комнаты, сжав кулаки, стояла Илария. Она боялась и желала увидеть, как ненавистная подруга упадет на пол, царапая горло ногтями.

И мысленно просила прощения у ребенка, которому лучше было умереть, чем родиться у такой матери.

– Я давала ей шанс, – пробормотала Илария. Одними губами – сухими, холодными. – Давала шанс им обоим.

Если бы баронесса де Кастеллано согласилась отдать ей малыша, осталась бы в живых. Но она отказалась. И выпила вино, отравленное ядом.

Илария де Коста с детства мечтала стать женой и матерью. К ней сватались, но она желала выбрать самого лучшего мужчину. А затем на нее обратил внимание король. Это было так лестно, так удивительно... Илария влюбилась.

Быть фавориткой – совсем не то же самое, что супругой. Лесть придворных быстро надоела. Чтобы не терзаться мыслями, что однажды его величество женится на другой, Илария заедала тоску сладостями. Ей хотелось иметь детей от Арнальдо, но боги сделали ее бесплодной, лишив счастья материнства. А потом она наскучила королю, и тот заменил фаворитку другой.

Для Виенны расположение его величества было лишь собственным капризом. Она не любила его. Никого, за исключением себя самой, не любила.

К тому же Виенне де Кастеллано показалось мало того, что она заняла место фаворитки. Она всячески унижала Иларию – ту, которую прежде называла своей подругой. Сделала ее компаньонкой, как никчемную старую деву. Настроила против нее всех при дворе. Кто-то смотрел с жалостью, кто-то смеялся в лицо.

Теперь все закончится. Баронесса больше не будет насмехаться над ней. А собственная судьба Иларию мало заботила.

– Имбирный чай! – провозгласила Микела, внося в столовую пузатый глиняный чайник. – После обеда – самое то! Угощайтесь!

– Спасибо! – отозвалась я благодарно. В последнее время меня уже почти не мучило от запахов, однако добрая женщина по-прежнему готовила для меня лишь самое полезное. – Составите мне компанию?

– А почему бы и не составить? – охотно согласилась хозяйка и села за стол. – Вот знаю, что вы вдова, а все равно немножко завидую. Будь у меня дети, оставались бы со мной, пока муж в плавании. Хотя они ведь растут... А затем разлетаются из родительского гнезда.

«Не все», – мысленно заметила я, подумав о замке де Россо. Покинуть его Себастьян не смог бы при всем желании. Если только временно, как тогда, когда жил в столице, но уж точно не навсегда.

Но Альмарис считался провинцией, и молодежь тут задерживалась далеко не всегда. Хорошо, если у семьи имелось собственное дело, к примеру, кузница или сапожная мастерская. В таких случаях дети и внуки обучались ремеслам, которыми владели отцы и деды. Но этим могли похвастаться далеко не все. Порой молодые люди нанимались на корабли, но не каждый мог справиться с этой работой, сопутствующей ей морской болезнью и прочими тяготами несладкой моряцкой доли, так что приходилось уходить на заработки в большие города.

Обо всем, что касалось Альмариса, мне рассказывала Микела, которая родилась и выросла здесь. Она завидовала мне, а я ей. Как бы мне хотелось, чтобы моей родиной оказалось это красивое место!

Я постепенно привыкала к Альмарису. Правда, однажды, увидев во время прогулки небольшой дом, похожий на тот, который принадлежал Микеле и ее благоверному, вдруг почувствовала, как к глазам подступили слезы. Хотя с чего бы?.. Домик выглядел уютным, невысокий забор обвивала цветущая жимолость, во дворе играли дети, бегала явно довольная своей жизнью лохматая собака. Я отнесла странную реакцию на счет беременности, решила, что у меня глаза на мокром месте.

– Кажется, к нам гости! – воскликнула вдруг Микела, глянув в окно. Подтверждая ее слова, в дверь постучали. А через несколько минут в столовой появился Аларик.

– Приятного аппетита! – произнес он, поклонившись.

Хозяйка засуетилась, усаживая гостя за стол. Когда она вышла за припасами в кладовую, рассудив, что для мужчины, да еще с дороги, требуется что-нибудь посущественней, чем имбирный чай, Аларик повернулся ко мне. Он смерил меня взглядом, и я прижала ладонь к округлившемуся животу, скрытому краем стола и складками низко свисающей скатерти.

– Вам следует вернуться к супругу, – проговорил наемник. Смысл его слов дошел до меня не сразу. – Вы нужны ему.

– Вернуться? Но как я могу? Вы ведь не знаете...

– Я знаю больше, чем вы думаете.

– Но... Как же баронесса де Кастеллано? Если я вернусь, она... – совершенно растерялась я.

– Баронессы Виенны де Кастеллано уже нет в живых. Ее отравила Илария де Коста. Сейчас Илария в тюрьме, – сообщил, присаживаясь напротив, собеседник.

– Как?! – ошеломленно ахнула я, прижав ладонь ко рту. Услышанное не укладывалось в голове. Илария убила Виенну?..

– Теперь баронесса вам не угрожает.

– А слуга? – вспомнила я. Опальная фаворитка была слишком напугана, когда стрела чуть не угодила в нее. Она зажмурилась. Но баронесса утверждала, что все, что произошло, кроме нее самой, видел подкупленный ею прислужник!

– Кто?

– Слуга, приставленный к княжне Эльсе.

– Тот, что таскает за нею лук и стрелы? Так он ведь немой. Ни говорить, ни писать не умеет.

– Немой? – переспросила с изумлением. Выходит, Виенна блефовала, утверждая, что он подтвердит ее слова? Воспользовалась тем, что, совсем мало пожив при дворе, я не знала таких подробностей? А ведь действительно – при мне слуга не вымолвил ни слова! Но я думала, что он вышколен, потому молчит.

– Как рыба, – кивнул наемник. – У меня для вас еще одно нерадостное известие. Ортензия де Россо, бабушка вашего мужа, недавно скончалась.

От волнения у меня потемнело в глазах, и я впала в милосердное забытие.

Эпилог

Словно сквозь сон, до меня глухо доносились голоса.

– Да что же такое?! – охала перепуганная Микела. – Вы ей что-то плохое рассказали? Да разве же можно, в ее-то положении?

– В каком положении?

– Сами не видите?

Я почувствовала, как меня подхватили и куда-то понесли. Недалеко – в мою комнату. Аккуратно опустили на мягкое покрывало, которым я утром застелила кровать.

– Пожалуйста, выйдите... – Аларик выпроводил из спальни хозяйку дома, и та, чуть посопротивлявшись, подчинилась. – Я вас позову.

Он подошел к постели, скрипнул стоящий рядышком стул. Сознание понемногу возвращалось ко мне, однако тело все еще наполняла неприятная слабость. Внезапно я ощутила, как она уходит, сменяясь неизвестно откуда взявшейся энергией.

Подняв ресницы, увидела прямо над лицом крепкую мозолистую ладонь, от которой разлетались яркие искорки.

– Как светлячки... – пробормотала тихо. Ладонь исчезла, и надо мной склонилось лицо наемника. – Вы... колдун, да?

Я ничуть не боялась. Ведь Янис – тоже колдун. И я сама... Что же касается Аларика, он всегда проявлял доброту по отношению ко мне. Даже тогда, когда работал на Виенну де Кастеллано.

– Оставим это секретом? – мягко усмехнулся мужчина. Чуть виновато. Наверное, подействовало, что Микела отчитала его за меня. – Не следовало сразу вываливать все плохие новости. Вы хорошо себя чувствуете?

– Теперь да, – отозвалась я. – Скажите, вы ведь вылечили тогда моего супруга... Тоже с помощью колдовства? Верно? Потому и требовали оставить вас наедине?

И как я раньше не догадалась?! Должно быть, Янис это знал – понял или же выяснил, побеседовав с наемником. Но северянин умел хранить чужие тайны.

– А правда ли, что в полнолуние действует любое колдовство? – спросила я. Сама не понимая, почему задала вопрос. В глазах собеседника после моих слов вдруг появилось что-то странное – то ли удивление, то ли испуг. Всего на мгновение. Выражение его лица тут же стало непроницаемым.

– Не любое. Однако полнолуние усиливает колдовство. А если сопровождается затмением, то вдвойне.

Мне вспомнились рассказы наставниц обители о том, что в тот год и месяц, когда меня нашли, на небе было лунное затмение. Может быть, я даже видела это явление собственными глазами, вот только забыла.

– Но почему всегда говорили только о колдуньях-женщинах? – спросила я с возмущением. – Почему только на них охотились? Что, демонов женского пола не бывает?

– Демонов вообще не существует, – ответил после недолгой паузы Аларик. – Есть прекрасные гианы, духи-девушки, что живут в лесах. Есть веселые массариоли, которые заплетают в косички конские хвосты и гривы. Их лица – точно у маленьких старичков. А вот у проказливых серванов – мальчишеские. Однако, если суметь с ними договориться, не показывая досады на их шалости, они станут помогать по хозяйству, а в награду потребуют лишь блюдце сливок.

– И вы всех их видите? – изумилась я.

– Если они захотят себя показать, то да. А что касается ответа на ваш вопрос... Колдунов мужского пола на нашей земле во все времена было так мало, что в их существование никто особо не верил. К тому же у нас привыкли сваливать все беды на женщин. Вы ведь, живя у моря, наверняка слышали, что женщина на корабле – к несчастью.

– Да, – вздохнула я. Вспомнилось, что Виенна говорила о фокуснике. Действительно он колдовал или ей показалось?.. А еще любопытно, кто делал зачарованные кольца-маячки для обители? Или нас обманывали, чтобы запугать, и кольца были самые обычные?

– Так вы вернетесь к мужу? Особенно теперь, с учетом вашего положения, – добавил Аларик. – Разве герцог де Россо не заслужил радостной вести – он станет отцом?

– Заслужил, – опустил глаза, согласилась я. Сердце сжала тревога за Себастьяна. Потеряв Ортензию, он остался совсем один – без семьи. Должно быть, ему сейчас очень одиноко... Больше, чем мне самой.

– Решайтесь. Я побуду здесь до завтрашнего вечера, – сказал, поднимаясь, наемник. – Если вы согласитесь, отвезу вас.

Оставшуюся часть дня он провел, то ли навещая других знакомых, то ли в ближайшей таверне. Воротился ближе к ночи, когда стемнело. К тому времени Микела уже приготовила свободную комнату.

На следующее утро я по привычке отправилась на прогулку. Хотелось побыть наедине с собой и вольной морской стихией. Волны бились о берег, грозили намочить подол моего платья, а я, не обращая на них внимания,

вспоминала, грустила, думала.

– Лили...

В первое мгновение я решила, что родной голос мне померещился. Но все же повернула голову в ту сторону, откуда он донесся, и лента, которую я рассеянно наматывала на ладонь, выскользнула из пальцев и улетела, подхваченная ветром. Сердце стучало, и его стук отдавался в ушах барабанным боем.

– Себастьян!

Я бросилась к мужу, неловко подобрав юбки. Смеясь и плача, все еще до конца не веря, что вижу его перед собой. По-настоящему, не во сне! Он обнял меня, подхватил на руки. Тут же поставил на песок, с изумлением посмотрел на мой живот, который обрисовывала трепещущая на ветру ткань платья.

– Это... правда? – спросил, как и я сама, не сразу поверив в реальность происходящего.

– Ну да, – ответила я счастливо и смущенно, пряча лицо у него на груди. – Но как ты догадался, что я здесь? Неужели из-за картин?

– Не только. Однако тебя тянуло сюда не из-за них. Я...

– Стой! – Я прижала ладонь к его губам. – Сначала выслушай. Я должна тебе кое-что рассказать.

Пусть наконец-то услышит. О том, что известно его другу-хальфданцу. О том, о чем случайно узнала Виенна де Кастеллано.

И, если выяснится, что он действительно не желает видеть матерью своих детей колдунью...

– Если речь идет о твоём даре, то я о нём знаю, – вымолвил Себастьян, и в его взгляде я не увидела ни презрения, ни страха. Лишь тепло и нежность. Как мне их не хватало!

– Но откуда? Янис все-таки проговорился? – в растерянности предположила я, но в ответ герцог покачал головой. – Тогда как ты...

– Тебе нужно кое-что прочесть. Письмо моего отца. Оно ответит на все вопросы. Или... почти на все. Ты тоже должна рассказать, почему внезапно сбежала сюда, от чего хотела нас защитить и кто тот, кому ты благодарна.

Значит, Себастьян нашел вторую записку! Почему я оставила еще одну записку, кроме написанной под диктовку Виенны? На всякий случай? В надежде, что, прочитав ее, муж все поймет? А если не он, так северянин, который все же сохранил мою тайну?

Письмо Арманда де Россо я перечитала несколько раз. В одиночестве, в своей спальне. В это время за ее стенами Аларик беседовал с герцогом. Не знаю, как ему удалось объяснить вернувшейся с рынка Микеле, что мой

супруг жив и здоров.

Слова, написанные на бумаге рукой человека, которого я никогда не знала и не помнила, дышали искренностью, но соотнести их со своей персоной у меня пока не получалось. Душа хальфданской колдуньи? Принцесса? Неужели все, что написано, обо мне? Меня захлестнули сомнения.

Но мои странные сны и проблески воспоминаний служили подтверждением рассказа.

Тогда... у меня есть мать и старший брат?

Семья, которая так и не забрала меня из обители и на всю страну объявила умершей. Кто заподозрил бы, что погибшая дочь короля Сильвано и ничего не помнящая о себе Лили – одно лицо?

Я вспомнила вчерашний разговор с человеком, который оказался колдуном, его странную реакцию на мой вопрос. Это навело на подозрения. Наемники, которые убили всех слуг в уединенном лесном домике, а сам дом сожгли... Уж не в ту ли ночь, когда было лунное затмение? Девочка, потерявшая память.... Как такое могло произойти? Не колдовским ли вмешательством объяснялось случившееся со мной?

А если полнолуние и лунное затмение подпитывали колдовские силы, не перестарался ли колдун? Может быть, он всего лишь хотел, чтобы у меня исчезли воспоминания о последних событиях? О вторжении пугающих незнакомцев, о гибели людей, которых я знала?

Позже, когда я спросила, Аларик подтвердил мои догадки.

– Так вы за это просили однажды простить вас?

– За все. За то, что ненароком украл у вас воспоминания. За то, что не дождался тех, кто обещал, но так и не приехал за вами. В лесу тогда было спокойно, разбойники не бесчинствовали, и нам велели не ждать. Но я ведь мог послушаться! А еще за то, что вам пришлось увидеть смерть слуг. Я не убивал их сам, но и не запрещал своим людям выполнять приказ.

– Они не знали, кто я?

– Они дали клятву, которую нельзя нарушить. Мне. Люди знали, что, поклявшись мне в чем-то и нарушив клятву, умираешь. Но наемники – особый народ, мы не боимся рисковать. Да и заплатили им столько, что хватило бы на две безбедные жизни.

– Выходит, королевская казна из-за меня обмелела? – попыталась пошутить я и тут же всхлипнула. – Что мне делать? Ведь колдовство в нашей стране все еще вне закона...

– Что делать? Продолжать жить. Воспитывать сына или дочь. Или много сыновей и дочерей. В замке де Россо места хватит на всех. А еще вы

можете увидаться с матерью. Вам решать, желаете ли вы встречи с ней.

– И по-прежнему держать дар в тайне, бояться случайно выдать себя при тех, кто не знает? – отозвалась я. Если возобновить занятия с Янисом, наверняка получится. И все же...

– Но мне ведь удастся, – заметил он.

– Не всегда.

– Дара предвидения, как у гиан, у меня нет, однако я чувствую, что назревают перемены, хотя не могу сказать, будут ли они связаны с отложенной пока помолвкой и свадьбой короля Арнальдо. Нужно лишь немного подождать. Главное, что герцог, ваш супруг, принял вас. И как человека, в котором живет чужая душа. И как принцессу. И как любимую. Поверьте, настолько сильные чувства не скрыть.

– Вы слишком добры ко мне, – откликнулась я, вытирая слезы.

– Как вы того и заслуживаете, ваше высочество.

Дни пролетели быстро, как минуты, и вскоре мы отправились в дорогу. Грустно было прощаться с Микелой и Альмарисом, но какое-то время мы с Себастьяном здесь все-таки провели. Вместе, вдвоем, как и мечталось.

А еще я бросила в море монетку, чтобы вернуться.

Я смотрела из окна кареты, вспоминая, как ехала этой дорогой. Потерянная, не знающая, чего ожидать от встречи с мужем, который тогда был для меня незнакомцем, а сейчас стал самым близким в мире человеком. Он сидел рядом и обнимал меня.

Мы возвращались домой, нас ждал замок де Россо, который больше не казался мне мрачным.

Расскажи мне о море, о волнах, целующих скалы,
Прибрежных камнях и жемчужинах, спящих в глубинах,
О белом песке, о ракушках и алых кораллах,
И ночь с твоей сказкой уже не покажется длинной.

Расскажи о тепле, о ясном весеннем рассвете,
И, согретая им, я засну у тебя на коленях.
О песнях волшебных, что нам принесет южный ветер,
О первом цветении яблони в розовой пене.

Расскажи о любви, что сильнее врагов и препятствий,
Горячей, как солнце весной, и глубокой, как море.

О том, что с тобою у нас впереди только счастье,
Сплетенное с вечностью в летнем цветочном узорѣ.

В романѣ использованы стихи автора.

СНОСКИ

Полента – блюдо из кукурузной крупы мелкого помола, напоминает кашу или мамалыгу. – *Примеч. авт.*